

Восточный архив

№ 2 (26), 2012

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.И. Шеремет – зам. председателя
В.М. Алпатов
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов
Т.Л. Шаумян

Редколлегия

В.И. Шеремет – главный редактор
В.В. Беляков – зам. главного редактора
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
И.В. Зайцев
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____

Объем 12,0 п. л.

Отпечатано в типографии Максимова
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы

© Институт востоковедения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	5
<i>Год российской истории</i>	
Курас Т.Л. А.Н. Гессе: служба в пореформенных судебных органах Российской империи	7
* * *	
Тимохин Д.М. Жизнь и смерть Инал-хана в описаниях арабо-персидских источников эпохи монгольского завоевания	13
Кадырбаев А.Ш. Документы РГА ВМФ о политике Российской империи в Китае и на Тихом океане. 1857–1898 годы	22
Горбунова Н.М. Сирия и Ливан в XIX – начале XX в.: первые шаги модернизации «сверху» (окончание)	29
Хохлов А.Н. А.Ф. Попов – первый преподаватель русского языка в пекинской школе иностранных языков «Тунвэньгуань» (окончание)	37
Бухерт В.Г. Генерал Скобелев об Абдурахмане Автобачи	44
Коркмасова Д.А. Судьба первой турецкой газеты на русском языке «Стамбульские новости»	47
Жигалина О.И. Россия и курды Северо-Западного Ирана во время Первой мировой войны. Новые документы	51
Кудухов К.С. Коминтерн и «бухарский эксперимент»	56
Крылова Н.Л. Бизертская одиссея юного матроса. Из архива А.А. Манштейн-Ширинской	63
Беляков В.В. Русская печать Египта	72
Лим С.Ч. Источники об истории борьбы айнского народа в Японии	76
Марахонова С.И. Русский японист С.Г. Елисеев: первый период эмиграции. Париж, 1921–1934 годы	86
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 2 (26), 2012

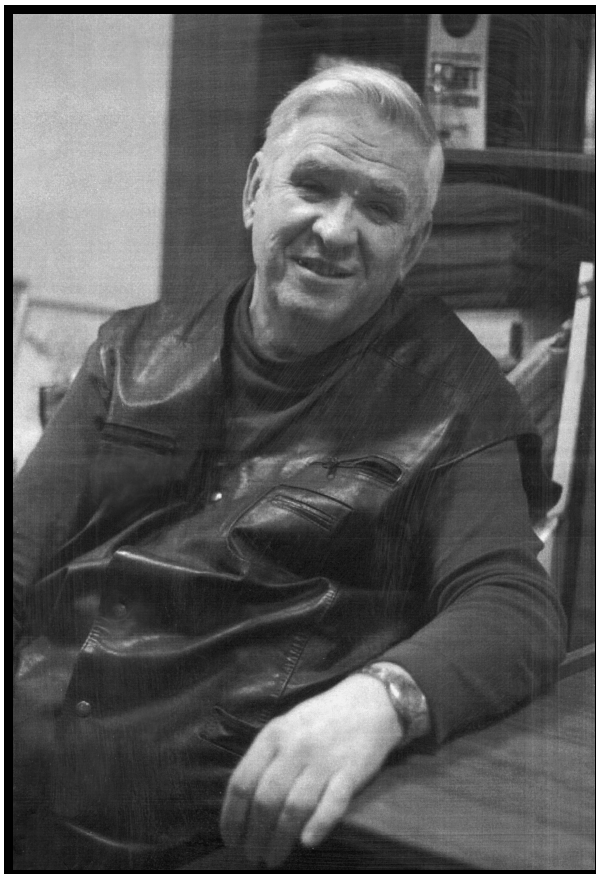
CONTENTS

Editor's notes	5
<i>Year of Russian history</i>	
Kuras, Tatiana. Alexander Gesse and his work in judicial system of the Russian empire	7
* * *	
Timokhin, Dmitriy. Life and death of Inal-khan as they fixed in Arab-Persian sources of the era of Mongolian conquest	13
Kadyrbaev, Alexander. Russian imperial policy towards China and the Pacific ocean. 1857–1898. Documents of the Russian State Naval Archive.....	22
Gorbunova, Natalia. Syria and Lebanon in XIX – beginning of the XX century: first steps of the modernization “from the top”	29
Khokhlov, Alexander. On Aphanasiy Popov – the first teacher of the Russian language at the Foreign languages’ school in Beijing	37
Buhert, Vladimir. General Scobelev on Abd ar-Rahman Autobachi, commander of Cocand forces during insurrection of the years 1875–1876	44
Korkmasova, Djana. First Turkish newspaper in Russian language “Istanbul News”	47
Zhigalina, Olga. Russia and Kurds of the Northern-Western Iran during the First World War. New documents	51
Kuduhov, Cyril. Communist International and situation in Bukhara	56
Krylova, Natalia. Young Russian seaman’s adventure in Bizerta. From the private archive of Anastasia Manshtein-Shirinskaya	63
Beliakov, Vladimir. Russian-language press in Egypt	72
Lim, Sofia. Sources on Ainu people’s struggle in Japan	76
Marakhonova, Svetlana. Russian expert on Japan Sergey Elisseev and the first period of his work abroad. Paris, 1921–1934	86
Contributors	96

ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ ШЕРЕМЕТ

(05.12.1940 – 05.10.2012)

5 октября на 72-м году жизни скорпостижно скончался главный редактор «Восточного архива» Виталий Иванович Шеремет. Всего за несколько дней до этого он написал свое очередное «Слово редактора», традиционно открывающее каждый номер нашего журнала. Обсуждал с нами содержание следующего, весеннего выпуска «Восточного архива». Собирался подготовить для него статью... Не успел.

О научных заслугах доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института востоковедения РАН профессора В.И. Шеремета наш журнал писал совсем недавно, в связи с его 70-летием (№ 2, 2010). В честь юбилея коллеги и ученики Виталия Ивановича подготовили и выпустили специальный сборник (Vitaleus. Сборник статей, посвященный 70-летию В.И. Шеремета. М., 2010). Он открывается обширной статьей, повествующей о научных достижениях юбиляра. Не будем повторяться, скажем только, что это был выдающийся ученый. И прекрасный педагог. Скольким молодым историкам-востоковедам открыл он дорогу в научную жизнь! Скольким студентам привил интерес к истории, к Востоку!

Для нас, работавших бок о бок с В.И. Шереметом весь XXI век, он был не просто «шефом» – главным редактором «Восточного архива», руководителем Сектора архивных публикаций Отдела истории Востока ИВ РАН. Старший товарищ с огромным жизненным опытом и обширнейшими знаниями, он стал для нас подлинным Учителем. Виталий Иванович и

скончался в День учителя. Благодаря ему в нашем маленьком коллективе всегда царила атмосфера благожелательности и взаимной выручки.

Еще древние египтяне подметили, что письмена живут куда дольше, чем их создатели.

Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.

(«Прославление писцов», перевод *Анны Ахматовой*)

Когда-нибудь уйдут из жизни все те, кто знал и ценил Виталия Ивановича. Но будущие поколения востоковедов не раз еще обратятся к его трудам.

Редколлегия «Восточного архива»

* * *

Москва, 09.10.2012.

Директору Института востоковедения РАН
профессору, д.и.н. Наумкину В.В.

С прискорбием узнал о кончине выдающегося российского востоковеда, внесшего значительный вклад в развитие тюркологии и способствовавшего упрочению отношений между Россией и Турцией, профессора Виталия Ивановича Шеремета.

Выражаю свои глубочайшие соболезнования семье покойного и в Вашем лице коллективу Института востоковедения РАН.

С уважением,
Айдын Сезгин,
посол Турецкой Республики

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Все удачные выпуски «Восточного архива» в чем-то похожи друг на друга... Как счастливые семьи у классика. Наш журнал осеннего 2012 года выпуска отражает наши устоявшиеся редакционные представления о значении источников, архивов, шире – различных видов документов в востоковедной науке. Вместе с тем данный выпуск имеет определенные отличия от предыдущих, достаточно интересных и содержательных (по вашим отзывам) номеров.

Дело в том, что идет Год российской истории, и востоковедная наука не может оставаться вне вызовов времени и общества. Ряд наших коллег, постоянно сотрудничающих с журналом, вошел в состав авторского коллектива, который объединил специалистов по различным эпохам и регионам Востока. Общая нить, структурирующая наш энтузиазм – дать представление о вкладе российских ориенталистов в освещение (понимание) определенных сторон, вех, событий Отечественной истории. Надеюсь, что авторы поделятся и с «Восточным архивом» парой жемчужин из своих россыпей. Посмотрим...

С учетом Года российской истории увеличилось (не обременительно для тех, кому интересен *весь* номер) число материалов выпуска. Прежде всего, за счет статей из различных регионов Российской Федерации. Впервые публикуются авторы из России к востоку от Урала (Т.Л. Курас, Иркутск, и С.Ч. Лим, Владивосток.). Во-вторых, мы последовательны в выполнении обещания публиковать развернутые материалы на основе докладов, вызвавших наибольший интерес (дискуссии и пр.) на II Международной научной конференции «Архивное востоковедение» (ноябрь 2011 г.). Такова статья С.Ч. Лим о борьбе айнского народа в Японии за свою идентичность. И, в-третьих, мы стремимся дать нашим читателям возможно более широкое представление о том, каким же видели реальный Восток русские люди, и находившиеся внутри событийного вихря, и наблюдавшие акты и явления с определенной отстраненностью. Поясню читателю этот подход. Он, естественно, навеян стремлением воплотить в материалы поисковый призыв Года истории, но не только. В исторической судьбе России Азия (Восток) имела (имел) значение большее, чем для любой другой мировой державы. Проявления этого имманентного влияния, этой единой судьбы европейских и зауральских (азиатских) территорий, владений, контактных зон и т.п. было бесконечно многообразно. Статьи, формально очень разные – о судьбе крупного «судейского» чина XIX в. А.Н. Гессе (авт. – Т.Л. Курас), о документах, вскрывающих новые аспекты китайской и тихоокеанской политики России второй половины XIX в. (авт. – А.Ш. Кадырбаев), о работе первого преподавателя русского языка в «Тунвэньгуане» добрейшего А.Ф. Попова (авт. – наш дуайен А.Н. Хохлов) – объединяют главные двигавшие нашими героями пружины. А именно – представлять там, на Востоке, Россию и познавать, познавать... Имагологическая составляющая была сутью, часто неосознанной, «наших там». Стало быть, и нам здесь задача рассказать об этом.

Африканские впечатления – образ Востока глазами юного русского в Тунисе – элегантно и трогательно изложены в статье любимицы редколлегии журнала, главного научного сотрудника Института Африки РАН Н.Л. Крыловой. Публикуемый документ извлечен из личного архива патриарха русской общины Туниса – Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской, столетие со дня рождения которой отмечалось в сентябре. Энергично и ярко тему «наши на Востоке» на примере русской печати в Египте раскрывает статья В.В. Белякова. Между прочим, она основана на докладе, с которым выступил автор на прошлогодней кон-

ференции «Российская диаспора в странах Востока», прошедшей в стенах Института востоковедения РАН. А в конце сентября состоялась уже третья конференция по данной тематике, и редколлегия полагает, что часть ее материалов мы опубликуем в будущем году.

Восток так затягивал русских, изучавших его, живших там (часто не по своей воле), что и в эмиграции в Европе профессия «востоковед» довлела над «нашими в Париже» (С.И. Ма-рахонова о японисте С.Г. Елисееве). А вот совсем иной сюжет нынешнего номера журнала. Можно ли назвать знатоком Туркестана полубезумного «белого генерала» и героя Шипки Д. Скобелева? Прочтите статью архивного востоковеда, энтузиаста В.Г. Бухерта. И, не переводя дыхания, перейдите к документу, иллюстрирующему трагедию туркестанских (в данном случае – бухарских) социальных экспериментов Коминтерна в статье К.С. Кудухова.

Мудрые и верные ориентализму, гранильщицы истины Н.М. Горбунова и О.И. Жигали-на представили новые документальные данные. Одна по реформаторству «сверху» в много-страдальном Леванте. Другая – по одной из проблем Первой мировой войны, 100-летие со дня начала которой не за горами.

Свое зернышко в нашу общую шурпу вносят питомцы «Восточного архива», молодые востоковеды Д.М. Тимохин (по проблемам эпохи монгольского нашествия в Центральной Азии) и Д.А. Коркмасова. Ее перу принадлежит редкостная по жанру статья. «Они (турки начала XX века) о нас и... для нас». Русскоязычная газета для русских и нерусских как в России, так и далеко за ее пределами. Основателем «Стамбульских новостей» был прадед Джаны Коркмасовой. Год Российской истории еще не закончился...

В.И. Шеремет

А.Н. ГЕССЕ: СЛУЖБА В ПОРЕФОРМЕННЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Судебные уставы 1864 г. ввели новую систему судов, с четкой компетенцией, судоустройство и судопроизводство в которых осуществлялись на основе демократических принципов правосудия. Были созданы две группы судов: мировые судьи и общие судебные установления, к которым относились окружные суды, судебные палаты и кассационные департаменты Правительствующего Сената. К подсудности мировых судей относилось рассмотрение мелких гражданских и уголовных дел. Окружные суды рассматривали по первой инстанции гражданские и уголовные дела, неподсудные мировым судьям и не отнесенные законом к ведению судебных палат. Судебные палаты проверяли в апелляционном порядке решения окружных судов, принятые без участия присяжных, а также рассматривали по первой инстанции дела о государственных и должностных преступлениях. Правительствующий Сенат являлся высшим судебным органом страны, рассматривая по первой инстанции уголовные дела особой важности, а также действуя как кассационная инстанция для всех судов империи.

Для проведения судебной реформы вся территория Российской империи была поделена на судебные округа. Началом реализации судебной реформы стало открытие судебных палат и окружных судов в Петербурге и Москве в 1866 г. После этого новые суды были созданы в Европейской России и затем на других территориях. Судебная реформа по-разному реализовывалась на различных территориях империи, что объяснялось объективными сложностями [1, с. 62]. Однако в целом по России проведение судебной реформы и образование в ее рамках судебных палат и окружных судов к концу XIX – началу XX в. было завершено [2, с. 59–60]. К этому времени во всех судеб-

ных округах действовали новые суды – судебные палаты, окружные суды и мировые судьи округа соответствующей палаты. Палаты учреждались в каждом судебном округе, их создание являлось важнейшей составляющей судебной реформы в империи. Государство возлагало большие надежды на деятельность палат, считая их оплотом самодержавия [3, с. 168–169].

К началу XX в. в Российской империи была создана стройная система, состоявшая из четырнадцати судебных округов, которые возглавляли соответствующие судебные палаты: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Иркутская, Омская, Ташкентская, Новочеркасская, Одесская, Казанская, Саратовская, Киевская, Виленская, Варшавская, Тифлисская [4, с. 1924–1927].

Для успешной реализации судебной реформы требовалось большое число профессиональных кадров. Требования, предъявляемые к лицам, назначаемым на должности членов судебных палат, лиц прокурорского надзора и иным лицам, состоящим при данных судах, закреплялись в «Учреждении Судебных установлений». На должности по судебному ведомству могли определяться русские подданные, при этом правом на назначение на судебные должности не обладали лица, состоявшие под следствием и судом, под опекой и т.п. Специальные требования содержались в статьях 202–211 «Учреждения Судебных установлений». На должности председателей и членов судебных палат, а также состоящих при них чинов прокурорского надзора могли претендовать лица, «имеющие аттестаты университетов, или других высших учебных заведений, об окончании курса юридических наук». Помимо вышеуказанного, закон предъявлял к должностным лицам судов требования, связанные со стажем работы в судебном ведомст-

ве. Членами окружных судов могли назначаться лица, отслужившие в судебном ведомстве не менее трех лет в званиях, не ниже секретаря окружного суда, а также присяжные поверенные, состоявшие в этом звании не менее десяти лет и получившие аттестаты советов присяжных поверенных и свидетельства судебных мест о безукоризненном исполнении своих обязанностей. Члены судебных палат, в свою очередь, могли назначаться из числа лиц, состоявших не менее трех лет в судебном ведомстве в должности не ниже членов и прокуроров окружных судов. Председатели палат могли назначаться из числа лиц, состоявших не менее трех лет в должности не ниже прокурора или члена судебной палаты, либо председателя или товарища председателя окружного суда. На должность товарища прокурора судебной палаты могли назначаться лица, занимавшиеся судебной практикой не менее шести лет, на должность прокурора палаты – не менее восьми лет. При этом законодатель разъяснял, что в порядке назначения чинов прокурорского надзора могла не соблюдаться строгая постепенность повышения, как в отношении должностей судей, поскольку они состояли в прямой зависимости и подчиненности министра юстиции, которому предоставлялся простор в выборе кандидатов [5, с. 139–140]. Высокие требования, предъявляемые законодателем к лицам, назначавшимся на должности в судебные палаты, были обусловлены высоким местом палат в системе судебных органов и строго соблюдались при назначении судей и чинов прокурорского надзора судебных палат.

Молодым людям, желавшим сделать карьеру в судебной системе и получившим высшее юридическое образование, для получения опыта и профессиональных навыков было необходимо проработать определенное время в качестве кандидатов на судебные должности. По замыслу законодателя, кандидаты должны были некоторое время работать в судебном ведомстве в качестве секретарей и иных лиц такого же уровня, с тем чтобы получить необходимый опыт и быть в дальнейшем назначенными на долж-

ности судей или чинов прокурорского надзора [6, с. 59].

Одним из ярких выпускников юридического факультета императорского Московского университета стал Александр Николаевич Гессе. Он прошел весь нелегкий путь от кандидата на судебные должности до прокурора Варшавской судебной палаты, а затем был назначен сенатором. А.Н. Гессе родился 17 сентября 1861 г. в семье потомственных дворян. Его дед, генерал-лейтенант Павел Иванович Гессе, в конце 50-х – начале 60-х годов был киевским губернатором. Отец, гофмейстер Высочайшего Двора, тайный советник Николай Павлович Гессе, также был киевским губернатором с 1871 по 1881 г. У его матери было родовое имение в Бердичевском уезде Киевской губернии, 1 400 десятин, и в Подольской губернии Винницкого уезда, 800 десятин земли. Александр Николаевич был женат на дочери генерал-майора Надежде Михайловне Прозоровской, в 1879 г. у них родился ребенок [7, л. 6].

По окончании Московского университета А.Н. Гессе был определен на службу приказом по ведомству Министерства юстиции от 20 октября 1886 г. за № 45 кандидатом на судебные должности при прокуроре Киевского окружного суда, где отработал два года. Департамент герольдии Правительствующего Сената 19 ноября 1886 г. утвердил его в чине губернского секретаря, со старшинством, с 20 октября 1886 г. В соответствии с законом прокурор окружного суда мог направлять кандидатов, состоявших при данном суде, для работы на следственные участки в ситуации большого объема работы и нехватки кадров. Вследствие этого в указанный период А.Н. Гессе неоднократно направлялся для работы на различные следственные участки. Так, 8 ноября 1886 г. он был командирован в помощь к судебному следователю третьего участка г. Киева без права производства самостоятельных следственных действий; 7 марта 1887 г. командирован в седьмой следственный участок г. Киева; 13 июня 1887 г. отозван из командировки для заведования третьим следст-

венным участком Радомысльского уезда; 3 июля 1887 г. назначен заведовать вторым следственным участком Васильковского уезда на время разрешенного следователю Сапоцинскому трехнедельного отпуска; 10 октября 1887 г. назначен заведовать вторым следственным участком Каневского уезда на время разрешенного следователю Спарро трехнедельного отпуска; 28 ноября 1887 г. командирован в помощь к исправляющему должность судебного следователя третьего участка Киевского уезда для самостоятельного производства следствий; 19 декабря 1887 г. командирован в помощь судебному следователю первого участка Васильковского уезда с правом самостоятельного производства следствий, 20 февраля 1888 г. отозван из командировки; 14 апреля 1888 г. командирован в помощь судебному следователю второго участка Киевского уезда для самостоятельного производства отдельных следственных действий; 28 мая 1888 г. отозван из командировки и командирован в помощь судебному следователю второго участка г. Киева; 7 июня 1888 г. назначен заведовать первым следственным участком Васильковского уезда; 4 июля 1888 г. ему поручено заведование третьим следственным участком Бердичевского уезда на время разрешенного по 1 августа следователю Гейцысу отпуска, из-за увольнения Гейцыса от должности оставался в командировке по 3 ноября 1888 г. [7, л. 6 об. – 8 об.].

Получив «боевое крещение» в качестве кандидата на должности по судебному ведомству в Киевском окружном суде, А.Н. Гессе был повышен: приказом старшего председателя Киевской судебной палаты от 2 декабря 1888 г. определен кандидатом на судебные должности при данной палате. Здесь А.Н. Гессе приказом старшего председателя палаты от 29 декабря 1888 г. был назначен помощником секретаря данного суда. После этого на основании ордера старшего председателя палаты от 6 ноября 1889 г. за № 1406 исполнял должность секретаря уголовного департамента палаты с 9 ноября по 9 декабря 1889 г. Указом Правительствующего Сената по департаменту герольдии от 26 октября

1889 г. за № 130 А.Н. Гессе был произведен за выслугу лет в коллежские секретари со старшинством [7, л. 8 об.].

Следует отметить, что на должности секретарей судебных палат и их помощников, в соответствии со статьей 211 «Учреждения Судебных установлений», могли претендовать лица, «окончившие курс юридических наук в высших учебных заведениях, или выдержавшие экзамен в сих науках, или доказавшие на службе свои познания по судебной части». Так, исследование состава секретарей Иркутской судебной палаты и их помощников позволяет сказать, что на эти должности назначались лица с высшим юридическим образованием, как имевшие, так и не имевшие стаж работы в судебном ведомстве. К примеру, в 1906 г. в составе Иркутской судебной палаты состояли два секретаря и шесть их помощников. Все они окончили университет. Трое из помощников секретарей не имели до назначения на данные должности стажа работы в судебном ведомстве, остальные лица до назначения их на должности в Иркутскую судебную палату состояли на службе в судебном ведомстве от трех месяцев до трех лет [8, л. 96 об.]. На должности секретарей при прокуроре Иркутской судебной палаты назначались, в частности, кандидаты на судебные должности, состоявшие при Санкт-Петербургской, Московской, Иркутской судебных палатах, помощники секретаря Иркутской судебной палаты [9, л. 1, 5 об. – 16 об., 25 об. – 31 об., 39.].

Таким образом, к моменту назначения на должность секретаря палаты А.Н. Гессе имел и высшее юридическое образование, и стаж работы в судебном ведомстве, выгодно отличаясь этим от ряда коллег. Исполняя обязанности секретаря, А.Н. Гессе осуществлял полномочия, предусмотренные в законе: вел реестры, составлял протоколы, копии судебных решений и другие. Затем приказом по ведомству Министерства юстиции от 12 декабря 1889 г. за № 66 он был назначен исправляющим должность судебного следователя второго участка Сквирского уезда. После этого приказом старшего председателя Киевской судебной палаты от

27 июля 1890 г. за № 190 он снова был назначен секретарем Киевской судебной палаты с 1 августа 1890 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 13 мая 1900 г. за № 35 А.Н. Гессе был произведен за выслугу лет в чин надворного советника, со старшинством, с 20 октября 1890 г. [7, л. 8 об. – 9 об.].

Согласно статье 417 «Учреждения Судебных установлений», старшие кандидаты на судебные должности, пробывшие в этом звании не менее полутора лет, были вправе просить о выдаче свидетельства, в котором удостоверялось, что они доказали на службе свои познания по судебной части. Получившие такие свидетельства могли быть представлены к назначению на должности судебных следователей, товарищей прокуроров окружных судов и другие должности по судебному ведомству. Отработав достаточно длительный срок в качестве кандидата на судебные должности, Александр Николаевич подтвердил свой профессионализм и приказом по ведомству Министерства юстиции от 9 июля 1891 г. за № 30 был назначен товарищем прокурора Уманского окружного суда. Указом Правительствующего Сената по департаменту герольдии от 22 июня 1893 г. за № 87 А.Н. Гессе был произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 20 октября 1891 г. [7, л. 9 об.].

Следует отметить, что в судебных палатах и окружных судах зачастую возникала необходимость перемещения судей или должностных лиц прокурорского надзора либо замены их другими лицами. Связано это было с рядом причин, в частности с тем, что в судах условия работы были весьма непростыми: при большой нагрузке и высокой ответственности материальное обеспечение членов судов, прокуроров и их товарищей находилось на низком уровне. В связи с этим некоторые подавали заявления об увольнении от должности, другие ходатайствовали о переводе их в иные суды. Помимо этого, власть сама зачастую перемещала судей и должностных лиц прокурорского надзора из одного суда в другой, руководствуясь мотивами целесообразности

или необходимостью укрепить штат какого-либо суда [10, с. 55]. Таким образом, прокуроры судов и их товарищи нередко переводились на другие должности по судебному ведомству.

Отработав в должности товарища прокурора Уманского окружного суда два года, А.Н. Гессе приказом по ведомству Министерства юстиции от 4 августа 1893 г. за № 36 был переведен на должность товарища прокурора Киевского окружного суда. Там Александр Николаевич проработал пять лет, эффективно и добросовестно выполняя свои профессиональные обязанности. Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции, состоявшимся 28 ноября 1894 г. за № 2, А.Н. Гессе был произведен за выслугу лет в чин коллежского асессора со старшинством с 20 октября 1894 г. Затем приказом по ведомству министерства юстиции от 4 августа 1898 г. за № 44 он как опытный прокурорский работник был назначен товарищем прокурора Санкт-Петербургского окружного суда. Предписанием прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты от 24 августа 1899 г. за № 8845, с разрешения управляющего Министерством юстиции, А.Н. Гессе был командирован к исполнению обязанностей товарища прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты сроком по 5 октября 1900 г. Отработав большой срок в качестве товарища прокурора в окружных судах, с 1901 г. он был повышен: высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 22 января 1901 г. за № 3 назначен прокурором Митавского окружного суда, а спустя десять месяцев приказом от 29 октября 1901 г. за № 80 переведен на должность прокурора Рижского окружного суда. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 5 сентября 1903 г. за № 68 А.Н. Гессе был произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством [7, л. 9 об. – 11 об.].

За годы своей деятельности А.Н. Гессе получил неоценимый опыт прокурорской работы в окружных судах, показал себя грамотным специалистом, что было оценено по достоинству. В результате в 1904 г. он был

повышен в должности и назначен приказом по гражданскому ведомству от 17 августа за № 63 товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты, а через два года Высочайшим указом от 21 июля 1906 г. назначен прокурором Виленской судебной палаты. 1 января 1907 г. Александр Николаевич за отличие по службе был произведен в статские советники со старшинством, а через три года Высочайшим указом от 1 января 1910 г. за отличие по службе он был произведен в действительные статские советники [7, л. 11 об. – 12 об.].

Проработав в качестве прокурора Виленской палаты более четырех лет, А.Н. Гессе Высочайшим указом от 4 октября 1910 г. был переведен на должность прокурора Варшавской судебной палаты [7, л. 12 об.]. Несомненно, столь частые переводы на должности по судебному ведомству создавали дополнительные сложности, необходимо было адаптироваться к новым условиям работы, особенно в сложном, окраинном округе Варшавской судебной палаты. А.Н. Гессе с честью выдерживал эти испытания, добросовестно выполняя свои обязанности на каждом новом месте работы, завоевывая уважение коллег, ни разу не подвергаясь взысканиям за свою работу. Следует отметить, что за двадцатилетний период с 1890 по 1910 г., к моменту назначения на должность прокурора Варшавской судебной палаты, Александр Николаевич был в отпуске всего шесть раз [7, л. 6].

Деятельность А.Н. Гессе высоко ценилась, что подтверждается, среди прочего, наличием у него достаточно большого числа орденов. В Российской империи ордена относились к важнейшим видам наград, их присвоение являлось мерилом заслуг. Кроме того, механизм награждения орденами, так же как и производства в чины, использовался в целях воздействия на членов судебных палат и окружных судов, а также должностных лиц прокурорского надзора, в которых самодержавие видело эффективное средство поддержания существовавшего строя. Награждение орденами производилось, как правило, «в порядке постепенности» – сна-

чала младшими, затем старшими, дважды орденом одного достоинства не награждали. Ордена делились на степени старшинства или имели особые знаки, обозначающие высшее достоинство ордена. К середине XIX в. сложилась следующая иерархия орденов: Святого Андрея Первозванного, Святого Георгия 1-й степени, Святого Владимира 1-й степени, Святого Александра Невского, Белого Орла, Святого Георгия 2-й степени, Святого Равноапостольного Князя Владимира 2-й степени, Святой Анны 1-й степени, Святого Станислава 1-й степени, Святого Георгия 3-й степени, Святого Владимира 3-й степени, Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 2-й степени, Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й степени, Святого Станислава 3-й степени. Ранее истечения межнаградного срока нельзя было ходатайствовать о следующей награде. Общий межнаградный срок составлял три года, за «выдающиеся отличия» он мог сокращаться [11, с. 131–132, 142, 183, 348–349, 331–333, 338, 352].

В период с 1895 по 1914 г. Александр Николаевич Гессе был награжден пятью орденами и одной медалью.

1 января 1895 г. А.Н. Гессе был Всемиловнейше пожалован орденом Святой Анны 3-й степени, 1 января 1901 г. стал кавалером ордена Святой Анны 2-й степени. Данный орден был учрежден в 1736 году герцогом шлезвиг-голштейнским в память о своей супруге – дочери Петра I. Первые буквы слов «Анна – императора Петра дочь» послужили началом латинских слов орденского девиза: «Любящим правду, благочестие и верность». В апреле 1797 г. Павел I ввел его в число российских наград. Он был разделен на три степени, к которым в 1815 г. была добавлена четвертая.

В силу Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату 26 февраля 1896 г., А.Н. Гессе получил серебряную медаль в память в Бозе почивающего Императора Александра III.

1 января 1904 г. А.Н. Гессе был Всемиловнейше пожалован орденом Святого

Владимира 4-й степени, 1 января 1912 г. – орденом Святого Владимира 3-й степени. Данный орден был учрежден в честь двадцатилетия царствования Екатерины II в сентябре 1782 г. Он разделялся на четыре степени. Ордена 4-й степени могли даваться за 35 лет «неотлучной и беспорочной» гражданской службы. Предусматривалось награждение им за выслугу лет. Орден возглавлялся кавалерскими думами, которые рассматривали представления о награждении 3-й и 4-й степенями этих орденов и вели списки всех кавалеров.

1 января 1914 г. А.Н. Гессе был Всемиловнейше пожалован орденом Святого Станислава 2-й степени. Этот орден Царства Польского – Святого Станислава (считавшегося покровителем Польши), учрежден в 1765 г. К числу российских императорских орденов он был причислен в ноябре 1831 г. Предусматривалось, что орден мог даваться не только за служебные, но и другие общепользные заслуги.

Высокий профессионализм, ответственность, бескорыстное и добросовестное отношение к работе не остались незамеченными: Именным Высочайшим указом от 8 февраля 1917 г. Александр Николаевич Гессе был назначен сенатором, сдав должность прокурора палаты товарищу прокурора, действительному статскому советнику В.Д. Жижину на основании 132 ст. Учреждения Судебных установлений [7, л. 121].

Однако напряженным трудом здоровье А.Н. Гессе было подорвано и после тяжелой болезни, отработав в Правительствующем Сенате всего несколько месяцев, он скончался. Это произошло 12 июня в час дня в г. Москве, «Княжий Двор» на Волхонке, от паралича левой стороны тела, осложненного воспалением легких. Его жене – Надежде Михайловне Гессе – было выдано удостоверение от 19 июня 1917 г. № 10652, в котором были указаны дата, время и место смерти ее мужа – бывшего прокурора Варшавской судебной палаты, сенатора, тайного советника Александра Николаевича Гессе. Приказом по Правительствующему Сенату от 7 июля 1917 г. № 17 сенатор А.Н. Гессе

был исключен из списков в связи со смертью [7, л. 124–128].

Александр Николаевич Гессе являлся одним из видных представителей прокуратуры рассматриваемого периода. Он всего себя посвятил занятию избранным еще в юности делом – службе в прокурорском надзоре новых судебных органов. Предъявляя к себе и другим строгие требования, он более двадцати лет служил на важной и благородной ниве. Во многом благодаря таким профессиональным кадрам, как он, судебные палаты и окружные суды эффективно осуществляли свою деятельность, стоя на страже закона.

Библиография

1. *Немытина М.В.* Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. Саратов, 1999. 251 с.
2. *Корнева Н.М.* Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881–1905 гг.): Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1990.
3. *Курас Т.Л.* Вопросы деятельности судебных палат в Российской империи // Сибирская ссылка: сб. науч. статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17). С. 167–182.
4. Руководство для составления деловых бумаг. Сост. В. Максимов. 3-е изд. М., 1913. 1927 с.
5. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 3.
6. *Курас Т.Л.* Кандидаты на должности по судебному ведомству при судебных палатах Российской империи: общая характеристика, правовое положение // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 7. История. С. 58–63.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 222. Оп. 1. Д. 2017. 134 л.
8. Государственный архив Иркутской области. Ф. 245. Оп. 1. Д. 411. 172 л.
9. Там же. Д. 2069а. 88 л.
10. *Курас Л.В., Курас Т.Л., Щербаков Н.Н.* История Иркутской судебной палаты (1897 – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2003. 254 с.
11. *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX вв. СПб., 1999.

Д.М. Тимохин

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ИНАЛ-ХАНА В ОПИСАНИЯХ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКОВ ЭПОХИ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Несмотря на то, что в названии этого исследования фигурирует имя лишь одного из многочисленных тюркских полководцев хорезмийского государства, следует несколько шире понимать масштаб той проблемы, которую здесь хотелось бы затронуть. Поскольку в хорезмийском государстве накануне монгольского нашествия существовал заметный конфликт между оседлыми ираноязычными народами и тюрками, было бы весьма интересно выяснить, как в связи с этим историки будут описывать действия тюркских военачальников против монгольских завоевателей. Важно отметить и тот факт, что такого рода исследование поможет выявить, с одной стороны, отношение самих арабо-персидских историков к тюркам, находящимся на хорезмийской службе. С другой стороны, описания действий тюркских военачальников в арабо-персидских исторических сочинениях будут отображать и общественное отношение как к самим этим военачальникам, так и в целом к тюркоязычному компоненту центральноазиатского общества того времени.

Таким образом, на примере судьбы Инал-хана нам хотелось бы рассмотреть, как уже говорилось выше, более масштабную проблему. Именно этот тюркский военачальник был выбран нами объектом исследования по нескольким дополнительным причинам. Во-первых, Инал-хан являлся одним из самых заметных тюркских военных аристократов хорезмийского государства накануне вторжения монголов. Во-вторых, именно его действия, в качестве губернатора города Отрар, станут одной из причин, о чем подробно будет сказано ниже, нашествия монголов на территорию хорезмийской державы. Наконец, именно гарнизон Отрара под командованием Инал-хана сможет в те-

чение нескольких месяцев сдерживать часть монгольских сил почти у самых границ Хорезма, тем самым не давая им возможность продвинуться вглубь страны. С одной стороны, перед нами типичный образец тюркского военачальника хорезмийской державы эпохи монгольского нашествия, а с другой – человек с незаурядной биографией, которая сама по себе представляет научный интерес. В этой связи удивительным кажется, что жизнь и деятельность Инал-хана, как и их описание в арабо-персидских исторических сочинениях, до сих пор не стали объектом отдельного изучения ни российскими, ни зарубежными специалистами. Данная статья должна в некоторой степени заполнить образовавшуюся историографическую лакуну относительно самой личности Инал-хана и ее отражения в арабо-персидских источниках.

О жизни Инал-хана до событий, произошедших в Отраре в 1218 г. и повлекших в итоге монгольское вторжение, известно крайне немного. Нам ничего не известно о его возрасте на момент монгольского вторжения. Но совершенно ясно, что Инал-хан входил в группировку тюркских военачальников, поддерживавших Теркен-хатун, мать Ала ад-Дина Мухаммада. Кроме того, ан-Насави сообщает, что Инал-хан был родственником хорезмшаха по линии его матери. «Здесь¹ с двадцатью тысячами всадников находился Инал-хан, сын дяди – по матери – султана, управлявший Отраром в качестве на'иба султана»². Таким образом, родственные связи с правящей династией позволяют считать Инал-хана одним из наиболее высокопоставленных тюркских военных аристократов хорезмийской державы.

Этот вывод подтверждается тем, что после событий в Отраре и убийства монгольских караванщиков Ала ад-Дин Мухаммад

отказался выдавать Чингиз-хану человека, который нес за это ответственность, а именно Инал-хана. Последнее могло произойти лишь по причине того, что Инал-хан был его родственником, имел обширные связи внутри тюркской военной элиты, а также имел высокого покровителя, которым, по-видимому, являлась упомянутая мать хорезмшаха. Ан-Насави сообщает по этому поводу следующее: «Султан отказался отослать к нему Инал-хана, несмотря на страх, который охватил его душу, и боязнь, лишившую его разума. Ведь он не мог отправить его к нему (Чингиз-хану), потому что большая часть войск и эмиры высоких степеней были из родни Инал-хана. Они составляли узор его шитья и основу его узла и распоряжались в его государстве»³.

В связи с этим может возникнуть вполне закономерный вопрос о том, каким образом родственник правящего хорезмшаха, занимающий высокое место среди других тюркских военачальников и пользующийся, по всей видимости, покровительством матери хорезмшаха, был назначен управляющим городом Отраром. Гораздо более логичным было бы видеть того же Инал-хана в столице хорезмийского государства, среди приближенных Ала ад-Дина Мухаммада, или же получившим назначение на один из ключевых постов в управлении государством. Однако вместо этого он получает в управление Отрар. Такая ситуация лишь на первый взгляд выглядит странной. Безусловно, Отрар находился на границе хорезмийского государства, и служба там может показаться совсем не престижной. Однако при пристальном изучении становятся понятны те перспективы, которые открылись перед Инал-ханом после назначения на указанный пост. Дело в том, что большинство торговых караванов, двигавшихся в Хорезм с Востока, проходили именно через Отрар, что делало этот город важнейшим приграничным торговым центром со всеми вытекающими последствиями. Именно поэтому само по себе назначение Инал-хана в Отрар следует понимать не как ссылку на окраину государст-

ва, но как получение важного и, возможно, почетного места службы.

Следующим эпизодом из биографии Инал-хана, на котором подробно останавливаются арабо-персидские историки, стал непосредственно Отрарский инцидент 1218 г. Однако прежде чем говорить о нем, отметим, что к этому времени между хорезмийским государством и монгольской державой Чингиз-хана уже были активные торговые и дипломатические отношения. Так, еще в 1215 г. хорезмийские дипломаты побывали в ставке Чингиз-хана, который не просто принял этих послов, но и предложил заключить торговый договор между двумя державами. «Передай Хорезмшаху: “Я – владыка Востока, а ты – владыка Запада! Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире, и пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои в таком же порядке пусть перевозятся ко мне”»⁴.

После посольства 1215 г. между двумя державами было еще как минимум два посольства, которые одновременно носили и дипломатический, и торговый характер. Таким образом, накануне событий в Отраре 1218 г. между Чингиз-ханом и Ала ад-Дином Мухаммадом существовали, пусть и недолговременные, но мирные отношения и обе стороны, по-видимому, были больше заинтересованы в налаживании торговых контактов, нежели в военном столкновении. Все это делает Отрарский инцидент событием, из ряда вон выходящим и противоречащим самой логике складывания отношений между двумя державами. Тем более интересной кажется попытка разобраться не только в том, что произошло в Отраре, но и в том, какую роль там сыграл наместник Отрара – Инал-хан. Попытаемся проанализировать те версии этого события, которые нам предлагают в своих трудах арабо-персидские историки. Начнем с сочинения ан-Насави. В труде этого персидского историка мы видим следующее описание.

«Состояние перемирия продолжалось до тех пор, пока из его страны в Отрар не прибыли купцы Умар Ходжа ал-Отрари, ал-Джамал ал-Мараги, Фахр ад-Дин ад-Дизаки ал-Бухари и Амин ад-Дин ал-Харави. Здесь с двадцатью тысячами всадников находился Инал-хан, сын дяди – по матери – султана, управлявший Отраром в качестве на'иба султана. Его низкая душа стала жадной к имуществу этих купцов, и с этой целью он написал султану письмо лжеца и лицемера, утверждая, что эти люди, прибывшие в Отрар в одежде купцов, вовсе не купцы, а лазутчики, высматривающие то, что не касается их деятельности. Когда они остаются наедине с кем-либо из простонародья, они угрожают ему и говорят: “Вы в полном неведении относительно того, что творится вокруг вас; скоро к вам придет такое, против чего вы не устоите”. И далее в том же духе. Тогда султан разрешил ему принять меры предосторожности к ним, пока он не примет своего решения. Когда он отпустил узду Инал-хана, так как разрешил принять подобные меры, тот преступил все пределы [дозволенного], превысил свои права и схватил [этих купцов]. После этого от них не осталось следа и не слышно было вестей. А упомянутый (Инал-хан) единолично распорядился тем многочисленным добром и сложными товарами, из злого умысла и коварства. И последствия его дела оказались убытком»⁵.

Если следовать этому рассказу персидского историка, Инал-хан предстает перед нами как алчный правитель, готовый пойти на любые преступления ради собственной наживы. Не стесняясь в выражениях, ан-Насави возлагает всю вину за случившуюся трагедию на правителя Отрара, старательно оправдывая при этом хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада. Однако хотелось бы более внимательно отнестись к этому описанию Отрарского инцидента, поскольку уже в нем самом есть несколько существенных противоречий. Первое из них касается самой алчности Инал-хана: странно, что правитель торгового города, через который проходят многочисленные караваны купцов,

не сумел устоять именно перед монгольским караваном. Прежде подобного за ним замечено не было, по крайней мере источники об этом ничего не сообщают. Если бы Инал-хан в действительности был настолько жаден, что ради собственного обогащения мог уничтожить целый торговый караван, то почему ни в чем подобном он до этого замечен не был?

Второй важный момент касается возможных действий со стороны участников каравана, связанных со шпионажем и пропагандой, что и являлось официальной причиной ареста каравана. Ан-Насави упоминает об этом, однако даже не пытается разобраться в том, так ли это было на самом деле, довольствуясь объяснением про алчность Инал-хана. Отметать же полностью вариант со шпионажем нельзя, хотя доказать его окончательно и не представляется возможным. Третий важный момент касается самого убийства купцов, поскольку более глупого поступка со стороны правителя города сложно себе представить. Объявив о прибытии этого каравана и о его «особенностях», Инал-хан убивает всех его участников, словно бы не понимая, что это преступление спишут именно на него. Все это происходит на фоне того, что монголы и их военная мощь уже были прекрасно известны подданным хорезмшаха, что делает саму ситуацию в Отраре еще более туманной. Логичнее было бы вырезать караван так, чтобы вина за это лежала на ком-то еще, но Инал-хан старательно делает главным виновником трагедии самого себя.

Несколько иную версию событий в Отраре предлагает в своем сочинении еще один современник монгольского нашествия, арабский историк Ибн ал-Асир. «Они прибыли в один из городов тюрок, называемый Отрар, а он – крайний предел владений хорезмшаха. Там у него был наместник. Когда эта группа купцов прибыла туда, он послал к хорезмшаху, сообщая ему об их прибытии и извещая о том, что они имеют ценного. Хорезмшах послал к нему гонца, приказывая убить их, забрать все, что у них было, и отправить к нему. Тот

убил их и отправил то, что они имели, а было много всякого добра. Когда их товары прибыли к хорезмшаху, он поделил их между купцами Бухары и Самарканда, взяв себе восьмую часть»⁶.

Таким образом, инициатором убийства монгольских купцов, согласно версии Ибн ал-Асира, был вовсе не Инал-хан, а сам хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад. Подобная версия, безусловно, объясняет, почему в источниках нет никаких сведений о том, что до прибытия монгольского каравана губернатор Отрара из-за собственной жадности предпринимал попытки грабежа торговцев. Получается, что речь идет вовсе не о проявлении алчности местного правителя, а о недальновидности и жадности верховного правителя Хорезма. Однако данная позиция арабского историка не согласуется с тем, что хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад панически боялся монгольского вторжения в пределы собственного государства и вряд ли бы пошел на столь рискованный шаг перед лицом внешней угрозы. Тот же ан-Насави и ряд других арабо-персидских историков пишут, что после битвы на Тургайской равнине 1218 г. между хорезмийцами и монголами, которая произошла ранее событий в Отраре, Ала ад-Дин Мухаммад явно не желал нового столкновения со столь грозным противником. «А душой султана завладели страх и убежденность в их храбрости; он, как говорят, в своем кругу сказал, что не видел никого, подобного этим людям храбростью, стойкостью в тяготах войны и умением по всем правилам пронзать копьем и разить мечом»⁷.

Таким образом, версия о том, что инициатором убийства купцов был сам Ала ад-Дин Мухаммад, также не выдерживает критики. В более поздних источниках, в частности в сочинениях Джувейни и Рашид ад-Дина, можно увидеть попытку связать воедино обе версии произошедшего в Отраре. «Когда процессия прибыла в Отрар, правителем того города был некий Инальчик, который являлся родственником матери султана, Теркен-хатун, и получил титул Гаир-хан. А среди купцов был индус, знавший правителя

в прежние времена. И он обратился к нему, назвав его просто Инальчик; и гордясь силой и могуществом своего хана, он не показывал страха перед ним, но и не стремился получить для себя выгоду. Это смутило Гаир-хана и вызвало у него досаду; к тому же он пожелал захватить их добро. Поэтому он поместил их под стражу и направил посыльного в Ирак сообщить о них султану. Не раздумывая долго, султан разрешил пролить их кровь и признал захват их товаров законным, не зная, что его собственная жизнь вскоре станет противозаконной и, более того, преступной и что птица его удачи потеряет перья и лишится крыльев»⁸.

Со своей стороны хотелось бы сказать, что, согласно точке зрения Джувейни и других более поздних историков, ответственность за события, произошедшие в Отраре, в равной степени распределяется между наместником города и хорезмшахом. Такая позиция также уязвима, поскольку не объясняет, почему же все-таки Ала ад-Дин решился на поступок, который фактически означал начало войны. В равной степени версия Джувейни не дает ответа на вопрос, чем же кроме личной гордыни и жадности руководствовался Инал-хан в своих действиях и почему ничего подобного за ним раньше историк не отмечает.

Как мы видим из приведенных выше цитат, ни одна из версий средневековых историков не может претендовать на окончательность. Более того, каждой из них присущи недостатки, которые в большей или меньшей степени ставят под сомнение написанное арабо-персидскими историками. С нашей точки зрения, главным мотивом убийства были вовсе не богатства каравана или поведение отдельных его представителей, а та самая агитация или даже шпионаж, о котором пишет ан-Насави. Последний упоминает о такого рода деятельности монгольских купцов вскользь и не пытается разобратся, имела ли место на самом деле такого рода пропаганда или нет. С другой стороны, состав каравана был неоднороден: наряду с 450 купцами-мусульманами было еще около 100 человек монголов во главе с

послом Чингиз-хана – Ухуна. Каждый из этих монголов получил от Чингиз-хана по одному золотому или серебряному балышу (примерно 75 динаров. – *Авт.*) с поручением «отправиться в земли Хорезмшаха, заняться там торговлей и приобрести редкие и ценные товары того края»⁹.

С нашей точки зрения, мусульманские купцы обеспечивали своего рода «прикрытие» в то время как сами монголы преследовали чисто разведывательные цели, собирали информацию. В этом случае все встает на свои места: под прикрытием торгового каравана и дипломатического визита Чингиз-хан направил доверенных людей для сбора информации. Именно этот факт подчеркивали некоторые отечественные и зарубежные исследователи, сомневавшиеся в исключительно торговых и дипломатических намерениях тех, кто входил в состав каравана. В частности, И.П. Петрушевский, пытаясь понять причины, приведшие к трагедии в Отраре, писал по этому поводу следующее: «Объяснение этому надо искать именно в необычном составе и необычном поведении людей этого каравана»¹⁰.

Что касается наместника Отрара, то в этой ситуации, как мы уже указывали выше, им двигала, скорее всего, вовсе не жажда наживы или узвлненное самолюбие, как считал Джувейни. Как бы ни был плох сам по себе Инал-хан, маловероятно, что он стал бы предавать смерти весь караван, что грозило большой войной всему государству, если бы не был абсолютно уверен в шпионских действиях караванщиков. Если бы им руководила исключительно алчность, то в этом случае было логичнее ограбить караван или под каким-либо предлогом изъять все имущество купцов, но никак не убивать их. При этом некоторые историки настаивают на том, что лично Ала ад-Дин Мухаммад «распорядился только об их аресте»¹¹ и приказа убить купцов не отдавал. Значит, все последовавшие кровавые события произошли именно по инициативе самого Инал-хана, и опять же его единственным оправданием мог стать шпионаж со стороны купцов или же их пропаганда в пользу правителя монго-

лов. Ошибся наместник Отрара лишь в одном, но это был его роковой просчет: уничтожив всех без исключения купцов, он уже никак не мог доказать, что действовал не для своего блага, а для блага всего государства.

После событий в Отраре Чингиз-хан направил к Ала ад-Дину Мухаммаду еще одно посольство с требованием выдать ему главного, с точки зрения монгольского правителя, виновника трагедии – Инал-хана. «Чингиз-хан направил послов к султану Мухаммаду, через них передал ему послание, в котором говорилось, что наместник Отрара из-за опасной недальновидности совершил вероломный поступок по отношению к купцам и обязанность султана его (то есть Инал-хана. – *Авт.*) ему (Чингиз-хану. – *Авт.*) передать. Султан, из-за этих речей послов, приказал их убить»¹². Причина, по которой Ала ад-Дин Мухаммад отказался выдать монголам одного из своих военачальников, уже указывалась нами в этой работе: боязнь бунта собственных военачальников в случае согласия на предложение монголов. Таким образом, хорезмийский правитель оказался заложником ситуации, поскольку воевать с монголами у него не было никакого желания, однако и выдать им Инал-хана он не мог. Причина же убийства второго монгольского посольства, с нашей точки зрения, связана именно с этой невозможностью предотвратить конфликт и желанием хорезмшаха в связи с этим как можно скорее начать боевые действия.

Итак, накануне начала монгольского вторжения на территорию государства хорезмшахов Инал-хан продолжал, несмотря ни на что, оставаться наместником Отрара и руководить значительным хорезмийским гарнизоном этого города. «Гарнизон города составлял 50 тыс. человек под командованием Инал-хана и еще 10 тыс. – под командованием Хаджеба Караджи»¹³. Мирхонд приводит несколько другие цифры: «И тогда 400 тысяч многочисленных воинов у него (Мухаммада. – *Авт.*) было. Из тех (400 тысяч) 50 тысяч людей для защиты Отрара на службу Гаир-хану направил. И тогда еще

слух о прибытии Чингиз-хана из уст в уста передавался. В том направлении послал Гараджи Хаджеба с 2 тысячами других мужей. И еще три тысячи других человек для защиты города назначил»¹⁴. Все это говорит, на наш взгляд, не столько о том, что Ала ад-Дин Мухаммад продолжал доверять этому военачальнику, сколько о том, что изменить что-либо в собственном государстве из-за опасения бунтов он уже не мог.

Арабо-персидские источники большое внимание уделяют не только последующей осаде Отрара монгольскими войсками, но и описанию гибели Инал-хана. В труде персидского историка ан-Насави можно найти следующие строчки, посвященные взятию Отрара. «Когда Чингиз-хан подошел к границам султанских земель, то повел (войска) по направлению к Отрару, и день и ночь непрерывно сражался за город, пока не завладел им. Он велел привести к нему Инал-хана, затем приказал расплавить серебро и влить ему в уши и глаза. Так он был убит в мучении и был наказан за позорный свой поступок, за гнусное дело и за происки, осужденные всеми»¹⁵.

Несколько иное описание осады и взятия Отрара можно найти в более поздних арабо-персидских исторических сочинениях, в частности в труде Джувейни. Этот персидский историк описывает в том числе те приготовления к осаде, которые были сделаны по приказу Инал-хана. «Тем временем султан дал Гаир-хану пятьдесят тысяч людей из своего наемного войска и послал ему на помощь хасс-хаджиба Карачу с другими десятью тысячами. Кроме того, крепость, внешние укрепления и городская стена были усилены, и там было собрано вместе большое количество орудий. Гаир-хан, со своей стороны, приготовив все для сражения внутри города, поставил у ворот пехоту и конницу, а сам взобрался на стену; и, глядя оттуда, он укусил себя за тыльную сторону ладони, изумившись увиденному зрелищу. Ибо он увидел, что равнина превратилась в бушующее море бесчисленного множества людей и превосходных войск, а воздух наполнился криками и гулом от ржания

лошадей в доспехах и рычания львов в кольчугах»¹⁶.

В отличие от своих предшественников, Джувейни детально описывает и поведение Инал-хана во время осады города, упоминая о том, что он не поддавался на уговоры соратников и отказался сдавать город и самому сдаваться в плен монголам. Джувейни подчеркивает, что этот выбор был сделан наместником города не только из-за личной храбрости, но и потому, что он прекрасно отдавал себе отчет в том, что с ним сделают завоеватели после того, как он им сдастся. «Так как повсюду могла быть использована конница, гарнизон продолжал сражаться не переставая и продержался пять месяцев. Наконец, когда положение жителей Отрара стало отчаянным, Карача предложил Гаиру прекратить сопротивление и сдать город монголам. Но Гаир знал, что он был причиной этих бед, он и не мог надеяться на то, что монголы его пощадят; и не было у него ни одной лазейки, через которую он мог бы ускользнуть. Поэтому он продолжал сражаться изо всех сил, зная, что перемирие было бы неразумным, и слышать не хотел о сдаче. “Если, – сказал он, – мы предадим своего властелина (имея в виду султана), как оправдаем мы свое вероломство и как избежим упреков мусульман?”»¹⁷.

Следует отметить и то, что в сочинении Джувейни присутствует иное описание гибели Инал-хана, несколько более подробное и менее эмоциональное, если сравнивать его с текстом, приведенным выше из сочинения ан-Насави. «И каждый из них сражался до последнего вздоха; и поэтому множество монгольских воинов также было убито. И так битва продолжалась целый месяц, до тех пор, пока в живых остались Гаир-хан и двое других, и он все равно продолжал сражаться, не поворачивая спины и не спасаясь бегством. Монгольская армия вошла в крепость, и он укрылся на крыше; но и тогда он с двумя своими спутниками не сдавался. И так как солдатам было велено захватить его в плен и не подвергнуть смерти в бою, то, повинаясь приказу, они не могли убить его. Тем временем его товарищи приняли муче-

ническую смерть и у него не осталось помощников. Тогда жены и девы стали подавать ему кирпичи с дворцовых стен, а когда они кончились, он был окружен монголами. И после того, как он испробовал множество хитростей и предпринял множество нападений и уложил множество людей, он угодил в капкан плена и был крепко связан и скован тяжелыми цепями. Сравнив крепость и городские стены с землей, монголы ушли. А тех из простого народа, кто избежал меча, они увели с собой, чтобы они служили в войске или занимались ремеслом. И когда Чингиз-хан двинулся от Бухары к Самарканду, они тоже направились туда. А что до Гаир-хана, то в Кок-Сарае¹⁸ его заставили испить чашу небытия и облачиться в одежды вечности»¹⁹.

Следует отметить, что в арабо-персидской историографии, как видно из приведенных выше цитат, имеются два различных подхода к описанию взятия Отрара и гибели Инал-хана. В первом случае ан-Насави, который и в других главах своего сочинения формирует негативный образ Инал-хана, старается всячески подчеркнуть справедливость мучительной смерти наместника города, при этом совершенно не упоминая о том, как тот проявил себя во время осады Отрара монголами. В своем описании этот историк старательно умалчивает, в частности, что город около пяти месяцев не сдавался врагу и это происходило во многом благодаря умелому руководству обороной, которое осуществлял Инал-хан. Можно было бы понять, если бы столь негативный образ оттарского наместника создавал в своем сочинении промонгольски настроенный историк, а не ан-Насави, долгое время находившийся на хорезмийской службе. Таким образом, Инал-хан, хорезмийский военачальник, мусульманин, великолепный воин, который был способен в течение пяти месяцев сдерживать монгольский натиск, предстает перед нами как человек, «чуждый» всему мусульманскому миру. Инал-хан становится фактически виновником уничтожения хорезмийской державы наряду с самим Ала ад-Дином Мухаммадом, и его гибель представляется

историкам того времени заслуженным наказанием.

Со своей стороны, Джувейни не только подробно описывает подвиги Инал-хана во время осады и взятия Отрара, но и не использует в этом своем рассказе по отношению к хорезмийскому военачальнику негативных эпитетов. Более того, в этой части упомянутого сочинения можно увидеть определенные героические черты в описании Инал-хана и его действий в ходе взятия Отрара. Автор в каком-то смысле, возможно, даже восхищается тем, как вел себя командир хорезмийского гарнизона города в ходе всех пяти месяцев боев, хотя Джувейни и делает при этом оговорку о том, что Инал-хан не сдавался монголам, поскольку знал, что ему пощады не будет. Не следует при этом забывать, что все вышесказанное не мешало тому же Джувейни видеть именно в Инал-хане главного виновника монгольского вторжения на территорию Центральной Азии и осуждать его действия, как делал и ан-Насави, в ходе Оттарского инцидента. «Исполнив свое намерение, Гаир-хан (Инал-хан) лишил жизни и имущества не только этих людей, он подверг истреблению и опустошению целый мир и целый народ оставил без жилищ, без добра и вождей. Ибо за каждую каплю их крови была пролита целая река Окс; и в наказание за каждый волос, упавший с их голов, на каждом перекрестке в пыль скатились, наверное, сотни тысяч голов; и за каждый динар была отнята сотня кинтаров»²⁰.

Подводя итоги этого исследования, в первую очередь хотелось бы отметить, что причину, по которой большинство авторов-современников монгольского завоевания хорезмийского государства не подвергают сомнению тот факт, что монгольский караван в Отраре был уничтожен из-за жадности Инал-хана, следует искать внутри самого хорезмийского общества. Как указывалось в начале этой работы, в эпоху монгольского нашествия на территории Центральной Азии наблюдалось явное противостояние между кочевыми тюркскими племенами и оседлыми ираноязычными народами. Эта

проблема стояла настолько остро в хорезмийском государстве, что враждебное отношение со стороны ираноязычного населения проявлялось даже к собственным союзникам, к тем, кто с оружием в руках защищал их города от монголов. Со своей стороны монголы умело воспользовались такого рода враждой и в ходе военной кампании старались лишний раз подчеркнуть разницу между тюрками и оседлым населением: например, после взятия городов монголы отделяли тюрков от прочих народностей и первые подвергались уничтожению. Так, при взятии Бухары, «из народа канглы не был пощажён ни один человек мужского пола ростом выше кнутовища, и среди убитых насчитали тридцать тысяч человек...»²¹.

Таким образом, для авторов-современников монгольского нашествия Инал-хан мог стать идеальным вариантом для формирования образа «зачинщика войны». Он принадлежал к тюркской военной знати, был в близких отношениях с матерью Ала ад-Дина Мухаммада, которая также не пользовалась, видимо, особой популярностью. В лице Инал-хана персидские историки словно бы обвиняли всех тюрков-кочевников в развязывании войны с монгольскими завоевателями и винули их в последующих ужасах вторжения этого грозного противника в пределы хорезмийского государства. Ещё одним важным моментом для понимания того, почему именно Инал-хан назван главным виновником предшествовавшей трагедии, является то, что это позволяло полностью снять вину с главы хорезмийского государства – Ала ад-Дина Мухаммада. Если для поздних историков это будет уже не существенно, то для ранних авторов, особенно для ан-Насави, было, по-видимому, важно сделать «козлом отпущения» именно наместника Отрара, а не главу хорезмийского государства, сыну которого вышеупомянутый историк долгое время служил. Негативный образ Инал-хана в ранних сочинениях не смогли разрушить даже его героические действия при обороне Отрара, которые в ряде случаев полностью и, возможно, специально замалчивались.

В поздних арабо-персидских исторических сочинениях Инал-хан продолжает быть главным виновником монголо-хорезмийской войны, но теперь в этом также обвиняют и Ала ад-Дина Мухаммада, перед которым эти историки, большинство из которых служили монголам, не испытывают никакого пиетета. С другой стороны, как мы видим на примере сочинения Джувейни, происходит частичная «героизация» образа Инал-хана в связи со взятием монголами Отрара и его действий во время осады этого города. Последнее следует объяснять общей тенденцией, которую можно увидеть в арабо-персидских исторических сочинениях более позднего периода, в частности, при описании противостояния монгольским завоевателям хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Историки этого времени подчеркивают героическое сопротивление того или иного хорезмийского военачальника монголам вовсе не с целью показать его с наилучшей стороны, а лишь для того, чтобы лишний раз таким вот образом подчеркнуть мощь монгольских воинов, сумевших сокрушить столь доблестных противников. По всей видимости, указанный случай с описанием подвигов Инал-хана в осажденном Отраре можно объяснить именно этой причиной. Тем не менее сведения из более поздних арабо-персидских исторических сочинений позволяют значительно скорректировать тот негативный образ наместника Отрара, Инал-хана, который формируют предшествующие исторические сочинения и в большей степени труд ан-Насави.

Примечания

¹ Имеется в виду город Отрар.

² *Ан-Насави*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. З.М. Бунятова. Баку, 1973. С. 79.

³ Там же. С. 80.

⁴ *Djuzdjani*. *Tabakat-i Nasiri*. Calcutta, 1960. Vol. 2. P. 966.

⁵ *Ан-Насави*. Указ. соч. С. 79–80.

⁶ *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил фи-т-тарих (Полный свод по истории). Избранные отрывки. Ташкент, 2006. С. 348.

⁷ *Ан-Насаби*. Указ. соч. С. 55.

⁸ *Джувейни*. Чингиз-хан. История завоевателя мира. Пер. Е.Е. Харитонов. М., 2004. С. 52.

⁹ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей в 3 т. Пер. А.К. Арендса, Ю.П. Верховского, О.И. Смирновой, Л.А. Хетагурова. М., 2002. Т. 1. С. 188.

¹⁰ *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татари-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 114.

¹¹ *Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 гг. М., 1986. С. 135.

¹² *Mirhond*. Histoire des sultans du Kharezm. Paris, 1842. P. 73.

¹³ *Бунятов З.М.* Указ. соч. С. 139.

¹⁴ *Mirhond*. Op. cit. P. 123.

¹⁵ *Ан-Насаби*. Указ. соч. С. 81.

¹⁶ *Джувейни*. Указ. соч. С. 55.

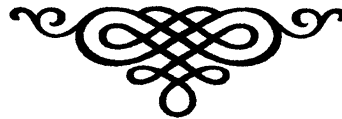
¹⁷ Там же. С. 55–56.

¹⁸ Пригород Самарканда, окружавший одноименный дворец. Прим. переводчика.

¹⁹ *Джувейни*. Указ. соч. С. 57.

²⁰ Там же. С. 53

²¹ Там же. С. 71.

А.Ш. Кадырбаев

**ДОКУМЕНТЫ РГА ВМФ О ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КИТАЕ И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ
1857–1898 гг.**

К 1880-м годам Цинская империя включала в свой состав Китай, Маньчжурию, Восточный Туркестан, Монголию. Ее правящие круги уже четыре десятилетия с трудом противостояли европейским державам – Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, а также России, Японии и Северо-Американским Соединенным Штатам, разделившим Китай на сферы влияния.

Главная внешняя опасность для Китая, где правила маньчжурская династия Цин, тогда исходила от Японской империи, к этому времени успешно прошедшей путь модернизации по западноевропейскому образцу и нацеленной на войну против своего слабого соседа. Поэтому, ощущая приближение военной угрозы, цинский Китай лихорадочно вооружался.

Российские военные моряки, чья эскадра боевых кораблей, а также аппарат военного атташе российского посольства в Пекине, тогда называемого военным агентом, были свидетелями этих драматических событий и оказывали на них непосредственное влияние. Российские военно-морские представители в Китае отслеживали ситуацию, о чем свидетельствуют их донесения, содержащиеся в следующих материалах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ): «Сведения о состоянии военно-морских сил в Китае. О заказе 10 миноносцев в Германии китайцами и о гибели двух из них у берегов Голландии»; «Донесения от 29 января 1886 г. о строительстве на германской верфи “Вулкан” близ Штетина двух броненосцев для Китая»; «Описание двух миноносок, заказанных китайцами Германии. 8 декабря 1886 г.»; «Донесение командиров российских военных судов и российского посланника в

Пекине о состоянии военно-морских сил Китая от 6 февраля 1887 г.»; «О строительстве железных дорог в Китае с помощью иностранцев»; «Май 1894 г. Заметка о судах китайского флота, составленная мичманом Дукельским»; «01 июня 1894 г. Сведения о китайской армии, ее численности и местах расположения, укреплениях побережья, составе китайского флота, планах передвижения китайских войск в Корею» (из рапорта командира российской канонерки «Кореец»)¹.

Япония напряженно готовилась к войне с Китаем, о чем сообщают «Донесения бельгийских консулов о ввозе вооружения в Японию» с указанием количества и стоимости – в основном из Германии, а также Великобритании². Но еще раньше произошли вооруженные столкновения китайцев с Францией в ходе войны 1885–1886 гг. Командир российской канонерки из состава тихоокеанской эскадры, капитан 2 ранга Юрьев докладывал о двух китайских броненосцах, ушедших от преследования эскадры адмирала Курбэ, потопившей 18 декабря 1886 г. два корабля китайского отряда военно-морских сил³.

В рапорте российского военного агента Корнилова от 1887 г. дается описание тактико-технических данных китайских боевых кораблей, а также список судов, состоявших в составе военно-морских сил Китая⁴. Российские моряки отмечали заметное число немецких офицеров среди иностранных инструкторов военно-морских сил Китая. Вместе с тем российские военные, при всех лестных отзывах о боевых качествах рядовых китайских военнослужащих, были невысокого мнения об уровне военной подготовки и образовательном уровне командного состава цинских вооруженных сил – от унтер-

офицеров до генералов и адмиралов. «Что касается личных качеств китайского солдата, то он вынослив, силен, ловок, выдержан и бесспорно храбр. Китайской армии не хватает удовлетворительных офицеров и унтер-офицеров, которые в настоящее время отличаются полной бездарностью и своим крайним невежеством и высокомерием, совершенно парализуют ценные качества китайского солдата. Это и есть самая слабая сторона китайской армии, которая еще на долгое время будет останавливать правильное развитие вооруженных сил этой страны. Прекрасные немецкие инструктора сталкивались с высокомерием китайских офицеров»⁵, — сообщает в своем донесении российский посланник в Пекине в 1893 г.

Вышеприведенные сведения российского посланника о слабости китайской армии подтверждает отчет адмирала С.О. Макарова об осмотре китайского морского побережья от Гонконга до Шанхая с точки зрения состояния его береговой обороны. К отчету были приложены планы и фотографии, выписки из рапортов командиров российских кораблей — крейсера «Рында» и клипера «Сивуч» — с описанием портов Тихого океана, в том числе и на побережье Китая. Интересны строки отчета, посвященные состоянию китайской береговой артиллерии: «Организация управления батареями несовершенна, батареи разбросаны и должной связи между ними не существует <...> Батареи не так сильны, как они кажутся из описания. Существует ли у них организованное артиллерийское учение, мне неизвестно, знаю только одно, пока китайцы только остались китайцами и, просчитывая шансы успеха, можно отчасти полагаться на их неискусство и неумение обращаться с современными военными средствами, равно как и на отсутствие военного духа и военных доблестей в войсках...»⁶.

Вполне понятно, что с таким уровнем боеготовности войск Цинская империя была обречена на поражение в войне с Японией 1894–1895 гг.

Японо-китайский конфликт начался задолго до этой войны. Серьезным инциден-

том между Японией и цинским Китаем были вооруженные столкновения с японской полицией в 1887 г. в японском порту Нагасаки команд четырех китайских кораблей, зашедших туда с визитом. С обеих сторон были убитые и раненые. Все это привело к крайнему обострению японо-китайских отношений и поставило их на грань войны, предотвратить которую тогда удалось при тайном посредничестве Германии. Ее представитель добился компенсации пострадавшим в ходе конфликта. Германию поддерживала Россия, поскольку японо-китайский конфликт был невыгоден ей, особенно в связи с ее политикой в Корее, чьи правители склонялись к пророссийской ориентации. Война Японии с Китаем неминуемо привела бы к поражению Цинской империи и усилению Японии, что создало бы угрозу российским интересам в Корее. Россия была готова посредничать в японо-китайском конфликте. Для этого предполагалось усиление российской эскадры в Тихом океане у берегов Китая до 10 боевых кораблей, чтобы предостеречь японцев от непомерных требований к Китаю⁷. Русские понимали, что следующим объектом японской экспансии будет их страна. В 1890 г. один из основателей японской армии Ямагата Аритомо выдвинул концепцию коренной модернизации вооруженных сил Японии, включавшую задачи по защите «жизненно важных интересов» империи на материке, причем в качестве потенциального военного противника в первую очередь называлась Россия. Тем более что российский военно-морской флот уже давно находился в Тихом океане у берегов Китая на постоянной основе⁸. Еще в 1857–1858 гг., когда дипломатическая миссия из Российской империи была отправлена к цинскому двору в Пекин, ее глава граф Е.В. Путятин был также вице-адмиралом и командиром русской тихоокеанской эскадры боевых кораблей, сосредоточившихся тогда у берегов Китая в Бохайском заливе. Их присутствие было сдерживающим фактором для нацелившихся на Китай с агрессивными намерениями боевых эскадр Великобритании и Франции.

В 1860 г. на Тихом океане появилась российская эскадра под командованием И. Лихачева. Ее главной задачей было оказание военно-политического давления на Японию посредством захвата ее острова Цусима и «создания военно-морской базы на острове, чтобы обеспечить русским судам прямой путь в Китай, южные гавани Японии и другие тихоокеанские страны через Корейский пролив». Действия эскадры Лихачева по овладению Цусимой должны были стать «репетицией русской политики» по отношению к архипелагу Рюкю, принадлежавшему Японии. Были планы и по созданию в японском порту Нагасаки российской военно-морской базы на постоянной основе. Однако из-за сопротивления японского правительства и населения Цусимы попытка высадки десанта была неудачна. Между русскими моряками и японцами на Цусиме и в бухте Нагасаки произошли столкновения. Погиб житель Цусимы в результате артиллерийской дуэли между русским корветом «Посадник» и японскими береговыми батареями, получил повреждения российский корабль, вошедший с разведывательной целью в Нагасаки. В итоге длительных переговоров с Японией, на сторону которой встала Великобритания, направившая к Цусиме три боевых корабля, русское правительство отказалось от своих намерений. Российской дипломатии не удалось «в этом деле найти поддержку какой-либо европейской державы и обеспечить нейтралитет со стороны Англии»⁹.

О присутствии российских военных кораблей на Тихом океане и у берегов Китая сообщается и позднее, например, в документах РГА ВМФ от 11 мая 1885 г. о плаваниях судов российской Сибирской военной флотилии в Тихом океане и о зимовке экипажа винтовой лодки «Горностай» в Тяньцзине. В этих документах содержатся и сведения о подготовке в то время Китая к войне с Францией, которая оказалась неудачной для него, о чем упоминалось выше¹⁰. Франция, одержавшая победу над цинским Китаем в войне 1885–1886 гг., аннексировавшая Вьетнам и получившая в сфере своего влияния

китайские южные провинции Гуанси и Юньнань, а также остров Хайнань, тоже не была заинтересована в усилении Японии за счет дальнейшего ослабления Китая и поэтому поддерживала посредничество Германии и России.

В ситуации 1887 г., когда приготовления Цинской империи к войне с Японией, прежде всего из-за столкновения их интересов в Корее, приняли широкий размах, Россия была согласна занять нейтральную позицию в отношении враждующих сторон при условии их гарантий неприкосновенности Кореи. Согласно материалам РГА ВМФ, в 1887 г. китайцы предпринимали попытки создать свой порт в бухте Гошкевича в Корее для транзита товаров из Маньчжурии (минуя российские порты). К этому же году относятся письма министра иностранных дел России Н.К. Гирса о политике Китая в Корее, противоречиях между Кореей, Японией, Китаем и недовольстве цинского правительства стремлением корейского короля установить более тесные связи с Россией. В 1888 г. было направлено донесение о стремлении Китая подчинить Корею, поставить под контроль ее внешнюю политику, о китайско-корейских конфликтах из-за направления представителей корейского короля в столицы Северо-Американских Соединенных Штатов и Российской империи – Вашингтон и Санкт-Петербург¹¹.

Ситуация также осложнялась противодействием Великобритании, самой сильной военно-морской державы того времени, склонявшейся к поддержке Японии и усилившей свою эскадру на Тихом океане. Именно опасения британских интриг вынудили германского посредника по урегулированию японо-китайских противоречий не афишировать свою деятельность. К тому же немецко-китайские отношения также были далеко не безоблачными. У немцев возникали трения с китайскими властями в связи с деятельностью там германских католических и лютеранских миссионеров, в частности в Шаньдуне, где немцы облюбовали место для своей военно-морской базы и территорию которого считали сферой герман-

ского влияния. Впрочем, этот инцидент с миссионерами произошел позднее, в 1897 г., после японо-китайской войны¹².

Во время японо-китайской войны российские моряки пристально наблюдали за ходом боевых действий, оперативно реагируя на изменение обстановки и подвергая анализу победы и поражения воюющих сторон, при этом сочувствуя китайской стороне. Они сообщали об отправке из Тяньцзиня 15 тысяч китайских войск на войну с Японией, об их вооружении, о призыве в армию еще 15 тысяч резервистов из Тяньцзиньского военного округа, о больших потерях китайских войск, о приготовлениях Японии к распространению боевых действий на территорию Маньчжурии. 27 июня 1894 г. полковник Воган приводил сведения о потерях китайских военно-морских сил, основанные на рапорте командира канонерской лодки «Кореец». Особое внимание уделялось морским сражениям, например 5 сентября 1894 г. у острова Хайян, результаты которых были важны для дальнейшего развития военного кораблестроения в России¹³.

Успехи Японии в войне с Китаем, в частности, в Корее, и захват Люйшунью (Порт-Артура) вызывали беспокойство российского правительства. Они делали возможным овладение японцами Кореей и даже Пекином, как отмечается в письме посла России в Пекине графа Кассини командующему российской тихоокеанской эскадрой адмиралу С.И. Тыртову¹⁴.

В строевых рапортах командующего тихоокеанской эскадры адмирала Е.И. Алексеева за 1894–1895 гг. упоминается об использовании порта Гензан (Вонсан) на восточном побережье Кореи японскими войсками во время японо-китайской войны. Только под давлением России японские войска вынуждены были оставить захваченный ими в ходе боевых действий Люйшунью (Порт-Артур), на который российское правительство имело свои виды. По инициативе России был организован так называемый «демарш трех держав» – России, Германии и Франции, в результате которого Япония была вынуждена отказаться от Ляодунского

полуострова, что укрепило позиции России в Китае и оказалось сильнейшим моральным ударом для всего японского общества, разделявшего в целом позицию своих правящих кругов об аннексии китайских территорий. Демарш был подкреплён направлением дополнительных военных кораблей для усиления французской и германской эскадр и объявлением мобилизации в Приамурском военном округе Российской империи.

В 1896 г. Россия заключила союз с Китаем, с которым также было подписано соглашение о строительстве через Маньчжурию Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), находившейся под контролем российских властей и сокращавшей путь из центра России до Владивостока на 800 км, что позволило расширить русское, включая морское, присутствие в регионе.

И позднее, после японо-китайской войны, Россия сохранила свое военно-морское присутствие у берегов Китая, что очевидно из письма управляющего Морским министерством адмирала С.И. Тыртова генерал-губернатору Восточной Сибири Н.М. Муравьеву от 13 сентября 1897 г., когда корабли российской эскадры посетили Гуанчжоу. На Тихом океане находились к этому времени уже 63 русских боевых корабля, в том числе 7 эскадренных броненосцев, 8 броненосных и 12 легких крейсеров. Помимо этого, на Дальнем Востоке, в том числе в Китае и на его границах, Россия держала 10% своей сухопутной армии – около 100 тысяч солдат и офицеров со 148 орудиями. Были там и иррегулярные воинские части, представленные Забайкальским, Амурским и Уссурийским казачьими войсками, в ведении которых была охрана российско-китайской границы в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Забайкальское казачье войско было создано в 1851 г., Амурское – в 1860, хотя переселение казаков на Амур началось уже в 1854-м и их первая станица – Хабаровская – появилась в 1858 г. Уссурийское войско было создано в 1889 г. В 1897 г. на базе Амурского войска была создана Амуро-Уссурийская военная флотилия. К 1916 г. на военной службе состояли 14 500 забайкальских,

3 600 амурских и 2 500 уссурийских казаков¹⁵. На российско-китайской границе в Центральной Азии – в Семиречье и Прииссыккулье – служили 15 тысяч казаков Семиреченского казачьего войска, основанного в 1867 г., а в восточном Казахстане у озера Зайсан – казаки Сибирского казачьего войска. К 1917 г. в Сибирском войске находилось в строю 11 500 казаков.

Как сообщается в письмах управляющего Министерством иностранных дел России графа Ламздорфа адмиралу Тыртову и начальника Главного Морского штаба России вице-адмирала Ф.К. Авелана командующему русской тихоокеанской эскадры, российские интересы там вступили в противоречие с замыслами Германии, пытавшейся использовать бухту Гуанчжоу для стоянки военных кораблей своей эскадры. Российское правительство само вынашивало планы в отношении гуанчжоусской бухты, отстаивая приоритет России, и с этой целью направило несколько кораблей русской эскадры в Гуанчжоу для отслеживания действий немецких военных судов. После вышеупомянутого инцидента в Шаньдуне несколько германских боевых кораблей зашли в Гуанчжоу. Это побудило китайскую сторону просить русское правительство прислать туда российские военные суда. Русские претендовали на бухту Гуанчжоу для военно-морского базирования, о чем свидетельствует в своем донесении от 12 ноября 1897 г. министру иностранных дел поверенный в делах России в Пекине¹⁶. Очевидно, что цинская сторона предпочитала немецкому российское военно-морское присутствие в Гуанчжоу.

Борьба за преобладание в Китае приводила Россию к противоборству с Германией, которая к 1898 г. вынудила цинское правительство отдать в аренду под военно-морскую базу бухту в Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове¹⁷. Но не только.

Главным противником России оставалась Великобритания, подталкивавшая Японию к конфронтации с Россией. Приемы британской дипломатии включали демонстрацию военной силы, что выразилось в сен-

тябре 1898 г. в сосредоточении в Вэйхайвэе всех боевых кораблей британской эскадры на Тихом океане. В ход шли и интриги, способствовавшие отставке из цинского правительства видного государственного деятеля Ли Хунчжана, во многом определявшего политику цинского двора. Это было следствием торжества враждебной России придворной клики, ориентированной на Великобританию и Японию. Последствия не замедлили сказаться в том же году. Британский адмирал лорд Бересфорд, командующий британским военно-морским флотом на Тихом океане, от имени собрания англичан, представлявших свою державу в Китае, потребовал, чтобы в Маньчжурии, находившейся в сфере влияния Российской империи, другим державам были предоставлены равные с Россией права на эксплуатацию ее природных ресурсов. О попытках англичан оказать давление на ход внутривосточных событий в Китае, на перемещение в связи с этим кораблей британской эскадры у берегов Китая сообщал в своем строевом рапорте от 31 декабря 1898 г. адмирал Дубасов великому князю Алексею Александровичу и морскому министру. К февралю 1898 г. относится сообщение поверенного в делах России в Пекине министрам Цинской империи о необходимости заключения соглашения о предоставлении России в арендное пользование на 25 лет земли в Порт-Артуре и Талиеване (Дальнем или Даляне. – *Авт.*) для создания там российских военно-морских баз. В мае 1898 г. А. Павлов, член российской дипломатической миссии в Пекине, направил письмо адмиралу Ф.В. Дубасову по поводу переговоров с цинскими властями о выкупе Русско-Китайским банком участков земли в Люйшунью (Порт-Артур) и Даляньване (Даляне) для нужд морского ведомства Российской империи. Российское правительство также получило право на постройку железной дороги от Харбина до Порт-Артура. Аренда Ляодунского полуострова с Порт-Артуром предоставляла российскому военно-морскому флоту возможность иметь на побережье Китая незамерзающий порт. Порт-Артур стал главной ба-

зой российского военного флота на Тихом океане, там же находилось командование Тихоокеанского флота. Территория Ляодунского полуострова с прилегающими островами была включена в состав России под наименованием Квантунской области. Порт Далянь, переименованный в Дальний, был объявлен открытым для международной торговли¹⁸.

К ноябрю 1898 г. относится участие российского крейсера «Рында» в церемониальных мероприятиях по случаю открытия в Шанхае памятника погибшему экипажу германской лодки «Letis», описание которых приводится в материалах РГА ВМФ¹⁹. В июне 1898 г. экипаж российской канонерской лодки «Манджур» помог китайским властям поднять предметы вооружения с погибшего китайского крейсера «Фуцзинь»²⁰.

Засвидетельствовано участие российских военных моряков в 1898 г. по просьбе китайских властей острова Чэньчжудо в борьбе с местными пиратами, терроризировавшими население острова²¹. Это был не единственный случай проведения русскими властями совместных с китайцами полицейских операций. В июне 1898 г. российский МИД отказал в выдаче цинским властям китайских преступников в Цзиньчжоу, но затем согласился отправить их в распоряжение цинского правительства. Также 25 июня был выдан китаец, уличенный в сбыте фальшивой российской монеты и до этого находившийся под надзором русской полиции²².

Вместе с тем российские военные моряки не прекращали разведывательную деятельность, о чем свидетельствует «Запись от февраля 1898 г. для памяти со сведениями о количестве орудий в районе Циндао, усилении японского гарнизона в Вэйхайвэе, о телеграфе на материке», содержащаяся в рапорте командира канонерской лодки «Корец», а также сведения от 26 марта 1898 г. о расположении китайских войск на Ляодунском полуострове. Важно указать на документы, поступавшие из российского посольства в Пекине о нарастании в Китае ксенофобии по отношению к иностранцам в

1898 г., которому предшествовали аналогичные события в Шанхае, своего рода прелюдии разразившегося через год так называемого «боксерского» восстания, или восстания ихэтуаней. Как видно из донесений российского посольства, летом 1898 г. «недавние шанхайские беспорядки отразились... расклейкой по улицам прокламаций, призывавших китайскую прислугу бросить службу у “рыжих варваров” (т.е. у европейцев. – Авт.)»²³. 11 сентября сообщалось о распространении слухов об отравлении императора династии Цин и уходе британской эскадры к форту Дагу (Таку) с целью высадки десанта. 19 сентября документы, переданные поверенным России в делах в Китае, сообщали о том, что в Пекине «проявляется возбуждение» против иностранцев на улицах, выразившееся, в том числе, в отношении супруги посла Италии и членов других дипломатических миссий, некоторые из них получили тяжелые ранения при попустительстве цинских властей²⁴.

В 1899–1900 гг., во время восстания «ихэтуаней», Россия направила войска в Маньчжурию. После подавления беспорядков русские войска остались в Маньчжурии, де-факто превратив эту китайскую провинцию в протекторат России. По этому поводу было заключено соглашение с китайскими властями Мукденской провинции²⁵.

Российские военные моряки выполняли в Китае не только боевые и разведывательные задачи. Они изучали Китай, о чем свидетельствуют, например, характеристика и описание Порт-Артура, сделанные на основе работы Коновалова и Илинского, а также описание Даляня и полуострова Ляодун, заверенные подписью адмирала Дубасова. Есть описания и других местностей Китая²⁶. В материалах РГА ВМФ приводится карта Маньчжурии 1897 г., составленная в канцелярии Министерства финансов Л. Бордовским под редакцией профессора, известного российского синолога Д. Позднеева²⁷. Российские военные моряки были в курсе и ряда экономических мероприятий Китая. В мае 1894 г. в примечании к строевому рапорту командира канонерской лодки

«Манджур» приводились данные по экономическому положению в г. Ханькоу, отправке чая в Россию фирмами, являвшимися комиссионерами для русских торговцев чаем, о вывозе фирмой К. и С. Поповых чайных кустов из Китая для посадки их на Кавказе. Не остались без внимания российских военных моряков и жители «Поднебесной» – бытовые, жанровые описания китайцев, что нашло, например, отражение в письмах офицера тихоокеанской эскадры И.Ф. Лихачева, впоследствии ставшего адмиралом, своему отцу, где он дает китайцам социокультурную характеристику²⁸.

Таким образом, в материалах РГА ВМФ, основанных преимущественно на донесениях российских военно-морских офицеров, служивших у берегов Китая на боевых кораблях тихоокеанской эскадры и в аппарате российского посольства в Пекине, отражены события на Дальнем Востоке, причем как накануне и во время японо-китайской войны, так и в последующие за ней годы.

Примечания

¹ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), ф. 417, оп. 1, ед. хр. 2753, л. 13; Фонд эскадры Тихого океана (Ф. 650), оп. 1, ед. хр. 111; л. 100–114, 115–119; ед. хр. 119, л. 55 об – 56, 60–80, 81–90, 91–99.

² Там же, ф. 650, оп. 1, ед. хр. 111, л. 115–125.

³ Там же, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 4292, л. 8–12.

⁴ Там же, л. 20–24.

⁵ Там же, ф. 417, оп. 1, ед. хр. 1253, л. 14–20.

⁶ Там же, ед. хр. 5556, л. 4–12.

⁷ Там же, ед. хр. 4277, л. 12–20. О возникновении политического конфликта между Японией и Китаем в связи с вооруженным столкновением в Нагасаки команды 4-х китайских судов с японской полицией. Начато 2 января 1887 г.

⁸ История Японии. Т. 2, М., 1998, с. 184–185.

⁹ Цит. по: Патлай Д.Б. Цусимский инцидент 1861 года. Политические причины и следствия // Восточный архив, № 16, 2007, с. 16–19.

¹⁰ РГА ВМФ, ф. 417, оп.1, ед. хр. 1055, л. 6–12.

¹¹ Малевинская М.Е. Корея в документах Морского ведомства (по материалам РГА ВМФ до 1917 г.) // Восточный архив, № 8–9, 2002, с. 45.

¹² РГА ВМФ, Фонд адмирала Дубасова, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 25, л. 22–29, 30–396.

¹³ Там же, ф. 650, оп. 1, ед. хр. 121, л. 120–164б; ед. хр. 119, л. 63 об – 64; ед. хр. 135, л. 1–22; ед. хр. 119, л. 60 об; ед. хр. 110, л. 153–158; л. 120–124об; л.150–151.

¹⁴ Там же, ф. 650, оп. 1, ед. хр. 135, л. 1–22; ед. хр. 119, л. 50–60 об; ед. хр. 153–158, л. 150–151.

¹⁵ Штенцель Альфред. История войн на море. Т. 2, М., 2002, с. 720–721.

¹⁶ РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, ед. хр. 26, л. 4–8об; ед. хр. 25, л. 1 – 1а.

¹⁷ Там же, ед. хр. 106, л. 32 – 38об (26 января 1898 г. Письмо Цзунли-Ямыня об окончании дела о миссионерах и отдаче бухты Цзяочжоу в аренду немцам).

¹⁸ Война на море. Battle at sea. 1904–1905. Хроника событий русско-японской войны. Chronicle of events of the Russian-Japanese war. СПб. 2005, с. 13–15.

¹⁹ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 5, л. 39–40 об; ед. хр. 108, л. 150 – 157 об.

²⁰ Там же, ед. хр. 106, л. 9–14; ед. хр. 6, л. 65–65 об; ед. хр. 5, л. 6.

²¹ Там же, ед. хр. 6, л. 32–35.

²² Там же, ед. хр. 5, л. 10 об.

²³ Там же, ед. хр. 1147, л. 1–2; ед. хр. 108, л. 257–260.

²⁴ Там же, ед. хр. 5, л. 26, 41 об, 6.

²⁵ Война на море, с. 15.

²⁶ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 6, л. 20 об – 21. Описание не нанесенного на карту местечка Пей-то-хо – модного дачного и купального места для европейцев, живущих в Пекине и Тянь-цзине (из рапорта Ф.В. Дубасова). Сведения об острове Хой-ю-тан (количество жителей, система управления, охраны, флота из 11 джонок), л. 36.

²⁷ Там же, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 108, л. 150–157 об. Карта Манчжурии.

²⁸ Там же, ф. 650, оп. 1, ед. хр. 120, л. 656б; ф. 16, оп. 1, ед. хр. 291, л. 3 –3 об. (Фонд адмирала И.Ф. Лихачева).

Н.М. Горбунова

**СИРИЯ И ЛИВАН В XIX – НАЧАЛЕ XX В.:
ПЕРВЫЕ ШАГИ МОДЕРНИЗАЦИИ «СВЕРХУ»
(Окончание)**

Османская империя вступила в эпоху модернизационных процессов и реформ еще в середине XIX в. Эти процессы нарастали постепенно, порой откатываясь назад, а затем снова набирая обороты. Они шли по самым разным направлениям и затрагивали все сферы жизни османского общества. Наряду с развитием просвещения и пробуждением национального самосознания все явственнее ощущалась отсталость империи в экономическом и техническом отношении. Технологический прогресс был стране особенно необходим. Сама жизнь толкала турецкое правительство к обновлению устаревших производств, к строительству современных дорог и средств связи. Особенная нужда в этом была видна на фоне очевидного отставания империи от западных держав, которые все глубже проникали в ее экономику и политику. А финансовые долги Турции поставили ее почти в полную зависимость от развитых стран.

Крупные западные компании боролись за получение концессий на строительство портов, железных и шоссейных дорог, которые имели особое стратегическое значение для проникновения в районы, богатые нефтью и полезными ископаемыми. При этом шла ожесточенная конкурентная борьба между Англией, Францией, Германией и Россией за сырье и рынки сбыта, в это вкладывались огромные средства. Русское правительство пыталось соперничать с западными державами за влияние на слабеющую Турцию во всех сферах жизни – в политике, экономике, торговле и прочее. Этот регион всегда был чрезвычайно важен для России. Русские дипломатические представители подробно информировали свое правительство о западноевропейских планах, проектах и конкретных строительных успехах. Особый

интерес у них вызывало строительство в этом районе железных дорог: Хиджазской, Багдадской и других.

Решение о строительстве Хиджазской железной дороги, начавшемся в 1901 г., получило официальное название «величайшего предприятия Его Величества Султана Абдул-Хамид-хана». 19 августа 1900 г., в день юбилея султана, вали Назим-паша в присутствии всех властей Дамаска заложил первый камень железной дороги Дамаск – Медина – Мекка. По сведениям русского консула Тухолки, турецкое правительство придавало проектируемой железной дороге не только религиозное, торговое и цивилизаторское (для бедуинов) значение, но и стратегическое. Она давала возможность быстро перебросить войска в Йемен в случае угрозы английского вмешательства¹. В архиве находится также депеша Щербачева, касающаяся планов проведения дороги Дамаск – Мекка. «О предполагаемой железной дороге между Меккою и Дамаском, – пишет он, – здесь говорят уже давно. Проведение ее правительственными средствами составляет одно из заветных желаний султана. Объявлено же о ней теперь, в столь необычной в Турции для подобных случаев торжественной форме, без сомнения, затем, чтобы удовлетворить общественному мнению, крайне возбужденному уступкой нам постройки железных дорог в зоне Черного моря». Постройкой этой дороги, считает Щербачев, турки стремятся обезопасить Йемен от захвата англичан, «происки которых в Аравии возбуждают особенно за последние два года самые серьезные опасения Порты», и предполагают продолжить дорогу до Саны, столицы Йемена². Из донесения консула Беляева узнаём, что дорога строится в основном на суммы, пожертвованные мусульманами всего мира.

«Отдача с торгов поставки строительных материалов по сооружению дороги идет очень успешно, причем предприниматели предлагают цены очень умеренные»³.

По первоначальному проекту дорога должна была идти на Мзериб, но вскоре решили пустить ее по более прямому пути – в Дераа, на Мекку, к тому же ближе к хлебородным полям Хаурана⁴. Беляев сообщает, что работы по строительству первых пятидесяти километров Хиджасской дороги сданы трем подрядчикам, оттоманским подданным, на пять месяцев. На подряд следующих сорока километров охотников не нашлось. Их будут строить казенные рабочие-солдаты. Однако солдаты работают значительно хуже европейских рабочих: «Тогда как наемный рабочий делает 3–4 метра в день, солдат делает всего 1 метр». Солдат получает один пиастр в день, а наемный рабочий-европеец зарабатывает сдельно. Минерами служат наемные рабочие, преимущественно итальянцы. Рельсы укладывают также наемные европейские рабочие⁵.

Еще в 1898 г. французская компания Виталис получила концессию на строительство всех проектируемых железных дорог в Сирии. В мае 1900 г. османское Министерство общественных работ заключило с этой компанией контракт на постройку ветки Райяк – Хама с правом продолжить ее за Биреджик. Линия должна была быть готова за три года. Поскольку Виталис строила дорогу на свои средства, в соглашении предусматривалось возмещение издержек по строительству за счет так называемой километровой гарантии. Сумма этой гарантии то уменьшалась, то увеличивалась, но лежала тяжелым бременем на местных сирийских властях. По сложившейся в те времена практике, подобными километровыми гарантиями были обременены и другие железнодорожные строительные проекты. По этому поводу в своем донесении послу в Константинополе в 1902 г. консул Николаев сообщал, что турецкие чиновники недовольны высокими километровыми гарантиями, которые сильно снижают доходы от проезда по дороге. Поэтому правительство приказа-

ло передать десятинный налог в казах (округах) в уплату километровой гарантии, «который для этой цели поступит в распоряжение администрации оттоманского публичного долга»⁶. Консул отмечает, что это – бедствие для финансов вилайета, который и так постоянно находится в затруднительном положении из-за солидных издержек на 5-й армейский корпус, на вилайет, на снаряжение священного каравана в Мекку, не говоря уже о деньгах, постоянно высылаемых в Константинополь.

Между тем строительство Хиджасской дороги в Хауране шло медленно из-за слабого финансирования и недостатка рабочих рук. Вместо 6 тысяч солдат и 2 тысяч рабочих было прислано лишь 1200 солдат. Офицеры требовали надбавки к жалованию и отказывались начать работы⁷. Турецкое правительство, недовольное проведением работ, прислало в качестве главного инженера итальянца Лабелла. Тот решил заменить солдат наемными рабочими.

Николаев докладывал также, что жалование чиновникам не уплачивается по нескольку месяцев. «Слышались голоса, – писал он, – порицающие постройку ненужной для Сирии Райяк-Хомской железной дороги; теперь уже говорят, что линия Кония – Багдад будет верхом бедствий для империи, вследствие той же высоты километровой гарантии, в уплате которой исчезнут доходы вилайетов»⁸. Указав далее расписание поездов, пересадки, станции, расстояния между ними и высокие тарифы, Николаев отмечает, что сирийцы предпочитают ездить в экипажах и верхом, что обходится гораздо дешевле. Завершает он свое описание высказыванием Бонковского-паши о состоянии железнодорожных рабочих в Хауране и Аммане: «Вид рабочих-солдат так жалок, что я плакал, как ребенок»⁹.

В консульских донесениях сообщения о строительстве железных дорог носят хотя и важный, но отрывочный характер. И все же эти сведения позволяют представить общую картину той лихорадочной и масштабной стройки, которая развернулась при заинтересованном участии западных стран в не-

тронутом дотоле современной цивилизацией ближневосточном регионе.

В январе 1905 г. через Алеппо проехала немецкая железнодорожная экспедиция, целью которой, по сведению консула Круглова, было определить «местонахождение различных ископаемых богатств», их разработку и подведение к ним железнодорожных путей, отклоняющихся от багдадской линии, а также отвод земель под будущую стройку¹⁰.

В связи со строительством Багдадской железной дороги германское правительство учредило в Алеппо консульство, что явилось «показателем того значения, которое Германия придает краю», – писал Круглов¹¹. При этом турецкие власти полагали, что задача концессий на строительство не одной, а нескольким иностранным державам даст им возможность широкого маневра и предотвращения чрезмерного влияния одной из них.

Конечно, западные компании, активно строя дороги и железнодорожные линии на Ближнем Востоке, руководствовались не только политическими целями своих правительств, но и рассчитывали на высокие прибыли и перспективы торговли и разработки сырьевых месторождений. Поэтому сведения о том, что французская компания по постройке железной дороги Хама – Алеппо, убедившись в ее нерентабельности, пожелала получить концессию на соединение г. Хамы с Александреттой, не вызвала удивления генконсула Круглова. Эта линия могла быть очень прибыльной. Принимая во внимание, что Александретту издавна считали в сфере своего влияния англичане, Круглов предположил, что французы пришли к какому-либо секретному соглашению с Англией на этот счет о взаимном разграничении интересов¹². Он также считал, что совместное проведение линии из Александретты англичане и французы предпринимают с целью «пресечь путь немецкой железной дороге в Багдад и перехватить у нее в Александретте все европейские грузы, идущие в Месопотамию». «Немцы неотступно следят за французским строительством», – резюмирует Круглов¹³.

Интересны записка статского советника Круглова и депеша действительного тайного советника Зиновьева о железнодорожном строительстве в Сирии, относящиеся к этому периоду. В них есть много нюансов и предположений, касающихся так называемого «соглашения Сайкс-Пико», а также условий предоставления французского займа Турции. Поэтому нам кажется уместным привести здесь некоторые выдержки из них.

«По имеющимся достоверным сведениям, – пишет Круглов в марте 1905 г., – одной французской компанией принято решение соединить Алеппо с одним из портов Средиземного моря, связав в сих видах названный город с Хамой, примкнув эту линию к имеющейся уже линии Хама – Бейрут и снабдив ее веткою на северо-восток до Биреджика. Этот новый шаг в области железнодорожного строительства Франции в Сирии заставляет задуматься над задачами, кои в данном случае преследует правительство Республики.

Для ответа на этот вопрос необходимо иметь в виду следующие соображения. Со времени крушения грандиозных планов завладения Сирией с целью проникновения до границ Индии, которые не раз в течение минувшего столетия возникали в сознании французских государственных людей, все французские предприятия в этих турецких областях утратили свое прежнее значение и приобрели узко ограниченный пределами Сирии характер. Их местное только значение особенно ясно начинает сказываться после того, как Германия, с одной стороны, и турецкое правительство, с другой, приняли решение создать две магистральные линии на Багдад и на Мекку, которым, несомненно, суждено играть основную роль в сети турецких железных дорог и которые превратят все остальные линии страны лишь в подъездные пути. В частности, и проектируемая линия Бейрут – Хама – Алеппо сделается с проведением Багдадской линии лишь веткой последней, экономически вполне зависимой от германского предприятия.

При таком положении дела едва ли, с точки зрения экономических выгод, линия Бейрут – Хама – Алеппо будет иметь особое значение: германцам легко будет создать самостоятельное соединение Багдадской линии с одним из портов Средиземного моря, например Александреттою, и тем подорвать все значение французской новой линии на Бейрут. Несомненно, с другой стороны, что надеяться на развитие при помощи указанной железной дороги французской торговли в Сирии представляется равным образом невозможным. Опыт доказал, что даже в таких портах и на таких железнодорожных линиях, кои всецело оборудованы Францией, торговля последней очень мало продвигается вперед. Новейшие статистические данные показывают, что по вывозу из Сирии Франция утратила ныне первое место, ей прежде принадлежавшее, а по ввозу она занимает четвертое место среди других европейских держав.

Можно сказать поэтому, что экономический смысл предприятия сведется к тому, что германская Багдадская линия получит лишь новый даровой подъездной путь, коим, конечно, и не преминет воспользоваться в интересах немецкой промышленности.

Позволительно при таких условиях усомниться в том, чтобы, поддерживая в Константинополе проекты железнодорожного строительства в Сирии, французская дипломатия имела в виду выгоды акционеров новой дороги или интересы французской торговли. Гораздо более вероятным будет предположить, что в данном случае главную роль играют соображения политического характера¹⁴. Совершенно при этом очевидно, что процессы модернизации, происходившие в Османской империи накануне ее заката, были связаны не только с внутренней потребностью в них самой Турции, но и экономическими и политическими потребностями развитых западных государств.

Об этом же свидетельствует депеша Зиновьева, отправленная весной 1905 г. «Переговоры между турецким правительством и представителем французских финансовых предприятий, коих поддерживал француз-

ский посол, окончились, и состоявшиеся между сторонами соглашения утверждены султаном. Оттоманский банк обязался заключить во Франции для Порты заем в 60 миллионов франков номинальных... Обществу Сирийских железных дорог разрешено приступить к постройке дороги от Хамы до Алеппо, когда оно признает это необходимым. Ему обеспечена километрическая гарантия в размере 13 636 франков на километр, уплата коей начнется через два года по открытии строительства работ»¹⁵.

Французы, как и обещали, закончили ветку Хама – Алеппо ко дню рождения султана: ее торжественное открытие произошло 21 сентября 1906 г., хотя первый локомотив из Хамы прибыл в Алеппо еще 20 июля. Генеральный консул Круглов отмечал в своем письме, что Алеппо «отныне должен будет считаться в политическом отношении включенным в сферу французского влияния. Туркам трудно будет платить километрическую гарантию, но военные круги довольны, так как это облегчит переброску войск»¹⁶.

Борьба западных иностранных компаний вокруг железнодорожного строительства на Ближнем Востоке с каждым годом начала XX в. приобретала все более ожесточенный характер. Пространные донесения Круглова на эту тему, ввиду их важности, регулярно ложились на стол императора Николая II и были «просмотрены» им.

«Французская компания, в руках коей находится дело проведения железнодорожной линии между портом Александреттой на Средиземном море и городом Биреджик на Евфрате, лихорадочно принялась за работу. До последнего времени проект означенной дороги пролежал почти пять лет без движения, ныне же, благодаря сложившемуся во Франции мнению о желательности учреждения пароходства по Евфрату и, в особенности, сохранения этого предприятия исключительно в ведении французских капиталистов, установлены даже ночные работы. Исследования фарватера Евфрата неоднократно ранее производились англичанами. Повторенные французскими инженерами, они привели к отрицательным выводам ка-

сательно вероятной доходности предприятия; тем не менее, мысль о пароходстве по Евфрату не оставлена, ввиду важности для французских интересов соединить прямым путем Бейрут с Персидским заливом через Александретту – Биреджик». В другом своем донесении генконсул Круглов производит сложные финансовые расчеты о годовой доходности дороги Хама – Алеппо и приходит к выводу о ее полной убыточности и о политическом значении ее строительства. «...представляется совершенно непонятным, – докладывает он в донесении послу, – каким образом турецкое правительство, допуская иностранное предприятие, столь очевидно направленное к ускорению его же несостоятельности, взяло на себя такую разорительную обузу, гоняясь за призрачными стратегическими планами и соображениями, упустив из вида, что та мертвая петля, в которую его постепенно, но весьма искусно затягивает иностранная дипломатия, едва ли даст какую-либо возможность привести эти стратегические планы в исполнение»¹⁷.

Попытки англичан разработать альтернативное сообщение между Алеппо и Александреттой вызывали сильную тревогу у французов. Они также действовали весьма активно: «По здешним сведениям, концессия испрашивается турецкими капиталистами и в Константинополе принимается, будто бы, благосклонно», – писал Круглов. – «Так как эта ветка отвлекла бы все грузы от Бейрутской линии, французская железнодорожная компания готовится взять концессию на себя, чтобы таким образом устранить конкуренцию и, оставив Бейрутскую линию для Дамаска и прочих пунктов, устроить прямое беспересадочное сообщение Алеппо с Триполи. Время пути значительно сократится и задержка в ливанских горах будет избегнута»¹⁸.

Сменивший Круглова на его посту консул фон Циммерман пытался также отслеживать все каналы влияния своих коллег-соперников. Он отмечал, что британский консул Лонгворд «всячески поддерживает членов комитета и в силу этого приобрел власть над генерал-губернатором, который

дает ему отчет о своих делах». Не преминув этим воспользоваться, англичане стали добиваться концессии на постройку железной дороги между Алеппо и Александреттой для английской компании, во главе которой «должен стоять британский вице-консул в Александретте г-н Котоньи. Покамест же ему предоставлено право открытия автомобильного пассажирского и товарного движения между этими двумя пунктами... Г-н Котоньи или, что то же, составляемое им товарищество, собирается равным образом открыть автомобильное сообщение между Алеппо и Киллисом, которое он впоследствии, без сомнения, продолжит на Биреджик и Мосул... сообщение с Мосулом откроет широкое поле иностранным предпринимателям»¹⁹.

В том же донесении фон Циммерман отмечает «удобство гавани Александретты. Грузы, идущие из Бейрута в Алеппо, должны в Райяке перегружаться (разная колея). Противником концессии (английской. – *Н.Г.*) является французская железнодорожная компания, которая предпочитала сама построить эту линию и регулировать работу обеих линий и Багдадской железной дороги»²⁰.

И действительно, в основном инженерами-подрядчиками, строившими эту дорогу, оказались французы. Циммерман при этом подметил, что общество по строительству дороги обшчитывало подрядчиков, ставило их в невыгодное положение, а те, в свою очередь, обшчитывали рабочих²¹.

Одновременно французская компания графа Витали строила ширококолейную дорогу Триполи – Хомс. В ее планы входило также строительство в Триполи порта и каменной набережной. Консул сообщал, что дорогу рассчитывают продлить в Тадмор, а оттуда прямо на Багдад²².

Циммерман исходил из того, что русское правительство проявляло повышенное внимание ко всем вопросам, касающимся строительства путей сообщения на Ближнем Востоке. Кроме всего прочего, это затрагивало военно-стратегические и торговые интересы России. Поэтому в его отчетах и до-

несениях находим подробные карты строящихся железных дорог, перечень станций и расстояния между ними (обычно 15–20 км). Это относится, например, к дороге Райяк – Алеппо²³.

С 1911 г. началось активное немецкое проникновение в ближневосточный регион. Германия все ближе подбиралась к неисчерпаемым ресурсам нефти в Ираке, готовясь к войне в Европе. Этот процесс был отмечен в донесениях Циммермана. Оттеснив французов и англичан с помощью турецких властей, немцы стали спешно вести работы на трассе Багдадской железной дороги. «Замечается уже приезд рабочих, пока еще слабый, но постепенно увеличивающийся», а также инженеров-немцев. «Сделанные турецким правительством уступки немцам относительно порта Александретты произвели в местном магометанском населении удручающее впечатление», – подчеркивает консул²⁴. Интересны подробности ситуации, в которой происходила подготовка к строительству этой железной дороги, по описанию Циммермана. Он пишет, что в Алеппо прибыл немецкий барон Оппенгеймер, сын богатого еврейского банкира, якобы для осуществления археологических раскопок, но с ним слишком большой штат людей. Его тайная цель: установить дружбу с бедуинскими племенами, натравить их на англичан, обеспечить условия для строительства Багдадской железной дороги. Рассчитывая с помощью местной турецкой администрации, явно благоволившей им, скупить за бесценок земельные участки для железной дороги, немцы, однако, натолкнулись на то, что владельцы земли подняли на нее цену. На сопротивление населения Общество Багдадской дороги натолкнулось также в пригородных районах Алеппо. Оно предложило крайне низкую цену за скупаемые им пригородные земли. В донесении Циммерман полагает, что Общество желает «скупить громадное количество пригородной земли». Владельцы же участков обжаловали это в суде²⁵.

24 мая 1912 г. начались работы по сооружению немцами порта в Александретте

и постройке железной дороги. «Открытие прошло торжественно», – сообщает консул послу в Константинополе²⁶.

Развитие сети железных и автомобильных дорог, портов и складских сооружений было невозможно, конечно, без строительства телеграфных линий. Это прекрасно понимали турецкие власти. Вначале этим занимались англичане, но затем сооружение линий взяло на себя султанское правительство. В самом начале 1900 г., в феврале, сирийский вали Назим-паша получил, по словам генконсула Беляева, предписание, подписанное генерал-адъютантом Шакир-пашой, о том, что султан повелевает установить телеграфное сообщение Дамаска с Меккой, построить телеграфные станции и приобрести необходимый для этого материал. На место проведения этой линии связи из Константинополя командировался отряд телеграфистов, а Сирийский вилайет должен был заготовить 25 000 телеграфных столбов и развезти их по пустыне²⁷.

От Беляева мы узнаем далее некоторые подробности этого проекта и ресурсы его осуществления. По его сведениям, перевозку телеграфных столбов должны осуществлять крестьяне. «Из Хаурана заготовленные столбы будут отправлены на линию непосредственно. Не меньшее усердие высказали мутесаррифы Хаурана и Керака, из коих последний довел до сведения Вали, что он уже располагает 1800 верблюдов и 300 мулов для развоза столбов. Те села и деревни, которые находятся в безлесных местностях Сирийского вилайета, выплачивают стоимость числа телеграфных столбов, пришедшихся на их долю по произведенной раскладке вилайета. В некоторых местностях власти стали было принуждать и христиан ко взносу подобных пошлин, но вилайет уважил их просьбы об освобождении от этого налога...». Предполагалось возложить охрану линии на бедуинских шейхов тех племен, где линия идет через их кочевья²⁸. Беляев прилагает к отчету перевод правительственного сообщения по поводу прокладки телеграфа. В нем, в частности, говорится: «Расходы по проведению этой теле-

графной линии длиной в 2500 км будут отнесены на средства, определенные для содержания Двора Его Величества. Линия будет идти вдоль пути, по которому обычно следует священный караван. Личный состав техников и служебный персонал назначены; они получили уже подъемные деньги и готовы к отъезду. Телеграфные столбы приобретены, и в настоящее время принимаются меры к их доставке на место. Что касается телеграфной проволоки, электрических машин и прочих принадлежностей, то они заказаны в Европе, с условием доставки их в Бейрут. Одновременно с сим на главнейших пунктах следования священного каравана будут сооружены телеграфные станции.

Чтобы облегчить мусульманам посещение Святых мест и тем расширить размеры хаджа, Его Величество полагает также построить на государственный счет железную дорогу от Дамаска до Мекки, поручив сооружение ее сведущим турецким офицерам Генерального Штаба»²⁹.

По плану предполагалось закончить проведение линии к январю 1901 г. Но уже проведенный телеграф приходилось неоднократно исправлять, так как «арабские племена, несмотря на данные ими обещания наблюдать за охранностью линии, часто перерезают провода»³⁰. 12 сентября 1900 г. консул сообщал, что назначенные на эту линию телеграфисты уже выехали из Дамаска, что 38 сторожей на верблюдах будут расставлены по линии на расстоянии девяти часов пути друг от друга. Их обязанностью будет развозить телеграммы и поправлять линию в случае мелких повреждений³¹.

Строительство телеграфной линии шло успешнее, чем прокладка железнодорожных путей. Однако, как писал консул Тухолка, «проведение линии тяжело отразилось на местном мусульманском населении; оно должно было безвозмездно или за самую ничтожную плату поставлять верблюдов и нести разные другие натуральные повинности»³². 24 декабря 1900 г. начальник комитета по проведению линии Садик-паша Азиз телеграфировал о доведении линии до Медины³³.

О том, почему «западные технологии с трудом «вживлялись» в ткани османской общественно-политической и социокультурной среды», писал историк и экономист С.М. Иванов, ссылаясь при этом на исследование Р. Дэвисона: «...со времен Крымской войны телеграфная связь в считанные годы соединила между собой некогда удаленные друг от друга районы империи. Конечно, по тем временам это было подлинной революцией в организации управления огромным государством. Однако на местах многие правители провинций были недовольны этим нововведением, ставившим их в более жесткую зависимость от указаний, шедших из Стамбула... Введение телеграфной связи способно было ограничить привычное самоуправство местных правителей, нарушало обычный ритм жизни и течение дел в провинциальных органах управления, и это вызывало у местных властей желание избавиться и от регулярной отчетности перед Стамбулом, и от этого изобретения «гяуров» – телеграфа-«ябедника». Негативная реакция на строительство телеграфных линий в стране, естественно, возникла и в среде консервативного мусульманского духовенства»³⁴.

Условия, в которых происходила технологическая модернизация в Турции и на ее окраинах, начатая практически с нуля, а также трудности, с которыми столкнулось местное население, понуждаемое к рабскому труду при отсутствии заинтересованности и понимания происходящего, – все это не являлось чем-то исключительным и присущим лишь Османской империи. Подобные же процессы происходили и в Российской империи, в Индии, в Китае и других частях света. Но общую картину можно составить лишь с помощью свидетельств очевидцев происходивших событий, какими являются, в частности, донесения, записки и другие документы, сохранившиеся в архивах.

Если говорить о модернизации в широком смысле, то неперенным условием ее осуществления, как справедливо считает ряд ученых, является появление внутри страны сословия людей, не зависящих от го-

сударства. Что касается Османской империи периода XIX – начала XX в., то она, как впрочем и ряд других абсолютистских государств, была вынуждена проводить политику модернизации под угрозой внешнего завоевания, сводя ее, по сути, к технологическому прогрессу. Модернизация же – это, в первую очередь, процесс социокультурный, который «связан с повышением автономности человека, с урбанизацией, сменой типов поведения и т.д. Но результатом модернизации является изменение экономических приоритетов»³⁵.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 756, л. 145.

² Там же, л. 58–59.

³ Там же, д. 757, л. 21–22.

⁴ Там же, л. 109.

⁵ Там же, л. 110.

⁶ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517, д. 1714, л. 48.

⁷ Там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 756, л. 163–165.

⁸ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517, д. 1714, л. 55–59.

⁹ Там же, л. 73–74, 95.

¹⁰ Там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 236, л. 9.

¹¹ Там же, л. 13 об.

¹² Там же, л. 63–64 об., 68 об. – 69.

¹³ Там же, л. 50, 64 об., 67.

¹⁴ Там же, л. 26–28.

¹⁵ Там же, л. 29.

¹⁶ Там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 237, л. 101, 116.

¹⁷ Там же, д. 238, л. 23–24.

¹⁸ Там же, л. 25–31.

¹⁹ Там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 239, л. 53–54 об.

²⁰ Там же, л. 55.

²¹ Там же, д. 241, л. 86–87.

²² Там же, л. 4.

²³ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517, д. 1152 б.

²⁴ Там же, д. 1154, л. 13.

²⁵ Там же, л. 20–23, 28.

²⁶ Там же, д. 1155, л. 75.

²⁷ Там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 756, л. 47.

²⁸ Там же, л. 48.

²⁹ Там же, л. 60–61.

³⁰ Там же, л. 151. Выписка из донесения Тухолки от 12 сентября 1900 г. с пометкой Николая II.

³¹ Там же, л. 156.

³² Там же, л. 163.

³³ Там же, л. 206.

³⁴ *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2005, с. 168–169.

³⁵ *Аузан А.* Российская модернизация: факторы и возможности // Новая газета, № 50, 13.05.2001, с. 11.

А.Н. Хохлов

**А.Ф. ПОПОВ – ПЕРВЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ПЕКИНСКОЙ ШКОЛЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ «ТУНВЭНЬГУАНЬ»
(Окончание)**

22 января 1865 г. А.Е. Влангали сообщил П.Н. Стремоухову: «Назначенный для преподавания русского языка в училище, состоящем при китайском МИД, надворный советник Попов прибыл в начале текущего месяца в Пекин. В должность свою он еще не вступил, потому что по случаю праздников Министерство [Цзунлиямэнь] еще не адресовалось ко мне с просьбою о рекомендации ему какого-нибудь лица для преподавания русского языка (за выбытием занимавшегося этим делом члена бывшей духовной миссии иеромонаха Александра).

В бумаге, в которой китайские сановники выразили мне сожаление об отъезде иеромонаха Александра, они сообщили, что по истечении [времени] праздников обратятся ко мне и будут просить рекомендовать им другого учителя...

В случае отъезда в Россию в отпуск драгомана здешнего посольства [Д.А.] Пещурова должность его может быть без затруднений исправляема надв. сов. Поповым независимо от его занятий по преподаванию в китайском училище»¹⁴.

После возвращения А.Ф. Попова в Пекин из Петербурга, где его окончательно утвердили в статусе преподавателя русского языка в китайской столице, для него начались трудовые будни, о чем он сообщил Н.П. Игнатьеву в письме от 1 мая 1865 г., где было сказано: «В феврале я вступил в должность учителя по приглашению китайцев... Ученики успевают отлично, порядочно понимают разговор и составляют фразы, недурно переводят с русского на китайский. На экзамене в прошлом году они оказались лучшими из [учащихся] всех трех училищ»¹⁵.

Более подробную и интересную информацию сообщил А.Ф. Попов Н.П. Игнатьеву

в цитируемом ниже письме от 18 февраля 1869 г.: «Недавно по училищу был у нас главный экзамен – за трехгодичный срок [обучения]: давали переводить бумаги с русского [языка] на китайский и обратно. Из семи старших учеников четверо удостоились [почетных чиновничьих] шариков. В английском и французском училищах [так] отмечено по три ученика.

Кроме того, два [наших] лучших ученика отправились с китайским посольством в Европу. Они часто пишут мне письма и пишут так недурно, что не всякий воспитанник гимназии напишет так (здесь и далее курсив мой. – А.Х.). В Лондоне им нашли русского учителя, и они продолжают делать хорошие успехи»¹⁶.

Убедительной иллюстрацией хороших знаний в русском языке, полученных учащимися «Тунвэньгуаня» – китайцем Гуй Жуном¹⁷ и маньчжуром Такшиной, могут служить их письма, в том числе приводимое ниже из Лондона от 15 ноября 1868 г.:

«Многоуважаемый наш учитель,
Афанасий Ферапонтович,
письмо, посланное нами к Вам 10 мая из Вашингтона... мы думаем, уже получено Вами.

11 июня мы отправились из Вашингтона к Ниагарскому водопаду. Пробыв там несколько дней, мы почти каждый день ходили смотреть водопад, который так прекрасен и удивителен, что едва ли в целом мире можно найти подобный. Так как падение его [вод] составляют течения четырех больших озер, то он падает с таким чрезвычайно громким звуком и страшным видом, что мы нашли его страшнее, чем волны Тихого океана. Водопад этот считается первой, славной, прекрасной и удивительной достопримечательностью в мире.

Во время пребывания нашего в Ниагаре случилось с нами одно несчастье. Однажды мы отправились вместе с нашими сановниками в одно место, называемое Бовлоу, по приглашению приятелей господина Бэрлингема [американского дипломата].

Несколько времени мы ехали на пароходе по озеру. Когда пароход приблизился к берегу и мы должны были сойти с него, [следуя] один за другим по мостику, чтобы достигнуть берега, то одна доска [оказалась] гнилой, из-за чего сановник Сунь, не приметив этого и ступив на нее, провалился в воду... К счастью, в то время было несколько матросов, которые, нырнув в воду, схватили его и вынесли на берег.

В это время он был весь мокрый и... бледный. Мы одели его в наши платья и воротились назад. Возвратившись в гостиницу, мы полагали, что сановник Сунь после встречи с такой опасностью непременно будет болен несколько дней. Но, слава Богу, он не почувствовал себя нездоровым и как обыкновенно был здоров. Это несчастье мы назвали счастливым несчастьем.

10 июля мы отправились из Ниагары по железной дороге в Бостон. Так как страна эта родина г-на Бэрлингема, то много благодарных людей приглашали сановников гулять по разным местам. Мы с сановниками были во многих достопримечательных местах, как то: например, в крепостях, (на) корабельной верфи, в университетах, на фабриках, часовых заводах и проч. 18-го ч. того же месяца мы отправились назад в Нью-Йорк и оттуда же 4 августа по Атлантическому океану приехали в Лондон.

21 сентября мы получили Ваше письмо от 20 июня. Очень благодарим Вас за него. В письме Вашем нам говорили, что Вы имели много дел в первой половине года и чтобы мы не думали, что Вы забыли о нас. О, нисколько мы так не думали! Мы знаем, что у Вас всегда бывает много дел.

Теперь английский секретарь г-н Браун пригласил для нас русского учителя, фамилия которого Гофман. Он человек очень ученый, каждый день приходит к нам объяс-

нять нам [о чем пишут] газеты, учит нас писать, говорить и проч.

Отныне мы не только старых уроков не забудем, но и новы[м] выучимся. Это для нас очень полезно.

Мы, должно быть, чрез месяц отсюда отправимся во Францию и потом в Пруссию или в Россию.

Мы думаем, после, по прибытии в Ваше государство, учиться по-русски и остаться там долее наших сановников, если они будут согласны.

То письмо, которое Вы дали нам прежде, для пересылки к г-ну Пещ[у]рову, мы уже послали, в котором мы просили его переслать одно письмо к прежнему нашему учителю г-ну Александру [Кульчицкому], потому что мы, не зная, где он теперь служит, не могли адресовать письма нашего к нему...

Вы советовали нам знакомиться и разговаривать с русскими. Ваш совет — очень хороший. Очень благодарим Вас за Вашу заботу о нас. Мы и думаем так сделать.

Так как почта наша отправляется скоро, то мы не имеем возможности подробно и часто писать к Вам. Посылая сие письмо, делаем Вам поклон и желаем Вашему семейству доброго здоровья. Потрудитесь засвидетельствовать наше почтение [Вашей жене] г-же Анне Романовне...

Глубокоуважающие и помнящие Вас воспитанники Ваши Гуй Жун и Такшина.

Тун-чжи 7-го (года) 10-й луны 13-го числа.

(Г[од] 1868 15 ноября) из Лондона.

Одно наше письмо к г-ну [А.А.] Ленци просим Вас передать ему»¹⁸.

В ходе последующей преподавательской работы в «Тунвэньгуане» А.Ф. Попов 11 ноября 1869 г. представил новую докладную своему начальству в Петербурге под названием «Записка о китайских училищах и положении при них русского учителя». В ней он рассказал о введении в круг преподаваемых в училище дисциплин новых предметов. Это видно из приводимого ниже в сокращенном виде текста записки:

«В конце 1866 г. китайское Министерство иностранных дел в дополнение к существовавшему раньше при нем училищам для изучения [иностраннных] языков – русского, английского и французского – основало еще училище астрономии, математики и других наук. Основания для этого нового заведения были несколько отличны от прежних, а именно: а) в прежние училища были приглашены преподаватели [оказавшиеся] на месте, в самом Пекине, и первые из них были рекомендованы посольствами. В новое же училище Министерство [Цзунлиамэнь] пригласило – чрез посредство главного инспектора [морских] таможен г-на [Роберта] Харта – учителей из Европы; б) для прежних училищ были набраны ученики из привилегированного класса столицы, но менее 20 лет от роду, и только некоторые из них имели ученую степень кандидата [сюцай]. В новое же училище поступили без различия и маньчжуры и китайцы, так что туда вошли лица, которым было за 30–40 лет; в) бо́льшая часть слушателей этой последней [национальной] категории была помещена в самом здании училища. Им первоначально предполагалось выдавать по 10 лян стипендии вместо трех лян, получаемых прежними учениками, жившими по [частным] домам. Но вместе с тем новое училище было подчинено ближайшим образом тем же двум директорам (ти-дяо), состоящим начальниками отделения при Министерстве, которые заведовали прежними училищами. Назначенные при новом училище еще два новых инспектора (один из них известный Бин Чунь, бывавший в Европе в 1866 г.) должны были жить с учениками в самом здании училища. В то же время Министерство подчинило им и прежних учеников. Назначив почетным попечителем училища члена Министерства престарелого Сюй Цзюя, известного своим переводом «Всеобщей географии» на китайский язык, оно подчинило его попечительству равным образом все училища.

Следствием такого [пере]устройства вышло, что а) в административном отношении училища были соединены: у них был один

глава великий князь Гун [И Синь], один попечитель, одни директора и инспектора и проч., но б) в учебном отношении они были разделены: в прежних училищах все еще оставались прежние учителя, в новые же поступили двое новых из числа приглашенных [англичанином] г-ном Хартом, хотя первые по-прежнему занимались элементарным преподаванием английского и французского языков, а остальные два только числились при нем и получали жалованье. Затем в) в хозяйственном отношении они также были соединены относительно содержания учеников, жалованья китайским учителям и проч., но г) относительно европейских наставников вышла разница, а именно: прежние, приглашенные самими китайцами, получали из Министерства от одного из директоров и жалованье, [которое] было меньше сравнительно с [получаемым] новыми; новые же, приглашенные Хартом, получали его от [последнего]. Хотя источник вообще всех сумм на содержание училищ был один и тот же – это ластовый сбор с европейских судов, на который содержатся служащие при таможенных иностранцы, маяки и в настоящее время китайское посольство в Европе. Поскольку новые наставники были приглашены Хартом и с ним заключали свои контракты на имя китайского правительства, то естественно, что *они были в зависимости от Харта и только через него могли вести дела с китайцами, тем более что, не умея говорить по-китайски, они не могли обращаться непосредственно к китайцам.* Дальнейшим следствием этого было значительное влияние и участие Харта в училищных делах.

В начале 1868 г. произошла перемена в положении учителей и училищ, а именно прежние учителя в прежних училищах английского и французского языков отказались от классов (один из них г-н Мартин (В.А. Мартин /1827–1916/. – А.Х.) причислен к новому училищу в качестве учителя-переводчика, с одним титулом и жалованьем), и вместо них чтение на уроках было поручено новым учителям, преподававшим уже в новом училище, а потом двое учеников из двух прежних училищ были переве-

дены в новое в качестве помощников учителей, оставаясь в то же время учениками прежних училищ. Таким образом, два из прежних училищ [английского и французского языков] соединились и в учебном отношении с новым, и только одно русское училище осталось на прежнем положении, не имея параллельного класса в новом училище, хотя китайцы потом сравнивали в жаловании русского учителя с новыми учителями [преподавателями-иностранцами].

История нового, или так наз[ываемого] Астрономического, училища, начавшаяся пышно, кончилась, однако, плачевно. Вместо того чтобы найти европейских учителей, знающих слова для разговора по-китайски, как советовал мандаринам русский учитель, или обязать новых, приглашенных из Европы учителей, подготовиться к чтению лекций по-китайски, г-н Харт и мандарины надумали готовить самих учеников к слушанию лекций на иностранных языках.

Вышло так, что большая часть учеников, уж и без того пожилых, или вовсе оставили училище или ходили на лекции по разу в месяц – ко времени получения стипендии. Остальные же в течение двух лет почти не сделали никаких успехов. Министерство, постоянно недовольное новым училищем, пришло было к мысли уже в настоящем году вовсе уничтожить его. Но, к счастью, ему порекомендовали одного китайца по фамилии Ли (Ли Шань-лань /1810–1882/. – *А.Х.*), который теоретически знал математику и под руководством протестантских миссионеров перевел несколько европейских книг на китайский язык. Министерство и определило его туда преподавать математику, оставив при училище только шесть человек из прежде набранных пожилых учеников и прибавив к ним четырех учеников из прежних училищ и трех шанхайцев. Лекции же относительно английского и французского языков, [как] совершенно бесполезные, в нем были прекращены, а учителя переведены окончательно в прежние училища, которые, хотя не были в блестящем положении, но все-таки сравнительно процветали и начинали приносить пользу правительству... Так, например, уче-

ники русского училища [ныне] очень часто переводят для Министерства русские бумаги, присылаемые с границы, не говоря уже о том, что некоторые из прежних учеников отправлены с посольством в Европу в качестве переводчиков.

Между тем училищный вопрос сильно озабочивал Министерство... на училища при начале основания нового из них [1868 г.] напал министр Во Жэнь (умер в 1871 г. – *А.Х.*), представивший императору доклад об уничтожении их, и Министерству пришлось их отстаивать. Уничтожить теперь новое училище или оставить его в настоящем жалком положении не только было бы неловко перед иностранцами, в глазах которых существование его как бы служит доказательством прогрессивных устремлений правительства, но главное – было бы триумфом для Во Жэня и его партии закоренелых китайцев, оппозиционной правительству.

С другой стороны, Харт... искал только случая снять с себя все заботы в этом направлении. Случай этот в настоящее время и представился с возвращением в Пекин прежнего английского учителя д-ра Мартина, который числился учителем-переводчиком и в прошлом году [1868 г.] ездил на родину, в Америку. Хороший знаток китайского языка и учивший около четырех лет английскому языку маньчжуров [и китайцев] в старом училище, Мартин зарекомендовал себя перед [высокопоставленными] китайцами еще переводом на китайский язык “Международного права”... и его перевод был отпечатан на суммы Министерства. После долгих совещаний между ним, мандаринами и Хартом Министерство теперь назначило его Главным учителем (Цзун-цзяо-си), или наставником-наблюдателем трех прежних училищ, а вместе с тем поручило позаботиться об [лучшем устройстве] жалкого астрономического училища с условием, чтобы он сам преподавал там политическую экономию, международное право и другие науки. Предполагается также устроить особое отделение иностранных переводчиков. Член Министерства Дун Сюнь¹⁹ повторил ему ту же замечательную сентенцию, которую приходилось слышать и

русскому учителю, что “в нынешних учениках Члены Министерства желают иметь себе преемников”...

Оба училища, и старое и новое, равно как и их наставники, уравниены между собою... Они находятся под главным ведением князя Гуна (с выходом в отставку престарелого попечителя Сюй Цзи-юя попечительство перешло к нему) и членов Министерства. Ближайшими их начальниками остаются два директора и инспектора. За ними следует главный учитель проф. Мартин, в обязанности которого [входит задача] заведовать учебною частью – с совета и согласия других учителей. Сам он также преподаватель. Жалованье будет получаться новыми учителями от секретаря г-на Харта или лучше из китайского банка... за подписью Мартина... Затем участие Харта в училищных делах совершенно прекращается; самые же контракты его с новыми учителями переходят к Мартину...

Русский учитель уже предложил ему, между прочим, одну из важных мер: установить для [преподавателей и переводчиков] иностранных языков три ученых степени, какие существуют в Китае, сравнив их, если не с китайской [системой], то с маньчжурской»²⁰.

Подвижнический труд А.Ф. Попова на ниве китайского просвещения оборвался в Пекине 15 февраля 1870 г. из-за тифозной горячки, которою он заболел в начале года. Признавая тяжесть этой серьезной утраты для Российской дипломатической миссии, поверенный в делах Е.К. Бюцов в письме от 20 февраля на имя П.Н. Стремоухова отмечал: «Мы теряем одного из наших лучших синологов и отличного знатока китайского языка». При этом российский дипломат особо указывал на добросовестное исполнение А.Ф. Поповым своих служебных обязанностей. «В короткое мое пребывание здесь, – писал Е.К. Бюцов, – я встретил в г-не Попове добросовестность и усердие в исполнении своих обязанностей выше всяких похвал»²¹.

Высоко оценивал заслуги А.Ф. Попова как переводчика с китайского языка и рос-

сийский посланник в Пекине А.Е. Влангали, который подчеркивал, что он «отлично изучил язык, пользовался доверием китайцев и принял деятельное участие в заключении с китайским правительством двух договоров (в 1862 и 1869 гг.), заключающих в себе правила для нашей сухопутной торговли с цинским Китаем»²².

Положительно о работе А.Ф. Попова, посвященной русско-китайской торговле в Центральном Китае, отзывался и П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своем труде по истории Русского географического общества: «Попов [А.Ф.], имевший случай совершить путешествие по р. Янцзыцзяну до главного торгового центра во внутреннем Китае – Ханькоу, прислал в Географическое общество интересные очерки о русской торговле в этом порте и об устроенных нашими соотечественниками чайных фабриках»²³.

Жена А.Ф. Попова выехала из Пекина 16 мая 1870 г., а гроб с телом покойного мужа был привезен из китайской столицы в Кяхту, откуда взялся доставить его в Петербург известный кяхтинский купец М. Осокин. Известного китаиста, первого преподавателя русского языка в первой в истории Китая школе иностранных языков – «Тунвэньгуань», похоронили на территории Александро-Невской лавры. О его могиле сообщает бывший член и начальник (после смерти Палладия Кафарова) Пекинской духовной миссии архимандрит Флавиан (в миру Николай Н. Городецкий). В письме из С.-Петербурга от 2 января 1885 г. в Пекин на имя драгомана дипломатической миссии П.С. Попова он указал:

«В нескольких шагах от [К.А.] Скачкова (известного китаевода) под прекрасным памятником белого мрамора лежит [бывший консул Ханькоу] П.А. Пономарев. На том же кладбище лежит и А.Ф. Попов, но не под спудом, а на вскрытии. В могиле открывается люк и внутрь устроена лестница; внутренность могилы представляет собой комнату, стены которой облицованы мрамором; пол покрыт ковром, и на нем стоит герметически закупоренный металлический гроб, осыпанный цветами и обложенный венками.

С супругою его я не знаком, а с братом буду сидеть в консистории»²⁴.

В связи с утратой кормильца жене А.Ф. Попова, матери двух дочерей (Елены, родившейся 11 июля 1865 г., и Зинаиды, родившейся 11 октября 1866 г.), указом от 3 марта 1870 г. была назначена пенсия в размере 600 руб., которую ранее получал ее муж²⁵.

После А.Ф. Попова осталось несколько опубликованных статей и несколько рукописей. Среди последних статья «Холера в Пекине», написанная в 1862 г. В ней, в частности, говорилось:

«Холера, появившаяся сначала в Тяньцзине, дошла, наконец, по реке Байхэ через Тунчжоу до Пекина... явившись [в конце июня] сперва в восточном городе, она быстро потом перешла в южный и затем переместилась в западный и северный. По вычислению, сделанному у ворот Нинсинмэнь Южного города, число умерших, выносимых за город, простиралось в течение недели до 120–130 чел. в день, а по вычислению у ворот Аньдинмэнь Северного города, число их сначала равнялось одному, а потом в течение 10 дней возросло до 40... общую сумму смертности в течение суток можно определить приблизительно от 100 до 500 чел.»²⁶.

Любопытную характеристику дал А.Ф. Попов в своем очерке о холере известному деятелю и дипломату цинского Китая Гуй Ляну, о котором он писал:

«Одной из замечательных жертв, похищенных в Пекине холерой, был министр Гуй Лян, старейший из китайских министров, тесть князя Гуна [И Синя] и второй после него член Министерства иностранных дел [Цзунлиямэнь] – тот самый, который был первым уполномоченным [Китая] при заключении трактатов с четырьмя державами [в период англо-франко-китайской войны 1858–1860 гг.]. Отец его имел огромное семейство, и он был девятым по счету сыном. Почти все братья Гуй Ляна отличались талантами и службой, а пятый из них – И Лян был генерал-губернатором Кантона. Сам Гуй Лян, однако, не был из больших

ученых; он имел только первую ученую степень (сюцай) и начал свою службу столоначальником (юань-вай-лан) при Министерстве церемоний [Ли-бу], которую получил пожертвованием [денег] в пользу казны, и прослужил около 60 лет. Умер он на 79 году от роду. В приказе, изданном по случаю его смерти, император... возводит покойного в высшее государственное 2-го класса достоинство-тайфу (великого наставника) и предписывает выдать на похороны 100 лян серебра. Гроб Гуй Ляна будет оставаться в доме в течение 33 дней, из коих 27 дней назначено на отпевание его хэшанами [монахами], даосами и ламами (по 9 дней)»²⁷.

Уже одна эта рукопись А.Ф. Попова позволяет говорить о важном значении его творческого наследия, раскрывающего малоизвестные страницы истории китайского народа в период правления маньчжурской династии Цин (1644–1912 гг.), свергнутой в ходе Синьхайской революции 1911–1912 гг. сторонниками Республики.

Примечания

²⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. СПб. Главный архив II-12, оп. 52, 1863, д. 1, л. 48–49. Как видно из архивных данных, после отъезда из Пекина Александра Кульчицкого его обязанности по преподаванию русского языка в «Тунвэньгуане» с 16 февраля 1870 г. по 1 января 1871 г. выполнял член Российской дипломатической миссии Карл Вебер, впоследствии российский посланник в Корею. См.: АВПРИ, ф. СПб. Главный архив II-12, оп. 52, 1863, д. 1, л. 80.

²⁵ Государственный архив Российской Федерации, ф. 730, ед. хр. 3695, л. 16.

²⁶ Там же, л. 21.

²⁷ С согласия МИД на предложение министра народного просвещения Н.Д. Делянова (от 14 января 1884 г.) Гуй Жун был приглашен лектором – преподавать китайский язык и китайскую каллиграфию на факультете восточных языков С.-Петербургского университета сроком на два года (по 1 января 1886 г.) с окладом 1 000 руб. в год. См.: АВПРИ, ф. СПб. Главный архив II-12, 1884, д. 1, л. 1–2.

¹⁸ Российский государственный архив древних актов, ф. 1385, оп. 1, д. 1739, л. 1–8.

¹⁹ Дун Сюнь (1807–1892) – китайский сановник и дипломат, оставивший ряд трудов по исторической географии и несколько литературных произведений. Он – уроженец провинции Цзянсу. В 1861 г. его как помощника главы ведомства финансов (ху-бу) назначили членом только что созданного управления по иностранным делам – Цзунлиямэня, где он прослужил 20 лет. За год до кончины Дун Сюня, оставившего заметный след в истории и литературе цинского Китая, появилась хроника его жизни (нянь-пу), изданная его внуком.

²⁰ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив II-12, оп. 52, 1863, д. 1, с. 64–75.

²¹ АВПРИ, ф. Главный архив IV-2, 1868, д. 12, л. 18.

²² Там же, л. 6.

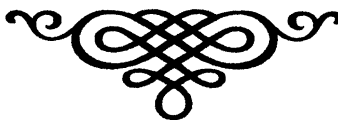
²³ Семенов П.П. История полувековой деятельности Русского географического общества: 1845–1895. СПб., 1896, л. 256.

²⁴ Российская государственная библиотека, ф. 218, картон 763, ед. хр. 24.

²⁵ АВПРИ, ф. Главный архив IV-2, 1868, д. 12, л. 9, 27.

²⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, оп. 4, л. 1, п. 115, л. 1.

²⁷ Там же, л. 9.

В.Г. Бухерт

ГЕНЕРАЛ СКОБЕЛЕВ ОБ АБДУРРАХМАНЕ АВТОБАЧИ

АБДУРАХМАНЪ-АВТОБАЧИ

Основы военной славы М.Д. Скобелева¹ закладывались в Туркестане. Участие в завоевательных туркестанских походах не сделало М.Д. Скобелева «ни деспотом, ни злодеем, ни грабителем»² и не уничтожило в нем одну из главных доблестей военного – готовность проявить великодушие к поверженному врагу. Таким врагом для русской армии в Кокандской компании 1875–1876 гг. был предводитель кокандских повстанцев Абдуррахман Автобачи³. Его добровольная сдача в плен означала, по существу, окончание довольно кровопролитных, по меркам туркестанских походов, военных действий. По повелению императора Александра II⁴, в знак благосклонности, Абдуррахман Автобачи был избавлен от наказания, но вместе с тем удален из Туркестана⁵. Другой же лидер Кокандского восстания – Пулат-хан (Мулла Исхак), зарезавший, в отместку за сдачу Абдуррахмана Автобачи, трех его братьев, сноху, а заодно и русских пленных, был пойман и, по приказу туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана⁶, повешен на месте совершения преступления, в Маргелане⁷.

О дальнейшей судьбе самого Абдуррахмана Автобачи, после высылки его из Туркестана, ничего не было известно. Из обнаруженных в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) документов следует, что Абдуррахман Автобачи был поселен в Екатеринославе.

21 декабря 1879 г. Абдуррахман Автобачи написал Скобелеву, напоминая данное генералом ранее обещание содействовать возвращению в Туркестан⁸. М.Д. Скобелев 25 января 1880 г. обратился с письмом к начальнику Главного штаба генералу Ф.Л. Гейдену⁹, в котором ходатайствовал о «возможном облегчении участи» Абдуррахмана Автобачи и в особенности «об успокоении его знаком царского внимания»¹⁰. Второй раз Абдуррахман Автобачи обратился к М.Д. Скобелеву 10 марта 1880 г., по случаю распространившихся, но так и не подтвердившихся слухов о назначении М.Д. Скобелева туркестанским генерал-губернатором¹¹.

Хотя вернуться в Туркестан Абдуррахману Автобачи разрешено не было, но, благодаря заступничеству М.Д. Скобелева, ему был присвоен (с 1 января 1881 г.) чин подполковника милиции¹², что было все же шагом по его реабилитации, до которой, впрочем, Абдуррахман Автобачи не дожил. Он умер в Екатеринославе 25 мая 1881 г.¹³, оставив жену Зулейху и малолетнюю дочь.

М.Д. Скобелев – Ф.Л. Гейдену

С.-П[етер]бург, Моховая улица,
д. Дивова.

25 января 1880 г. 5 ч[асов] по полуд[ни].

Милостивый государь граф Федор Логгинович.

Имею честь представить Вашему сиятельству письмо¹⁴ ко мне Абдуррахмана Автобачи (здесь и далее подчеркнуто автором письма. – В.Б.), бывшего предводителя воо-

руженного сопротивления кокандского народа – газа[в]ат 1875–1876 гг.

Личность Абдуррахмана Автобачи весьма замечательная, по своим качествам нельзя симпатичная и даже заслуживающая, в известном смысле, доверия; но по значению его в бывшем ханстве Кокандском, храбрости и боевому опыту должно признать Абдуррахмана Автобачи, при случае, опасным вождем мусульманского движения в том крае. Если бы ему удалось появиться в горах ферганского Тянь-Шаня, напр[имер] в долине Алая, то присутствие его, с враждебными нам намерениями, не осталось бы без, быть может, серьезных последствий в среде сравнительно воинственного кара-киргизского населения этой окраины и даже отчасти, быть может, в долине Ферганы.

Между тем Абдуррахман Автобачи много путешествовал; он был в России, Константинополе, Мекке; он решился на борьбу с русскими по возвращении из Мекки и Стамбула, под впечатлением там пережитого, где ему легко было даже войти в личные сношения с враждебными нам европейцами. Принимая во внимание, что Абдуррахман Автобачи сдался со своими [о]полченцами 22 января 1876 г.¹⁵ на милость Государя императора, которая ему и была обещана, что он, после изъявления покорности, послужил нам значительно своим влиянием в деле быстрого, бескровного умиротворения ханства Кокандского, наконец, что он держал себя относительно нас во время войны с крайним достоинством и без обычной азиатской жестокости, я беру на себя смелость как бывший начальник Наманганского действующего отряда ходатайствовать о возможном облегчении участи Абдуррахмана Автобачи и, в особенности, об успокоении его знаком царского внимания, что более всего может на него подействовать.

Во всяком случае смею доложить, что исчезновение Абдуррахмана в настоящую минуту, как то было недавно с Худояр-ханом¹⁶, могло бы иметь для спокойствия наших среднеазиатских владений невыгодные последствия¹⁷.

Имею честь быть Вашего сиятельства покорный слуга

М. Скобелев

РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 633. Л. 1–2. Автограф.

Примечания

¹ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник Наманганского отдела (1875–1876), военный губернатор Ферганской области (1876–1877), командир 4-го армейского корпуса (с 1878 г.).

² Масальский В.Н. Скобелев: Исторический портрет. М., 1998, с. 74.

³ Офтобачи – одна из должностей при ханском дворе, однако в русских источниках и литературе эта должность писалась как прозвище Абдуррахмана в версии «Автобачи».

⁴ Александр II (1818–1881) – российский император (с 1855 г.).

⁵ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906, т. II, с. 393.

⁶ Кауфман Константин Петрович (1818–1882) – инженер-генерал, генерал-адъютант, туркестанский генерал-губернатор (с 1867 г.), почетный член АН (с 1873 г.).

⁷ Терентьев М.А. Указ соч., т. II, с. 398.

⁸ РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 633. Л. 3–3об.

⁹ Гейден Федор Логгинович (1821–1900) – граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник Главного штаба (с 1866 г.), финляндский генерал-губернатор (1881–1897).

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 633. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 10 – 10 об.

¹² Там же. Л. 21 – 22 об. Милицией в России XIX в. называлась разновидность ополчения.

¹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 633. Л. 45.

¹⁴ Приложено письмо Абдуррахмана Автобачи от 21 декабря 1879 г.

¹⁵ По другим сведениям, Абдуррахман Автобачи и бывшие с ним (всего около 400 человек) сдались 24 января 1876 г. в кишлаке Гинду в 8 верстах от Андижана (См.: Терентьев М.А. Указ соч., т. II, с. 393).

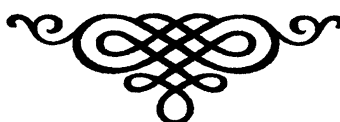
¹⁶ Худояр-хан (1835–1886) – правитель Кокандского ханства (1845–1875).

¹⁷ После свержения Худояр-хана, в результате Кокандского восстания, он был 8 сентября

1875 г. поселен в Оренбурге, откуда в ночь на 12 ноября 1877 г. скрылся в неизвестном направлении. Проживал в Афганистане, где и скончался,

был похоронен в Герате. (См.: *Диваев А.* Последние дни Худояр-хана // Туркестанские ведомости, 1916, 26 января / 8 февраля, № 20).

Д.А. Коркмасова

СУДЬБА ПЕРВОЙ ТУРЕЦКОЙ ГАЗЕТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ «СТАМБУЛЬСКИЕ НОВОСТИ»

Иллюстрированная еженедельная газета «Стамбульские новости» издавалась в Константинополе в 1909–1910 гг. и явилась первым образцом русскоязычной турецкой прессы. Возросший интерес в России к событиям в Османской империи после младотурецкой революции послужил причиной появления данного издания. Главной целью издатели считали взаимовыгодное развитие культурных и экономических связей между Россией и Турцией.

Газета издавалась только на русском языке и распространялась в Турции, России, Болгарии, ряде стран Западной Европы. Еженедельник получил благожелательные отзывы в западноевропейской и российской прессе. Тираж составлял 1000 экземпляров. Газета соответствовала формату журналов того времени – 16 страниц в каждом номере.

Непременным сопровождением каждого номера были многочисленные хорошо выполненные фотографии. Печаталась газета в Константинополе в первой и единственной русской типографии. Она выходила по пятницам с 23 октября 1909 г. по 4 июня 1910 г. – всего 33 номера.

В состав редакции входили известные турецкие политики и общественные деятели, представители русской и кавказской интеллигенции. Ответственным директором газеты был Ахмед Джевад¹, принадлежавший к младотурецким кругам, издатель ряда младотурецких газет. Главным редактором газеты был русский подданный Джалал Эд-Дин Коркмасов (1877–1937) – видный общественный, государственный и политический деятель России начала XX в.²

Тематику публикаций можно сгруппировать в несколько основных направлений, касающихся вопросов экономики, политической и общественной сфер; значительное место было отведено вопросам культуры. Материалы газеты отражают ее тесные контакты со многими известными турецкими журналистами, писателями, поэтами.

Политику этого независимого печатного органа определяли взгляды и предпочтения редакторов и авторов газеты. Ее содержание и цели на начальном этапе укладывались в рамки, касающиеся печати, определяемые турецкой и российской сторонами.

Высоко оценил роль газеты императорский посол в Константинополе гофмейстер Двора Его Величества Н.В. Чарыков³. В депеше от 31 октября 1909 г. на имя министра иностранных дел Российской империи А.П. Извольского⁴ говорилось: «На днях начала выходить в Константинополе первая русская газета – иллюстрированный еженедельник “Стамбульские новости”. За время

существования Турции это первая русская газета, возникшая в Константинополе. Выход ее является для нас несомненным успехом. Судя по первому номеру <...> газета преследует не столько политические, сколько культурные цели и предполагает главным образом знакомить читателей с развитием и направлением умственной, политической и общественной эволюции в Турции. <...> Газета возникла без всякого участия Посольства или Консульства в Константинополе, и только по выходу первого номера Коркмасов с позволения мне представился. Я считаю его частную инициативу в журнальном деле предпочтительной казенному почину и в данном случае думаю, что "Стамбульские новости" будут способствовать осуществлению нашей общей программы дружественного сближения с Турцией на почве культурных и экономических вопросов⁵.

В следующем письме на имя министра иностранных дел Российской империи от 21 ноября 1909 г. Н.В. Чарыков сообщал: «Проживающий в Константинополе русско-подданный Джелал Эд-дин Коркмасов обратился ко мне с просьбой предоставить господину министру внутренних дел свое ходатайство, при сем подлинник прилагаемое, о разрешении свободного доступа в Россию иллюстрированной еженедельной газеты "Стамбульские новости", издаваемой им здесь на русском языке. О появлении этой газеты я счел долгом упомянуть сочувственно в депеше от 31 октября за № 54, и вышедшие с тех пор номера, при сем равным образом прилагаемые, лишь подтвердили мое первое благоприятное впечатление. Газета эта, как заявляет сам ее издатель, умеренно-либеральная и совершенно не касается вопросов российской политики. В области политики внешней газета преследует цели, вполне согласованные с видами Императорского Министерства, стремится, главным образом, способствовать экономическому и культурному сближению Турции и России посредством ознакомления русской читающей публики с различными чертами быта современной Турции. За все время существования Турции это первая русская газета,

возникшая в Константинополе. Выход ее является для нас несомненным культурным успехом, и потому, смею думать, заслуживает с русской стороны просимой поддержки, путем разрешения подписки на нее в русских почтовых учреждениях, что имело бы большое значение для газеты»⁶.

Депеши посла повлекли за собой длительную переписку в российских чиновничьих кругах о предоставлении таможенной льготы на беспошлинный ввоз и открытие широкой подписки в почтовых учреждениях России, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы.

Согласно полученным депешам из Константинополя, министр иностранных дел А.П. Извольский направил премьер-министру и министру внутренних дел П.А. Столыпину донесение от 5 декабря 1909 г., в котором говорилось: «Препровождая у сего копию письма гофмейстера Чарыкова по сему вопросу от 21 ноября № 70, из коего письма Ваше Высокопревосходительство изволите усмотреть о желательности в видах экономического и культурного сближения России и Турции оказать поддержку названному журналу, и прошу Вас о заключении Вашем по настоящему делу почтить меня удовлетворением»⁷.

В ответ на это ходатайство в Министерство иностранных дел 28 января 1910 г. поступило письмо за подписью директора департамента государственного заказа Министерства финансов товарища министра финансов – тайного советника С.Ф. Вебера⁸. В письме он сообщил, что министр финансов «не признал возможным удовлетворить ходатайство проживающего в Константинополе русского подданного Джелал Эд-Дина Коркмасова»⁹.

Из письма от 23 февраля 1910 г. (№ 1317) товарища министра иностранных дел С.Д. Сазонова¹⁰ в адрес министра финансов В.Н. Коковцева: «Письмом от 8 января с. г. за № 154 тайный советник Агрипопуло обратился к Вашему Высокопревосходительству с просьбой разрешить беспошлинный ввоз в Россию издаваемой в Константинополе русским поданным Джелал

Эд-Дином Коркмасовым газеты на русском языке “Стамбульские новости”. В ответ на это тайный советник Вебер уведомил Министерство иностранных дел письмом от 28 января с. г. № 2909, что Вы не признали возможным удовлетворить ходатайство Коркмасова, т.к. не усматриваете оснований в освобождении упомянутого издания от оплаты установленной ввозной пошлины. <...> Я желал бы обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на то обстоятельство, что указанная газета является первой русской газетой в Константинополе, задача ее – ознакомление русской публики с различными сторонами быта современной Турции – несомненно немало способствовала экономическому и культурному сближению двух соседних государств <...> Принимая во внимание ограниченные средства редакции, казалось бы весьма желательно было бы оказать всемерную поддержку этому новому, высокостойкому органу отечественной печати с первых его выступлений в свет»¹¹.

Архивные материалы свидетельствуют, что газета произвела благоприятное впечатление на высокопоставленных дипломатов, которые вплоть до издания последнего номера отстаивали ее интересы. В апреле 1910 г. 1-й советник посла российского императорского посольства в Константинополе С.Д. Боткин направил письмо в адрес вице-директора 1-го департамента и заместителя министра иностранных дел А.А. Нератова: «...Николай Валерьевич [Чарыков] поручил мне в частном порядке просить тебя разъяснить нам следующее дело – отношением от 21.11.1909 г. за № 70 посол просил тов. министра поддержать перед премьер-министром ходатайство выходящих здесь “Стамбульских новостей” Коркмасова о “разрешении свободного доступа в Россию” этой газеты. Под свободным доступом посол подразумевал “разрешение приема подписки на нее в русских почтовых учреждениях”. Между тем мы получили на днях за подписью тайного советника К.Э. Аргиропуло № 2088 сообщение, что министр финансов не нашел возможным разрешить

“беспошлинный ввоз” в Россию газеты. Такой ответ не вносит ясность, и Николай Валерьевич хотел бы получить ответ, а именно, что значит отказ в “беспошлинном пропуске” со стороны министра финансов и было ли сделано сношение с министром внутренних дел и какой последовал от него ответ»¹².

Усилия российского посольства в Константинополе в отстаивании интересов газеты не принесли результатов. Положительного решения на беспошлинный ввоз в Россию газеты «Стамбульские новости» получено не было. К весне 1910 г. газета начала испытывать определенные трудности в финансировании. Архивные материалы раскрывают подробности обстоятельств в деятельности Министерства внутренних дел и департамента духовных дел иностранных исповеданий МИД, связанных с отказом в предоставлении беспошлинного ввоза и запретом распространения газеты в России. Учинив проверку на предмет ее издания на других языках, реакция полицейских чиновников явилась полной противоположностью отзывам в различных общественных кругах России и за ее пределами. Письмо № 661 от 24 июня 1910 г. на имя заместителя министра внутренних дел К.Э. Аргиропуло: «По имеющимся в департаменте духовных дел сведениям, издаваемая в Константинополе на русском языке газета “Стамбульские новости”, занимаясь освещением современной политической и общественной жизни Турции, дает преувеличенное понятие о могуществе Османской империи и ее культурном развитии и, будучи предназначена исключительно для русских мусульман, имеет целью вызвать среди мусульман интерес к новому направлению в Турции тяготеющих к ней и тем самым содействовать успешности паносманской пропаганды. Ввиду такого направления газеты гос. министр внутренних дел приказал изъять названное издание из обращения. Одновременно с сим мною сделано сношение с министром финансов на предмет отдания по таможенному ведомству распоряжения о недопущении ко ввозу в Россию и возвращение за границу почтовых

отправлений, в коих таможенными будет обнаружено вложение экземпляров означенной газеты»¹³. Тем самым российское посольство в Константинополе, как и сотрудники центрального аппарата МИД России во главе с его руководством, были поставлены перед фактом необходимости доведения до соответствующего сведения в Константинополе решения, возобладавшему в полицейских кругах России.

Логика этих опасений отражала отсталость российской государственности, что объясняет консерватизм и реакционность отдельных ведомств вроде полицейского, остерегавшегося влияния газеты на русских мусульман и распространения в их среде либеральных западноевропейских воззрений и учений, прошедших через опыт молодого турецкого государственного управления.

Этот запрет совпал по времени с событиями в Турции, когда в условиях формирующегося репрессивного курса младотурок демократическое направление в прессе попало в разряд оппозиционных. В этот период новой волны репрессий против печати был закрыт целый ряд изданий, в том числе и газета «Стамбульские новости». В последнем номере газеты по-прежнему публиковались условия подписки на следующие номера. Прекращение деятельности газеты было неожиданным для читателей и, вероятно, для издателей, которые, тем не менее, продолжали жить и работать на территории Османской империи.

В настоящее время доступны 33 номера газеты, начиная с первого номера от 23 октября 1909 г. до номера от 4 июня 1910 г. Коллекции этих номеров хранятся в Институте восточных рукописей в С.-Петербурге, в Государственной публичной исторической библиотеке России в Москве. Имеются также фотокопии в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в г. Махачкале.

Примечания

¹ Ахмед Джевад – сотрудник и издатель ряда младотурецких газет, в том числе главного органа комитета «Единение и прогресс» – газеты «Танин». Принимал активное участие в движении младотурок и младотурецкой революции.

² Подробнее о Д.А. Коркмасове см.: Джелал Эд-Дин Коркмасов. Выдающийся государственный и общественный деятель России и Дагестана // Материалы научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения. Махачкала, 2007. 240 с.

³ Чарыков Николай Валерьевич (1855–1930) – российский дипломат, в описываемый период занимал пост чрезвычайного и полномочного посла в Османской империи. До своего назначения на данный пост в 1909 г. состоял товарищем министра иностранных дел. В начале 1912 г. вернулся в Петербург и был назначен сенатором.

⁴ Извольский Александр Петрович (1856–1919) – российский дипломат и государственный деятель, в описываемый период – министр иностранных дел, гофмейстер, член Государственного Совета. С 1911 г. – чрезвычайный и полномочный посол во Франции, где в качестве такового и оставался вплоть до событий 1917 г. в России.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151, оп. 482, д. 3073, л. 43.

⁶ Там же. Ф. 149, оп. 502/2(б), д. 6891, л. 2.

⁷ Там же, л. 1.

⁸ С.Ф. Вебер с 1905 г. занимал пост директора департамента государственного заказа Министерства финансов. С 1909 г. – товарищ министра финансов. Тайный советник.

⁹ АВПРИ. Ф. 149, оп. 502/2(б), д. 6891, л. 6.

¹⁰ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – российский дипломат и государственный деятель. С мая 1909 г. по сентябрь 1910 г. – товарищ министра иностранных дел, в 1910–1916 гг. – министр иностранных дел.

¹¹ АВПРИ. Ф. 149, оп. 502/2(б), д. 6891, л. 7.

¹² Там же, л. 11.

¹³ Там же, л. 19.

О.И. Жигалина

РОССИЯ И КУРДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ИРАНА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Новые документы

К началу Первой мировой войны Россия обеспечила себе прочное политическое и экономическое положение в Иранском Курдистане. Российская политика там определялась с учетом позиции Германии и Турции. Эти государства хотели выдворить Россию из Северной Персии, чтобы создать там плацдарм для наступательной войны с ней с целью захвата Закавказья. Так же, как немцы и турки, а также англичане, российские политики и дипломаты в Курдистане опирались на поддержку курдских вождей, некоторые из которых, как например Исмаил-хан Симко, глава племени шеккаков, обращались в начале Первой мировой войны к царю за помощью в организации «курдского княжества» под протекторатом России. Однако в то время не эта проблема волновала российские военно-политические круги. Россия стремилась вытеснить турок из персидских пределов. Она всеми средствами старалась обеспечить себе прочные позиции в Западной Персии. Россия привлекала иранских курдов к охране персидско-турецкой границы, к учреждению там таможенных постов и к отражению набегов турецких курдов и солдат в округах, возвращенных Персии после турецкой оккупации.

Незаинтересованность России в поддержке идеи «независимого» Курдистана, укоренявшаяся в сознании курдов, в том числе и благодаря английской пропаганде, толкала их к поиску других союзников. Они быстро меняли свои политические приоритеты, переходя от одной воюющей стороны к другой. Более надежной опорой российской политики была ставка на сотрудничество с христианами (армянами и ассирийцами), перебравшимися из Хакяри (Османская империя) в иранские районы Урмии и Хоя.

В районе Хакяри жили большие общины несториан, признававшие над собой власть племен. В то же время они господствовали над местными «не племенными» курдами. Заручившись поддержкой России, христиане попытались противостоять угнетению и насилию со стороны вождей курдских племен. В возросшей активности христиан курды увидели угрозу для себя. Одновременно курдские шейхи использовали возможность упрочить свои позиции в единстве мусульман. Они стали активными борборниками панисламизма. Присутствие русских войск в Северной Персии рассматривалось в то время курдами как угроза их традиционным представлениям о собственной независимости. В связи с этим усилился процесс консолидации курдов северо-западной Персии на базе панисламизма.

Незадолго до начала Первой мировой войны русские дипломаты посещали главу ассирийских христиан Мар-Сергия. Они просили у него поддержки в случае войны с Турцией. Главная забота русского правительства заключалась в том, чтобы Курдистан не стал плацдармом для агрессивных действий Турции и ее возможных западных союзников против русских владений на Кавказе.

Ассирийцы якобы вынашивали замыслы создания независимого государства в Урмии и Салмасы. Однако сообщество местных мусульман (азербайджанцев в долинах и курдов в горах) с трудом воспринимало подобные планы. При этом Россия как будто согласилась создать автономию христиан в Урмии и Салмасы под своим протекторатом. Христиане, осознав, что имеют мощественную поддержку со стороны России, начали выступать против традиционного угнетения и насилия со стороны вождей курд-

ских племен, что послужило причиной напряженности и натянутости в отношениях между христианами и мусульманами.

В связи с этим вряд ли можно полностью согласиться с утверждением известного голландского курдоведа М. ван Брюинессена о том, что причинами трений и вражды в отношениях между христианами и мусульманами были тяжелое экономическое положение курдского и ассирийского населения, а также военные акции русских войск¹. Как видно из вышеизложенного, эта ситуация имела более серьезную и широкую, в том числе и военно-политическую, основу.

Сложные российско-курдские отношения в своих интересах попыталась использовать Турция. Летом 1914 г. турки установили контакт с видными курдскими вождями, пытаясь склонить их на свою сторону. В переписку с турецкими властями вступил и вождь конфедерации шеккаков Исмаил-хан Симко, который, как и некоторые другие вожди курдских племен Персии, предпринимал набеги на турецкую территорию, осложняя тем самым и без того непростые русско-турецкие отношения. Это вызвало ответные действия турецких курдов, активизировавшихся в сентябре 1914 г. вторжения в Западный Иран. Курдские отряды под руководством турецких и немецких инструкторов нападали на местных жителей и на русские подразделения, провоцируя их на ответные действия. Особенно широкого размаха беспорядки достигли в Урмийском крае, большинство населения которого составляли тогда армянские и ассирийские христиане.

Кроме того, на иранскую территорию стали проникать отряды турецких регулярных войск, действовавших совместно с курдами. В пограничной полосе появились странствующие дервиши, под видом которых в Персию проникали лазутчики. От имени главы Ванского вилайета и других представителей турецких властей они призывали курдов к священной войне – джихаду с неверными, обещая оружие при условии активной поддержки в грядущей войне с Россией.

Еще не вступившая в войну Турция рассчитывала использовать иранских курдов,

проживавших в пограничных округах Персии, и бывших фидаяев, мечтавших об освобождении родины от диктата России, для вытеснения русских войск с азербайджанской территории под зеленым знаменем джихада. Надеясь на быстрое овладение Урмийской провинцией, турки рассматривали ее как базу для дальнейшего наступления на север в направлении Хой – Дильман и через русскую Джульфу на Эривань.

Получив у турок патроны и винтовки, курды обстреливали русские пограничные посты и стали нападать на селения ассирийцев в округе Барадост. Это, в частности, противоречит утверждению М. ван Брюинессена о том, что иранские курды якобы не ответили на призыв о джихаде².

18 сентября 1914 г. курды напали на казачью сотню в Маване в округе Тергавер, где погибло 10 женщин и мужчин. Они разграбили и сожгли несколько селений, издевались над телами убитых русских казаков. Хотя русский отряд и старался избегать столкновений с турками, после этого нападения он стал обстреливать курдские деревни. В результате этого боя курдам удалось захватить несколько окрестных деревень. Однако подоспевший из Хоя 5-й Кавказский стрелковый полк, зайдя курдам в тыл, вынудил их к беспорядочному отступлению.

В начале октября российский вице-консул в Урмии П.П. Введенский сообщал в С.-Петербург: «Везде налицо результаты джихада. Христианские храмы, православные и католические, сожжены и обесчещены. Святые иконы изрублены. Все, что можно, похищено»³.

В войну со своими бывшими союзниками ассирийцами вступил и Симко, желавший расширить свои владения, в том числе захватить ряд горных районов Восточной Анатолии, а также подчинить большой район к западу и северо-западу от озера Урмия, окрестности городов Резайе, Салмас и Хой. Вооруженные курды совершали грабежи, набеги, убийства и жестокость под покровом и при полном содействии турок. Стараясь реализовать свои интересы любой ценой, Симко выступал то на стороне турок,

то на стороне России. Но русские весьма ценили его авторитет среди курдов и прощали ему предательское поведение. Они помнили его заслуги и помощь России, оказываемые им до начала войны. Так, например, российский вице-консул в Хое отмечал его «отлично-усердную службу... на пользу интересов Императорского правительства по охране вверенной его наблюдению границы»⁴. Поэтому Введенский продолжал покровительствовать ему.

Стремясь избежать самосуда местного населения над Симко, которому народная молва приписывала массу зверств и жестокостей, Введенский отправил его в распоряжение генерала Чернозубова в Хой, где курдский вождь добился охраны для себя и своей семьи. Опасаясь мести армян и ассирийцев, Симко боялся даже выйти на улицу. Поскольку стало известно и документально подтверждено, что Симко еще в начале апреля 1915 г. предпринимал новые попытки связаться с наступающими турецкими войсками, Чернозубов приказал выслать его в Тифлис. Там он жил на положении почетного пленника до осени, когда кавказский наместник Николай Николаевич решил вернуть его в Салмас «в призрачной надежде склонить на сторону России». Но как пишет историк В. Генис, «руки коварного вождя еще не раз обгаются кровью христиан...»⁵.

Однако М. ван Брюинессен выдвигает другую версию этих событий: он считает, что Симко якобы был захвачен русскими войсками и посажен в Тифлисскую тюрьму⁶.

П. Введенскому, однако, не удалось полностью предотвратить «естественный самосуд» над Симко. Армянские дружинники напали на принадлежавшее Симко селение, убили шестерых жителей и угнали скот, а голодные ассирийцы занимались грабежами, вызывая недовольство местных мусульман.

Еще остававшиеся в северо-западном Иране русские войска оказывали помощь христианам, отражая атаки курдов, а затем провели карательные экспедиции в курдских селениях, уничтожая местное население.

Армия старой России вела себя в Курдистане как оккупационная, оставляя за собой виселицы и разрушенные опустевшие селения⁷. Уже в 1917 г. разложение частей российской армии в Персии вызвало практически ничем не сдерживаемую волну дикого насилия в отношении курдского населения⁸. Становилось очевидным, что Россия теряет свои позиции в Персии. Командующий Экспедиционным корпусом генерал Баратов ожидал приказа о выводе войск из страны, а «зараженное большевизмом меньшинство, — писал российский консул в Керманшахе А.А. Черкасов, — вполне подчинило себе широкую массу солдат»⁹.

В феврале 1918 г. христианам все же удалось установить свой контроль над Урмией. Чтобы вернуть ее под юрисдикцию иранского правительства, губернатор Тебриза Махти Шамс вступил в контакт с Симко, предложив ему совместно разбить христианскую милицию. Однако Симко сам желал подчинить этот район себе и единолично властвовать там. Он намеревался вытеснить оттуда ассирийцев, начав с ними войну. Ассирийцы выступили под руководством авторитетного деятеля Ага Петрос Эллова. По словам Омер-хана, ближайшего соратника Исмаил-хана, курдо-ассирийская война была спровоцирована азербайджанскими ханами соседних с владениями Исмаил-хана областей — Урмии, Салмаса и Хоя, боявшихся, что Симко двинется со своими войсками на восток, в плодородные области приурмийской низменности.

Начав войну с ассирийцами, Исмаил-хан разбил войска Ага Петрос Эллова, который при содействии англичан скрылся в Ираке. Во время этой войны курды убили несторианского патриарха Мар-Шимуна Бениамина и разграбили его резиденцию.

Обострение ситуации пришлось на 1918 г., когда курды, подстрекаемые турками, уничтожили почти все христианское население этого края, не успевшее скрыться на российской территории. Эти действия не остались безнаказанными.

Хотя в курдском общественном мнении Симко представляется как национальный ге-

рой, на самом деле после вывода русских войск в 1918 г. из Северной Персии он превратился в «самодержца» захваченных им районов. В 1915–1918 гг., удачно маневрируя между воюющими сторонами, он занял господствующее положение в курдских районах северо-западного Ирана и прилегавших к ним районах Турции. Его борьба за независимый Курдистан в этот период не имела ничего общего с национальным движением. Отсутствие национального самосознания у курдов было одной из причин того, что многие его последователи покидали своего лидера, если видели, что его деятельность не отвечала их запросам. Курдский национализм также не был присущ и самому Симко, поскольку независимость Курдистана он связывал со своим личным благополучием и властью в регионе. Однако следует отметить, что Симко сумел создать на контролируемой им территории «независимый» Курдистан по английской модели.

В 1917 г. в связи с усилением в российском правительстве позиций кадетов (конституционных демократов) наметились изменения в российской внешней политике. П. Миллюков, министр иностранных дел того времени, полагал, что Россия могла победить в мировой войне и завоевать Константинополь. Поэтому было решено объединить курдов на Персидском фронте любой ценой и использовать их вооруженные силы для борьбы с Турцией. А «независимый» Курдистан на территории Ирана служил бы барьером на пути враждебной армии в сторону Кавказа и России.

Коррективы, внесенные Временным правительством в «курдскую политику» России, сводились к тому, чтобы нейтрализовать выступления курдов на стороне Тройственного союза путем разделения этнического Курдистана на отдельные государства под русским протекторатом¹⁰.

Однако эта политика провалилась из-за неспособности вождей курдских племен выработать единую точку зрения по этому вопросу, свержения Временного правительства в России и ряда других причин. Вскоре русские войска были выведены из Персии.

Начинался этап развития отношений курдов с Советской Россией. В Персии стали распространяться социал-демократические идеи, возникли оппозиционные политические организации левого толка, боровшиеся с проявлениями «феодалного национализма» вождей племен.

Таким образом, «курдская политика» старой России определялась заботой о защите южных пределов государства от возможных военных угроз как со стороны стран проживания курдов, так и их европейских союзников. Однако ее ставка на союз с христианами, обострявший курдо-христианские отношения, лишь усложняла ситуацию в северо-западной Персии. Присутствие российских войск на территории Иранского Курдистана не способствовало зарождению курдского национального движения и его развитию. Отряды воюющих государств вели себя на оккупационной территории как захватчики, не просто не считаясь с интересами курдского населения, но и всячески притесняя его (военные реквизиции, карательные экспедиции, аресты и казни мирных жителей).

«Курдские демократы» получали щедрую финансовую поддержку со стороны немцев и турок. Не сидели сложа руки и представители новых политических организаций. Так, тайный комитет «Возмездие» (комитет «Муджазат»), являвшийся террористической организацией, состоял из бывших членов социал-демократической организации «Иджтимаюн-е Амиюн». По его постановлению, в частности, в 1930 г. был убит Исмаил-хан Симко¹¹. Но племенная структура курдов не была разрушена. Основная масса курдов следовала за своими вождями и поэтому представляла довольно значительную политическую силу, которая из-за частых разногласий между главами племен оказывалась раздробленной.

Примечания

¹ Брюинессен, Мартин ван. Курдские племена и иранское государство // *Studia Kurdica*, Paris, June 1986 (на перс. яз.).

² Там же.

³ Цит. по: *Генис В.* Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.) // *Российская дипломатия в судьбах.* М., 2003. С. 31.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 194, оп. 5286, д. 71, 1913 г., л. 3 – 3 об.

⁵ *Генис В.* Указ. соч., с. 48.

⁶ *Брюинессен, Мартин ван.* Указ. соч.

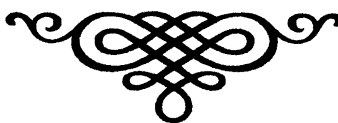
⁷ *Генис В.* Указ. соч., с. 349.

⁸ *Шкловский В.Б.* Северная Персия и наши войска // *Новая жизнь.* Пг., 09.03.1918, № 38.

⁹ АВПРИ, ф. 345, оп. 885, д. 33, 1917 г., л. 172.

¹⁰ *Жигалина О.И.* Курды иранской провинции. Курдистан накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 182–183.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации, ф. 5402, оп. 1, д. 510, л. 6.

К.С. Кудухов

КОМИНТЕРН И «БУХАРСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

В представленном документе отражена позиция руководства Организационного отдела Туркестанского бюро Коминтерна о социально-политическом и экономическом положении в Бухарской Советской Народной Республике (БСНР) в начале 1921 г. Во многих документах тех лет можно видеть особую значимость решений II конгресса Коминтерна, которые являлись ориентирами в работе для деятелей Коминтерна и Туркбюро, в частности. В этом документе также отражена данная тенденция тех лет. Но необходимо учитывать и тот факт, что сотрудники Коминтерна были обычными людьми, чья работа в большей своей части была связана с канцелярией и бумажной волокитой. Во многих документах мы можем видеть схожие идеи и даже полностью переписанные предложения и абзацы. Порой отдельно взятый отчет мало чем отличался от отправленного несколькими неделями или месяцами ранее доклада. Халтура в работе с документами не удивляет, но лишь затрудняет представление объективной общей картины происходивших социально-политических, экономических и других событий тех лет. По нескольким «новым», ранее не известным, предложениям, взятым из контекста, мы можем рассмотреть, хоть и субъективную, точку зрения отдельного человека.

В данном случае доклад заведующего организационным отделом Туркбюро Коминтерна П. Кутузова не исключение. Но в нем, тем не менее, четко прослеживается элемент «мониторинга» политической жизнью Бухары. Автор доклада затрагивает вопросы политической борьбы в БНСР, которая в целом пагубно сказывалась на внутреннем положении страны. Большое внимание уделено аграрному вопросу, что дает нам возможность выяснить истинное положение дел в этой области.

Ценность данного документа определяется также и довольно объективной крити-

кой положения дел в БСНР. Разумеется, необходимо учитывать идеологическую составляющую, что вносит значительную часть субъективности, однако содержание документа может быть полезным в дальнейших исследованиях по истории Гражданской войны в Средней Азии и политике Коминтерна в этом регионе.

Название документа, а также его стилистические особенности, включая заголовки с заглавных букв, сохранены в неизменном виде.

КОНСПЕКТ ДОКЛАДА О РЕВОЛЮЦИИ В БУХАРЕ П. КУТУЗОВА [1921 г.]¹ [не тезисы]

I. ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1. Положение Бухары дает возможность двум экспериментам:

а) опираясь на торговую буржуазию, эволюционно развернуть аграрную революцию, б) немедленно вызвать аграрную революцию.

2. На бухарской революции надо проверить постановку вопроса об аграрных революциях Востока на II конгрессе Коминтерна и съезде народов Востока в Баку.

3. Теперешний эксперимент: опора на торговую буржуазию и поскольку он себя оправдал.

II. РОЛЬ ТОРГОВОЙ БУРЖУАЗИИ И СТАРОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА В НАСТОЯЩИЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

1. ПРАВИТЕЛЬСТВО. Правительство посажено. Имея все признаки новой правительственной, хотя и коммунистической, династии (кумовства), оно в настоящий момент стремится создать себе классовую поддержку в среде торговой буржуазии бухарских городов. Борьба Мухетдиновых² и

Ходжаевых³. Характеристика членов правительства, их личная жизнь.

2. РАБОТА НАЗИРАТОВ⁴. Привлечение старого чиновничества. Атмосфера безделья во всех назиратах. Отсутствие разграничения функций. Привлечение к власти «пассивных элементов» буржуазии, нарастающее новое чиновничество.

3. Неправильная постановка о форме власти на местах (убогий состав Ревкома, отсутствие связи с центром и его буржуазная сущность).

4. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ. Отдельных отраслей промышленности и торговли. Частичные реквизиции. Тем не менее торговая буржуазия не тревожится, не удивляется, благоденствует на базарах, надеясь на правительство.

III. РОЛЬ ДЕКХАНСТВА В НАСТОЯЩИЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

1. ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ. Как в центре, так и на местах крестьянство не привлекается к власти. Медленность развития советских форм власти по периферии, сохранение аксакалов и ревкомиссия задерживают вовлечение декханства в революцию.

2. ПАССИВНОСТЬ ДЕКХАНСТВА. Находясь под историческим влиянием мулл, шариаатов, декханство по своей природе без энергичного воздействия обращено на пассивность и проявляет свои силы лишь в исключительных случаях.

3. НАСТРОЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ. Разверстка. Красная армия. Подводная повинность. Бесчинства ревкомов и милиции. Провокационная работа мулл и эмира в кишлаках. Декханство между революцией и эмиром. Случаи активного выступления декханства на стороне эмира. Экономические запросы кишлака: земля, вода, железо, мануфактура, керосин, спички. Деревня совсем мало знает о революции.

IV. АГРАРНЫЙ ВОПРОС В БУХРЕВОЛЮЦИИ

1. СУЩНОСТЬ АГРАРНОГО ВОПРОСА. Правительствонные земли (амляки) от

40–50% налог до 50% от урожая. Вакуфные⁵ земли 20–30% самые лучшие. Аренда. Муллам 40% налогу. Мильк и хераджи⁶ (20–40%), из них половина земель принадлежит баям. Торговый капитал не стремится концентрировать правительствонные земли (невыгодность), и лишь прокик и мильк (баи), и в вакуф переаренда и спекуляция. Отсутствие воды. Первобытные сельскохозяйственные орудия, малочисленность скота. Широки (артели).

2. ЕГО ТЕПЕРЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ. Декларативная отмена налогов и передача земли народу фактически не разрешили аграрного вопроса и не дали земли трудящимся. Вакуфный вопрос до сих пор не разрешен, байская земля сохранена. Все остальные земельные отношения между декханами сохранились. Например, секретная выплата податей за арендованные вакуфные земли. Отсутствие государственных мероприятий и разветвление аппарата назиров земледелия на местах. Незнание в Бухаре земельного вопроса на местах.

3. ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ АГРАРНОГО ВОПРОСА. Упущен момент собственно аграрной революции. Преступная бездеятельность в разрешении аграрного вопроса в законодательном порядке. Никчемное создание аграрной комиссии по инициативе Центрального комитета при Совназирова и фактическая затяжка этим разрешению аграрного вопроса в надежде на комиссию. Работа комиссии.

4. ОТНОШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА К АГРАРНОМУ ВОПРОСУ. Являясь буржуазным, правительство органически не способно разрешить не за страх, а за совесть аграрный вопрос и бессознательно как класс тормозит его разрешение.

5. ОТНОШЕНИЕ ДЕКХАН К АГРАРНОМУ ВОПРОСУ. Несмотря на всю заботливость, в крестьянстве уже проявляются признаки самочинного разрешения аграрного вопроса. Местные рамки признаков. Декханы надеялись, надеются и ждут разрешения аграрного вопроса законодательным путем. Аграрные отношения могут обостриться только к весне.

6. ОТНОШЕНИЕ ПАРТИИ К АГРАРНОМУ ВОПРОСУ. По ряду причин партия в Центре отошла от разрешения аграрного вопроса, а на местах оказалась не способной выявить его сущность и выдвинуть его на первое место. После создания аграрной комиссии партия продолжала бездействовать, и лишь вопрос о характере революции снова заставляет ее поставить в первую очередь аграрную проблему.

V. ПАРТИЯ БУХАРСКИХ КОММУНИСТОВ

1. СОСТАВ ПАРТИИ. Вначале партия, как (страховое общество) в городе. В деревне создание партии – признак стремления к общественности. После еще не оконченной перерегистрации от 30 000 членов осталось 15 000. В самом городе Бухаре от 10 000 осталось 2 600 членов. 50% бухкомпартии приходится на кишлаки.

2. РАБОТА ПАРТИИ. До сих пор в партии ни организационной, ни агитационной, ни просветительской работы не велось и не ведется сейчас. Отсутствие инструкций, плана работы в связи с местами. Мало внимания уделялось работе в деревне и среди членов партии.

3. СТАРЫЙ БУХЦЕКА И ХУСЕИНОВЩИНА. Старый Цека во главе с Хусеиновым⁷ являлся неработоспособным в государственном масштабе, но был связан со всеми старыми коммунистами и организациями города Бухары. Хусеиновщина есть вполне естественная исторически объяснимая психология красногвардейского демагогического периода партии на Востоке. (Потребительский коммунизм).

4. КРИЗИС В ПАРТИИ. Кризис выразился в том, что партия не справилась со своей внутренней работой, не разрешила государственных задач, не признавая правительство, она не в силах была его свергнуть, разбилась на группы старых коммунистов (наследие эмиграции) и новых. Оказалась необходимость внешнего вмешательства.

5. НОВЫЙ БУХЦЕКА. Неработоспособный, как и старый, новый Бухцека, не-

удачно составленный полномочным представительством (назначен Машуровым), не связан с партийной массой и пляшет под дудку Мухеддинова, самостоятельно разрешает вопросы второстепенной важности. В общем состав нового Цека, кроме товарища Арифова⁸ и тов. Хакимова⁹, бесцветен, безавторитетен и в правительстве и в массах.

6. НАСТРОЕНИЕ В ПАРТИИ. Хусеиновщина не изжита. Старые (коммунисты) – необходимая все-таки часть партии, питает злобу против посаженного Центрального Комитета. Верят в Коминтерн, как в последнюю инстанцию, но пришли в уныние, так как выезд из Бухары представительством им запрещен. Настроение нелегалщины. Заметна известная запуганность, ждут и требуют своего партсъезда. Энергии к работе нет, уровень политического развития убогий. Бессознательно блуждает в азах коммунизма. Великолепные демагоги.

VI. НАШЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

1. Наше представительство является в общем хозяином Бухары. Мухетдиновы, являясь по положению единственными конкурентами, по некоторым непроверенным сведениям ведут тайную агитацию в пользу семьи Мухетдиновых, против политики РСФСР. Правительство выполняет все постановления посольства и представителя Коминтерна. Но представительство само под влиянием Мухетдиновых.

2. Представительство неправильно отказывается давать Бухаре помощь русскими работниками. Усматривая в этом (колониаторство), что обесценивает его организационную работу. (Факт: большинство русских работников в Бухаре – элемент низшей пробы, и Политотделу Бухгруппы запрещена работа в Бухаре).

VII. БУХАРСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

1. (Красная армия) до сих пор в зачаточном состоянии, болтается без хозяина между РСФСР и Бухревкомом, поэтому совершенно не обмундирована и не обслуживает-

ся политически. Бухпур¹⁰ слаб и является очагом будущего басмачества и не может способствовать успеху агитации добровольному поступлению в армию.

2. Заметен тормоз со стороны правительства и РСФСР в организации Красной армии, что, тем не менее, дает возможность Мухетдинову в беседе всю вину сваливать на РСФСР.

VIII. ВОПРОС НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ

1. У власти таджики (городские), узбеки и евреи обойдены. Большой туркменский вопрос не разрешен. Таджик по-прежнему ненавидим туркменами. При формировании правительства не продемонстрировано интернациональное разрешение национальной политики.

2. Шииты демонстративно обойдены (15 000 человек в Бухаре, а всего 30 000), кем-то ведется агитация, натравливающая суннитов на шиитов. По непроверенным сведениям, противниками нормального разрешения национально-религиозного вопроса являются Мухитдиновы (сунниты и таджики).

IX. ВЫВОДЫ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ БУХАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Революции, естественно, еще не было. Революция только начинается в обстановке международной революции на Востоке, под воздействием РСФСР. Задача и характер каждой революции определяются не внешним видом затруднительного положения эмбрионального состояния революции, а более глубоким экономическим анализом страны (Бухары) и оценкой тех сил, которые от потенции переходят к кинетическому состоянию, которые таятся в недрах революции. Определение в этом смысле бухреволюции как буржуазно-демократической неправильно, ибо преимущественное вовлечение торговой буржуазии есть явление временное и вызвано совершенно искусственно. Соотношение сил,

неизбежно выдвигая аграрный вопрос, выдвинет скоро и новый класс к власти – декханство в союзе с городскими рабочими. Главная производительная сила в Бухаре – это декханство. В бухреволюции мы будем иметь самый типичный случай аграрно-крестьянской революции на Востоке. По существу разрешение аграрного вопроса в первый период крестьянской революции является мелкобуржуазным. Эта аграрная революция в обстановке воздействия мировой социальной революции и РСФСР при реальной поддержке (военной, организационной и экономической) передового Запада превращается в перманентный процесс непосредственного перехода к социалистическим (приблизительно) формам, минуя капитализм. И совершенно неверно определение бухреволюции даже в данный эмбриональный период как буржуазно-демократической революции в смысле представления некоторых товарищей в Бухаре, что в Бухаре может теперь на развалинах эмирского государства развиваться капиталистический строй на основах свободной конкуренции. Длительность эмбрионального периода и его формы наполовину зависят от РСФСР и наполовину от самой Бухары. Искусственное ограничение бухарской революции, до сих пор отличавшееся лишь периодом проникновения в среду торговой буржуазии, оказалось нецелесообразным из-за затруднений при определении программы минимум резолюции, и нелепая роль компартии, которая в таких условиях не может свободно развиваться, не имея свободы агитации. В то же время возможно искусственное ускорение темпа развития аграрной революции, что для союза с РСФСР будет более прочной и желательной. На Бухаре подтверждается правильность тезиса II Конгресса Коминтерна о том, что опасно поручать руководство аграрной революции торговой буржуазии, хотя и перекрасившейся в коммунистический цвет, ибо такое положение приводит к тормозу революции. Неправильен эксперимент заставить торговую буржуазию эволюционным путем (законодательным) не за страх,

а за совесть проводить аграрные реформы. Это мы можем сделать только с участием самого декханства, т.е. революционным путем. Не буржуазия развернет аграрную революцию, а декханство должно будет удерживать за революцией на буксире торговую буржуазию.

2. ОЦЕНКА ПРАВИТЕЛЬСТВА. Правительство подлежит реорганизации. Необходимо привлечение в него работников с мест и деревень. Во главе правительства не должны стоять ни Мухетдиновы, ни Ходжаевы. Состав правительства должен демонстрировать из себя интернационал (привлечение к правительству и туркмен и узбеков). Важно классовое положение руководителей. Пусть они сначала будут даже менее опытные настоящих, но дать им незаметных помощников из ответственных работников. Мухетдиновых и Ходжаевых надо использовать, но не в роли главных руководителей, только таким путем прекратится борьба групп за власть и династические замашки. Аграрный Назират продовольствия и просвещения должны находиться в руках трудящихся. Можно при них также [иметь] помощников. Бояться отказа Мухитдиновых; принять участие в работе на таких условиях, значит обнаружить истинную подкладку поведения Мухетдиновых, их борьбы за власть.

3. ОЦЕНКА ПАРТИИ. Нелепость положения Компартии при данной политике Представительства в Бухаре сейчас очевидна. Необходим всебухарский партийный съезд и выбор нового центрального комитета БКП. Председателем мог бы быть, например, тов. Акчуров¹¹ или тов. Арифов. Центральному Комитету должна принадлежать центральная роль и в революции правительства. В качестве незаметных работников дать двух дельных руководителей, русских партработников при ЦК и БК партии. Выработать ясную программу Бухкомпартии и устав, дабы иметь руководство для теоретической части агитации и пропаганды. Постепенно ввести БК партии как секцию в Коминтерн. Состав партии должен включать в деревне черикеров (пролетариат), мелкое декханство, ширик (артельщик)

и кустарей в городах (мардикеры), машкабы – водоносы, арбакеши (домашняя прислуга), кустари-ремесленники, подмастерья всех цехов, т.е. все элементы нынешнего профдвижения. Все репрессивные меры сейчас [работают] против партии при фактической поддержке Наркоминделов Мухетдиновых, преступной с точки зрения Коминтерна, и дискредитируют роль партии в населении, подрывая авторитет партии и Коминтерна на Востоке. До сих пор в Бухаре как бы существует Советская власть, внешняя форма, но без коммунистической формы – лучший путь для «просвещенного колонизаторства» РСФСР. Надо развивать, не боясь, классовую борьбу и аграрную революцию и в процессе этой борьбы сковать и оформить Бухкомпартию, привлекая в нее весь авангард населения (активный элемент декханства и трудящихся города).

4. ОЦЕНКА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА. Нынешнее представительство для Бухары, в этот первый трудный период революции, слабое. Представительство не должно стараться только приказывать, т.е. обезличивать работу Компартии, но должно идейно руководить при сочувствии самой партии и ее Центрального Комитета. Неправильно отказывать в помощи бухреволюции временно русскими работниками с интернациональной психологией. Неправильно и теперешний отказ политработникам. Смешон весь нынешний культ какой-то бухарской независимости и, даже больше, искусственное питание бухарского национализма. Допустима временная помощь русскими работниками. Это не колонизаторство, а братская поддержка трудящихся от имени III Интернационала. Всех сомнительных русских работников надо убрать из Бухары.

5. ОСТАЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ. Вытекают из предыдущего доклада и видны на месте.

а) Кратчайшие изучения аграрных отношений в Бухаре.

б) Создание аппарата аграрной революции на местах (отделы Назирата, земельные революционные комитеты в кишлаках) с правом разрешения аграрного вопроса на местах.

в) Более энергичное высвобождение декханства из-под религиозного влияния мулл.

г) Переорганизация Бухарской Красной Армии, создание на первый период привилегированного положения красноармейцев. Отряды Красной Армии на местах в помощь аграрной революции.

д) Реорганизация Бухпура, дав туда более сильных политработников, а главное большее количество для работы на местах.

е) Немедленное улучшение положения городских трудящихся государственным путем, а также принот всем обездоленным за счет торговой буржуазии, которой ущипнуть хвост.

ж) Создание революционной обстановки в городе Старая Бухара (открытие клубов, театров, красных чайхан, читален и т.д.).

Зав. Оргот[дела] Туркбюро Коминтерна
Кутузов

Инструктор Оргот[дел]а
Гольдберг¹²

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 544. Оп. 4. Д. 26. Л. 3–7. Машинописная копия.

Примечания

¹ В конце документа имеется примечание, датированное 1921 г. и написанное красным карандашом с подписью «П. Кутузов», следующего содержания: «Полученные дополнительные сведения о Бухаре (далее несколько слов не разборчиво. — К.К.) восстание, поведение эмира, конфликт с бухправительством и т.д. изменил свой взгляд в области тактических задач к большей определенности, о чем составляю еще доклад», датированное 1921 г. Биография П. Кутова не установлена.

² Мухитдинов (Мухеддинов) Мирза Абду-Кадыр (1892–1934) — один из лидеров младобухарцев. Из семьи купца-миллионера. С сентября 1920 г. председатель Всебухарского ревкома. С сентября 1921 г. — председатель Всебухарского ЦИК. 1921 г. — глава делегации БНСР в Москве

при подписании торгового договора. С 1923 г. — председатель Совета труда и зам. председателя Совета назиров БНСР. Позже занимал ключевые посты в руководстве Таджикской АССР. Одновременно в условиях НЭП продолжал семейный бизнес вместе со своим отцом.

³ Ходжаев Файзулла Убайдуллаевич (1896–1938) — участник Гражданской войны в Средней Азии, узбекский государственный и партийный деятель. С 1916 г. — участник младобухарского движения. 1917 г. — член ЦК младобухарской партии. С ноября 1918 г. — член Младобухарского комитета при ТуркЦИК. С августа 1920 г. — член бухарского ревкома. 1920–1924 гг. — председатель Совета народных комиссаров (назиров) и нарком иностранных дел БНСР, член ЦК Бухарской КП. С октября 1920 г. — одновременно наркомвоен и член Реввоен трибунала; член Туркбюро (Средазбюро) ЦК РКП(б). С 1922 г. — член РВС Бухарской группы войск, председатель СТО БНСР. С 1923 г. — командующий 1-й Бухарской Красной Армии. С 1924 г. — председатель СНК УзССР. 1925–1926 гг. — член РВС Туркфронта. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1965 г.

⁴ Государственное учреждение того или иного назначения (например, народный назират по военным делам), то же, что комиссариат.

⁵ Земли, в большинстве случаев, отдававшиеся в бессрочную аренду с правом наследования и возведения различных построек на данной земле. Арендатор нес повинности и отдавал часть дохода урожаем (до 50%).

⁶ Виды налогообложения в ряде мусульманских стран, взыскивались зачастую зерном.

⁷ Н. Хусаинов (Хусеинов) (? — ?) — председатель Центрального Комитета Бухарской коммунистической партии. После свержения эмирата настаивал на немедленном переходе к социалистическому этапу революции, вступив в разногласия с другими членами БКП.

⁸ Арифов, Абдул Хамид (? — ?) — начальник главной милиции и военный назир БНСР. Перешел на сторону басмачей.

⁹ Хакимов Керим Абдрауфович (1892–1938) — советский дипломат. 1920–1921 гг. — полпред в БНСР. 1921–1923 гг. — генконсул в Мешхеде и Реште (1923 г., Иран). До 1928 г. — дипломатический агент и генеральный консул в Хиджазе. 1929–1932 гг. — представитель Ближневосточного торг. СССР в Йемене. 1932–1935 гг. — слушатель Института красной профессуры. До 1937 г. — полпред в Саудовской Аравии.

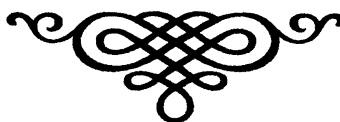
¹⁰ Бухарское политическое управление.

¹¹ Акчуров (? – ?) – один из лидеров левых коммунистов в Бухарской коммунистической партии.

¹² Гольдберг Николай Максимович (1891–1961) родился в Москве в еврейской купеческой семье (2-й гильдии). Окончил реальное училище, а затем уехал изучать филологию в Лозаннском университете. Через год перевелся в МГУ. В 1910–1911 гг. работал моряком: посетил Бразилию, Аргентину, Уругвай, Испанию, Ирландию, Англию, Францию. В 1911–1913 гг. учился на филфаке Гейдельбергского университета. В 1913 г. поступил в Петровскую (Тимирязевскую) сельскохозяйственную академию. 1914 г. – в Туркестане изучал хлопководство. В 1916–1918 гг. – рядовой вольноопределяющийся 52-й дивизии III Кавказского корпуса. 1918 г. – демобилизован и вернулся в Москву. Осенью 1918 г. поступил на службу в НКВД, где был переводчиком и техническим секретарем.

Май 1919 г. – сотрудник НКВД Украины: редактор секретных бюллетеней. В августе 1919 г. эвакуировался из Киева в Москву, откуда командирован в Уфу и Самару. По приказу М. Фрунзе отправлен в г. Ташкент в Отдел внешних сношений. Май 1920 г. – зам. уполномоченного НКВД в Закаспийской области. Июнь 1920 г. – служебная командировка в Иран. В конце 1920 г. перешел на работу в Туркбюро КИ: курировал компартии Бухары и Индии. Между М.Н. Роем и ним установились дружеские отношения. Июль – октябрь 1920 г. в ИККИ работал переводчиком. Октябрь 1920 – сентябрь 1922 гг. – один из руководящих сотрудников Туркбюро КИ: зав. Информационным отделом. 1922–1925 гг. – работал в Восточном отделе ИККИ.

Н.Л. Крылова

БИЗЕРТСКАЯ ОДИССЕЯ ЮНОГО МАТРОСА

Из архива А.А. Манштейн-Ширинской

2012 год – столетие со дня рождения Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской. Вот уж три года, как она покинула этот мир. Отшумели помпезные празднования дней рождения это маленькой, мужественной женщины, «последней из могикан» бизертской эпопеи 1920-х годов, на которые съезжались в Тунис крупные и не очень крупные чиновники от российской внешней политики и российской культуры, чтобы в торжественной, фанфарной обстановке отметить очередную дату...

«Sic transit gloria mundi». Первое 5 сентября после ее смерти прошло незаметно. Татьяна Ширинская, младшая дочь Анастасии Александровны, позвонив из Ниццы, с горечью сказала: «Об этом дне вспомнили и позвонили мне только два человека – Зинаида, врач из Украины, работавшая в Бизерте по контракту в 70-е годы, и Вы...».

Действительно ли библейское «все проходит»? Конечно, нет! Осталась надежная память близких – детей, внуков, правнуков, друзей семьи, учеников, и дальних – русских, французов, благодарных тунисцев. 27 декабря 2011 г. в тунисском городе Бизерта состоялась торжественная церемония присвоения одной из площадей имени Анастасии Ширинской. Именно на этой площади находится храм Александра Невского, построенный русскими моряками в 1938 г. Осталась книга ее воспоминаний о жизни русских изгнанников в Тунисе «Бизерта. Последняя стоянка», переизданием которой одновременно с подготовкой новой книги «Автографы Бизерты» занимаются сегодня Фонд исторического и культурного наследия имени А.А. Манштейн-Ширинской и Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. Наконец, остались документы, которые Анастасия Ширинская бережно хранила как живые свидетельства о героическом и драматическом Прошлом. Обращение к этим

документам – еще одна дань памяти этой достойной хранительницы истории бизертской эпопеи.

С одним из таких документов, дневником 19-летнего Александра Брута¹, Анастасия Александровна познакомила меня уже в первую нашу встречу, в сентябре 2006 г. В ее домашнем архиве он хранился в виде ветхой рукописи, с которой было чрезвычайно сложно работать. Позже, благодаря кропотливым усилиям П.И. Наumenko, одного из энтузиастов, изучающих историю Черноморской эскадры, текст был практически полностью восстановлен и помещен на электронный носитель.

Историю появления у нее этого документа сама Анастасия Александровна называла «необыкновенной». «Получила я из Америки, из Нью-Йорка, письмо, не очень чистого француза, который 30 лет прослужил в Лиге наций, там, в Нью-Йорке. И он моего возраста. Он мне пишет, что его мать была русская. Но он, кроме отдельных слов, не говорит по-русски. Его двоюродный брат, этот вот Брут, который давно скончался (он брат по матери), оставил ему этот дневник, который он хотел бы понять, но понять не может. И что тогда у него был там переводчик с русского, который умер, а новые не хотят переводить (но они, я думаю, не хотели копаться в рукописи, да еще в старой орфографии). Он, может быть, не знал всех, к кому можно было бы обратиться. Откуда он про меня узнал, я не помню. И он спрашивает, не знаю ли я кого-нибудь из переводчиков. Я написала, что мой сын может перевести, и он прислал вот этот текст-оригинал, который я потом ему отослала обратно, когда он был переведен на французский язык» (из интервью с А.А. Манштейн-Ширинской, сентябрь 2007 г., Бизерта, Тунис).

Довольно значительная по объему первая часть дневника посвящена аварии, а за-

тем и гибели транспорта «Император Петр Великий». И хотя записи велись не всегда ритмично, иногда с паузой в месяц, этот драматический эпизод начала третьего отступления с Перекопа внутрь Крыма, а также поход на Очаков летом 1920 г. подробно и последовательно выписаны автором. Ему удалось воспроизвести картину хаоса, метаний и неуклонных отступлений белого флота. Но в дневнике, тем не менее, нашлось место и бытовым зарисовкам, и упоминаниям о маленьких житейских радостях, которые автор описывает с неистребимым оптимизмом молодости и в которых так нуждается любая юность!

Но поскольку нашей задачей является рассказ Брута о его бизертской одиссее, мы лишь немного коснемся событий зимы 1919 – начала 1920 года.

Во второй части дневника А. Брут подробно описывает маршрут эвакуации, начиная с конца октября 1920 г. Однако помимо точных дат этого путешествия, названий стоянок и других элементов, характеризующих причастность автора к морскому делу (он был матросом на крейсере «Генерал Корнилов»), он удивительно точно воспроизводит атмосферу лихорадочной суеты, человеческой паники и страха, царившую в те дни в Севастополе.

«Тридцать первое октября. В городе суматоха, военные бегут как сумасшедшие в поисках транспорта, улицы запружены подводами, частная публика в растерянном виде, с лицами, выражающими ужас предстоящих дней царства большевиков. На рейде также суета, суда под самыми разнообразными флагами снуют из одной бухты в другую, с внешнего рейда во внутренний...

Первое ноября. С утра было замечено лихорадочное движение, не так в городе, как в складах порта и на некоторых еще грузившихся транспортах. В порту, прикрываясь эвакуацией казенного имущества, шел страшный грабеж, грабят все военные и штатские. Часам к двум стали поговаривать на северной стороне о красных разъездах, но к этому времени на внутреннем рейде остались только мы, французский броненосец

“Вальдек Руссо” и два американских миноносца. Во время ухода транспортов Врангель, провожая их, стоял на Приморском бульваре и уже в самую последнюю минуту прибыл к нам на борт, после чего мы выбрали якорь и вышли на внешний рейд».

На следующую ночь эскадра покинула Севастополь и к утру была у берегов Ялты, а двадцать восьмого декабря русские моряки «в пять часов вечера открыли самые северные берега Африки. Завтра должны быть в Бизерте».

«Двадцать девятое декабря. Сегодня с утра шли вдоль африканского берега и к 11 часам, взяв на внешнем рейде французского лоцмана, вошли в Бизерту. Городок не очень большой, но уютный и очень чистый. Первое, что бросилось нам в глаза – это пальмовая аллея, идущая на расстоянии одной версты. На рейде стояли все наши суда с флагами карантина, из иностранных нет никого, кроме “хозяев французов”, у которых стоит здесь дредноут “Франс”. Несмотря на декабрь месяц, температура доходит до 28 и больше. На днях командующий эскадрой² уехал в Париж, где решится наша судьба. Назад не приехал».

Повествование о бизертско-тунисском периоде скитаний молодого Брута занимает основную часть его дневника и посвящено рассказу о первых днях собственной жизни и жизни русских моряков в Африке и описанию следующего, 1922 года жизни русской колонии в Бизерте и Тунисе.

Но сначала был знаменитый, описанный в книге Анастасии Ширинской карантин³.

«1921 год. Четырнадцатого февраля. Снялись с бочки и пошли в озеро для дезинфекции. В 11 часов дня пришел “Георгий Победоносец”, без трубы и марс реи, сбитых штормом во время похода из Галлиполи в Бизерту. На борту броненосца есть убитые.

Пятнадцатого февраля. Поехали на берег в дезинфекцию музыканты духового оркестра.

Шестнадцатого февраля. Поехала первая группа и балалаечный оркестр.

Семнадцатого февраля. В половине девятого утра поехала вторая группа, в кото-

рую попал и я. Подошел французский буксир к борту. Взял к себе на борт нашу команду и пошел на берег. На берегу нас встретил наш оркестр, группы французских матросов, арабов и вольной публики. Построились в колонну. Под музыку пошли в госпиталь. Придя в госпиталь, отправились в баню. В бане разделись, отдали свою одежду в дезинфекцию и пошли мыться. Мылись зеленым мылом. По выходе из бани французский матрос-санитар смазывал каким-то раствором все волосяные места. После всей этой церемонии выдали верхнее больничное белье, распределили по баракам. В 12 часов подали обед; все в микроскопической порции: суп из зелени, макароны с мясом и вино. В пять часов вечера дали ужин: мясо с чечевицей и вино. На обед и ужин выдали 350 грамм белого хлеба. В промежуток времени между 2 и 5 часами был концерт духового и балалаечного оркестров, на котором присутствовал весь французский штат госпиталя со своими семьями и больные. Все остались очень концертом довольны. В три часа дня нам выдали из камеры свое платье. Сразу после ужина построились опять колонной и пошли на пристань... Нас провожала большая толпа арабов с криками: "Русский... русский хорошо". В то время, когда отвалил катер, заиграла музыка, обменялись с отдыхающей публикой приветствиями. В 6 часов 10 минут мы были уже на крейсере. После бани, придя в барак, была привита оспа, три рубчика на левом предплечье. С шестнадцатого начали окуривать кубрики крейсера.

Восемнадцатого февраля. Окончилась дезинфекция».

А через три дня карантинный флаг был спущен и началась подготовка документов, разрешающих спуск на берег.

«Семнадцатое марта. День моего ангела... Встал в семь часов утра, помылся, выпил кофе и пошел на уборку палубы. После уборки до обеда не работал, а приводил в порядок выходной костюм. Вычистил френч, брюки, ботинки. Сходил в баню, переменял белье. После обеда пошел в город. Приехал на берег, купил полкило шоколаду,

газету "Общее дело" и пошел в садик, сел на скамейку, отдохнул от трудов праведных. К вечеру пошел в "Ма Нуар". Посидев полтора часа, пошел гулять, в шесть часов пошел в "Круассан", посидел там до половины девятого. Пошел на пристань, чтобы поехать на корабль. В общем, день моих именин обошелся мне в 32 франка.

Двадцать пятого апреля. Разнесся слух по эскадре, что через две недели флот отправляют в Совдепию. Не желая ехать в Совдепию, я стал искать себе место на берегу и в тот же день нашел себе место на одной ферме, недалеко от Туниса на станции "Micheand". Пошли мы туда числом 40 человек. В это число входил и духовой оркестр.

Двадцать седьмого. В пять часов встали и в шесть часов пошли работать на поле, рвать лен. Лен не полотый, рвать его мука страшная. Только сейчас понял, как труден заработок. Пришли вечером с работы, поужинали, у нас были свои коки, и все завалились спать как убитые, так как от усталости болят все части тела. На другой день устали не меньше и решили, что скажем своим детям, если таковые будут, чтобы никогда не ходили рвать лен ни при каких обстоятельствах...».

Работа А. Брута на ферме «Gavotte» продолжалась очень недолго. Но и поиски другого занятия оказались проблематичными. Однако, как пишет А.А. Манштейн-Ширинская, «мы жили в таких повседневных заботах, что для бесплодных сожалений не было места»⁴.

«Шестое мая. Решил бросить работу и поехать в Тунис, искать [другую] работу. Нашел себе компаньона А.Я....⁵ Встал в шесть утра. Взял некоторые вещи для продажи и пошел на базар, в город Матер. Продал вещей на 68 франков, а мой приятель, с которым я еду, на 52 франка. В общем у нас было 150 франков, и мы решили попытаться счастья в Тунисе. Пришли из Матера, уложили вещи, попрощались и пошли на станцию <...>, в 4 часа 40 минут тронулись в путь. В 4 часа 55 минут приехали на станцию <...> сделали пересадку на другой по-

езд и поехали в Тунис. Приехали в Тунис. Город незнакомый, не знаем, куда идти. Вещи оставили на вокзале. Нашли ночевку за 1 франк 25 сантимов в каком-то подвале. В подвале было много русских. Подвал сырой и темный.

Девятого. Проснулся в 7 часов утра. Грудь и нос заложило. В общем, простудился здорово. Выпили кофе и пошли по городу. Ходили, ходили, пришли вечером и ничего не нашли, кроме предложений полевой работы. На полевые работы решили не идти. В 10 часов вечера пошли на вокзал, взяли вещи и отнесли их туда, где ночуем.

Десятого. Нашли старого знакомого из России кап[итана] Юшапова, он открывает столовую и предложил нам столовую разрисовать. Дает 25 франков и пять дней харча. Обед и ужин из четырех блюд, с вином, чаем. Мы отказались и стали искать другое место.

Одиннадцатого мая. Пошли предложить свои услуги по садоводству. Приехали в парк "Бельведер". Там ничего не вышло. Тогда пошли по семенным и цветочным магазинам. Одного директора, так называемого в магазине, так растрогали, что он нам дал 25 франков и обещал найти хорошее место. Как ни хорошо это обещание, но мы все-таки пошли искать место. Зашли в комиссионный магазин, мест нет.

Двенадцатого мая. Зашли опять в Русский комиссионный магазин и получили приглашение к одному буржую в качестве повара и уборщика комнат. Я схватился за место. В тот же вечер попер на трамвае к предложителю... Предложитель сказал, что ответ даст завтра письмом в комиссионный магазин».

Новая жизнь в Тунисе началась с раннего подъема. Очень выразительны прочерки, фиксирующие однообразие жизни Александра Брута, обслуживавшего французскую буржуазную семью.

«Четырнадцатого мая встал в шесть часов, умылся, пошел исполнять свои дела. Открыл кухню, меня встретил на кухне сам патрон. Он готовил кофе. Наш патрон имеет какую-то контору и в шесть часов утра он

уже уходит в контору. Попил и я кофе. Наконец, встала моя мадам и сказала, что мне делать. Сначала убрать ванну, парадную лестницу и саму парадную, по окончании этой работы пошел готовить обед. Приготовил обед. Хозяева остались довольны. После обеда помыл посуду и пошел к себе в комнату отдыхать.

Пятнадцатого мая. Ездил со своей хозяйкой верхом за город. И так прошел второй день моей службы французскому хозяину.

Шестнадцатого мая. Хозяйка наняла баню, русскую, говорящую хорошо по-французски. Чтобы не терять время, вечером пошел я с Баной, звали ее Варвара Павловна, она из Севастополя, в парк "Бельведер". Луна светила всю, тут-то была "поэзия". Вернулись в два часа ночи. Сегодня хозяйка поблагодарила меня за чистоту, которую я навел на кухне.

Семнадцатого мая. Хозяйка предложила мне постирать. Я категорически отказался. Комната моя оказалась сырая. Сильно простудился, болит грудь.

Восемнадцатого мая. Предложил хозяйке дать мне другую комнату. Сказала, что посоветуется с мужем. Не знаю, что у меня выйдет. Должно быть скоро прогонит. Сегодня получил благодарность за обед, был он хорош!

Девятнадцатого мая. Все по-старому.

Двадцатого мая. -----

Двадцать первое мая. -----

Двадцать второе мая. Воскресенье.

Двадцать третье мая. -----

Двадцать четвертого мая. Работал до обеда. После обеда поругался с хозяйкой и отказался от места. В тот же вечер получил расчет. За десять дней 100 франков».

И снова поиски работы. И снова трогательные откровения юноши, горькие воспоминания о доме, слезы... Снова прочерки пустых, незапоминающихся дней. И снова расчет...

«Тридцатого мая. Целый день шатался по городу в поисках работы. Под вечер нашел работу в одном французском доме. Завтра иду уже работать.

Тридцать первое мая. Работа ничего, не трудная. Отношение со стороны хозяев хорошее.

Первого июня. Дня через два уеду в Кародин на все лето (предместье Карфагена).

Третье июня. Утром сложили некоторые вещи и поехали на дачу. Я поехал на подводе с вещами, это в 15 километрах от Туниса. Дача прекрасная! На берегу моря, много зелени, цветов, воздуха! Вечером, окончив работу, какая бывает при переезде, стало что-то горько, что даже заплакал.

Пятое июня. Погода хорошая. Сегодня первый раз купался. Работы умножилось. Остальное все хорошо.

Шестое июня...

Седьмого июня. Шел сильный дождь.

Восьмого. Проснулся и чувствую, что у меня руки набухли и горят. Я присмотрелся. Оказалось, укусы какого-то животного – насекомого.

Десятое июня. Что-то сильно болит голова и знобит. Вечером слег в постель. Дала мне хозяйка принять что-то и читала мне.

Одиннадцатое июня. Голова болит, но пришлось встать и работать. После обеда, когда пошел отдохнуть, почему-то так стало тяжело на сердце, что даже прослезился. Вспомнилось: дом... Лиля, Вера и много других мгновений, как я вернусь, кого застану дома. А много меня еще ожидает впереди. Да!....

Двенадцатого. Ездил в город. Немного покутил, в девять часов вечера вернулся домой.

Тринадцатого. Был в городе, купил кое-что: два галстука, два воротничка, три запонки, две пары кальсон и к ним подвязки и зубную пасту. Все обошлось в сорок франков. Все покупал хорошее, прочное, несмотря на цену. А что там даром бросать деньги.

Четырнадцатое июня. День хороший. Работы мало. Купался. У хозяев была шумная семейная драма.

Семнадцатого июня. Немного поругался с хозяйкой из-за какого-то пустяка. Ну, ничего, завтра думаю поехать в Тунис купить ботинки и сходить в баню.

Восемнадцатое июня. После обеда поехал в Тунис. Был в ванне, помылся, пошел покупать ботинки. Но, к сожалению, все магазины были закрыты, так как был какой-то итальянский праздник.

Девятнадцатое июня. Воскресенье. После обеда поехал в город и вернулся в семь часов вечера. Приехал сказать хозяйке, что заканчиваю работать у них в доме. Получил расчет и в тот же вечер поехал в Тунис с вещами».

В конечном итоге Брут вернулся к прежней, знакомой работе на корабле. В дневнике появились новые хроники, страшные в своей бесконечной, почти бездушной обреченности и одновременно – сухая, эмоционально отстраненная фиксация обыденной повседневности: самоубийство сверстника и меню очередного обеда; забастовки кочегаров и возвращение главнокомандующего; ловля крыс на кораблях как успешный бизнес, русские женщины в публичных домах Бизерты. И еще бубонная чума на эскадре...

«Двадцать первого июня... Приехал на крейсер, встретили очень радушно...»

Двадцать шестое июня. Воскресенье. Я просил старшего офицера, чтобы он устроил меня в какую-нибудь специальную вакансию. Часов в 11 дня приходит вахтенный и говорит, что к старшему офицеру. Пришел, у старшего офицера сидит старший инженер-механик, и предложил он мне в машинисты. Я согласился.

Двадцать седьмого в два часа дня был на объяснении машины, а в четыре часа встал самостоятельно на вахту и простоял до восьми часов вечера.

Двадцать девятое. Страшно болит левая рука в предплечье, наверное, вывихнул. Вообще здоровье как-то надломилось, как стал работать в машине. Думаю отстоять еще одну вахту и пойти к старшему офицеру отказать. Не знаю, что из этого выйдет...

Тридцатого. Встал в семь часов утра. Свернул койку и сразу пошел купаться. Выкупался в море и сел пить чай. После чая пошел к доктору попросить о переводе в палуб-

ную роту, так как на палубе жарко, а в машине еще жарче. Вдобавок со вчерашнего дня начал дуть раскаленный ветер “сирокко”, температура на солнце 57, в тени 38. Доктор Бологовской в два счета устроил это дело.

Первого июля. Наши кочегары забастовали, отказались работать, освещение прекратилось, машина остановилась. Вообще все встало. Котлы ведь сердце корабля!

Второе июля. На эскадре бубонная чума. На транспорте “Кронштадт” три смертных случая от чумы и еще восемнадцать больных. “Кронштадт” сразу изолировали, отвели в озеро и поставили в карантин...

Девятого. Разнесся слух по эскадре о скором возвращении командующего Русской эскадрой вице-адмирала Кедрова.

Десятого. В 6 часов 17 минут застрелился матрос нашей роты Николай Луц. 19 лет. Оставил письмо: в смерти просит никого не винить, что до этого довела его жизнь. Просит прощения у всех, в особенности у хозяина револьвера, что он его обманул, известить всех родных и знакомых. В 11 часов была прививка бубонной чумы в левую лопатку выше к плечу.

Тринадцатого июля. В 7 часов 45 минут прибыл командующий Русской эскадрой вице-адмирал Кедров из Тулона на французском фрегате. При входе на корабль командующий поцеловался с начальником штаба и с командиром крейсера. После всей церемонии пошел в свои покои откусать. В 10 часов был смотр. После смотра командующий поехал к префекту... Ходят слухи, что французы забирают “Кронштадт”.

Семнадцатого июля. С шести часов утра начали готовиться к осмотру корабля. В десять часов был осмотр командующим Русской эскадрой вице-адмиралом Кедровым, капитаном первого ранга Дмитриевым и многими другими. Пришел на Бизертский рейд транспорт Доб[ровольного] флота “Дон”. Сегодня был обед из четырех блюд:

борщ из свежей капусты, помидоров, картошки, мяса;
рис с мясом;
пирог с мясом;
кофе с молоком.

Восемнадцатого. Встал в девять часов утра, а в пять часов вечера начинается угольная погрузка. Грузить будем авралом. Всего угля 80 000 пудов. В половине одиннадцатого была панихида по Николаю фон Луц[у]...

Двадцать первого. Ездил в город. Ничего новенького нет. Сегодня в два часа командующий Русской эскадрой уезжает в Тунис, а оттуда в Париж. Пожил на эскадре, пора и домой! Хорошенького понемногу. Перед отъездом сказал речь.

Двадцать третье июля. Сегодня нестерпимая жара. На солнце 64, а в тени – 48. В полдень было больше.

Двадцать пятое июля. Дожились! Русские женщины стали появляться в публичных домах Бизерты.

Двадцать восьмое июля. С сегодняшнего дня на корабле началась ловля крыс. Расставили 38 крысоловок. За каждую пойманную без крысоловки крысу командир дает 25 сантимов, а в конце месяца кто всех больше поймает крыс за месяц, получит премию в 10 франков. Хорошее дело! Можно много заработать!..

Седьмое августа. Воскресенье. Был в городе. Потратил последние пять франков, случайным образом уцелевшие. В первый раз арбуз и виноград из Африки. Суда постепенно ходят в док. 10 августа, наверное, и мы пойдем...

Двенадцатое. Сегодня у нас на крейсере была свадьба дочери к[онтр]-а[дмирала] Тихменёва. Ей всего шестнадцать с половиной лет, за флаг-офицера лейтенанта А. Геринга.

Двадцатого. В семь часов вечера была панихида (40 дней) по Луцу...

Третьего сентября. Справлял день своего рождения, так как корабль не может идти в док. Съехал на берег в четыре часа дня, пошел на базар, купил инжиру и пошел дальше в ... истратил там 3 франка 30 сантимов и пошел выпить, купил сардинок за 6 франков 50 сантимов и хлеб за 1 франк 10 сантимов, выпил один литр вина, встретил друзей... Истратили все деньги и пошли шататься по городу. Зашли в “Американский

бар”, выпили там пять литров вина со льдом и пошли дальше. Гуляли, гуляли и решили опять выпить. Выпили четыре литра вина и решили как-нибудь добраться до корабля. Очередной катер ушел в восемь часов вечера. Тогда наняли рыбацью шлюпку и пошли на корабль. Приехал в три часа ночи и, вдобавок, нетрезвый.

Пятого сентября. В два часа дня пришли французские буксиры, взяли крейсер на буксир и потащили в озеро. В озере поставили на бочку. Вечером играл на шканцах духовой оркестр...».

Для многих эмигрантов в Тунисе последний стал перевалочным пунктом их изгнаннического маршрута. Не был исключением и Александр Брут, довольно скоро начавший подготовку к отъезду из этой африканской страны на европейский континент. Его рассказы обо всех этапах и перипетиях подготовки к получению польского паспорта затейливо переплетаются с хрониками эскадренной и собственной жизни, создавая пеструю картину первых лет истории русской морской колонии в Африке.

«Четырнадцатое сентября. Сегодня написал польскому консулу прошение о выдаче мне польского заграничного паспорта как польскому гражданину... Помогите мне, Бог, получить его! Вот бы я начал свое путешествие.

Девятнадцатое сентября. Много приходило в Бизерту русских транспортов, но все под французским флагом. Но сегодня в семь часов вечера пришел русский транспорт “Херсон” под русским флагом, как приятно было посмотреть. Да! Жизнь вдали от Родины научила нас быть патриотами.

Двадцать второго. Был в городе и видел русского, он служит на английском транспорте боцманом уже 30 лет, который восемь дней как из России. Он был в Николаеве и Одессе. Говорит: “То, что я видел в Николаеве, я никогда в своей жизни не забуду”. Ходил к зубодержке и запломбировал верхний левый резец...

Двадцать шестое сентября. Сегодня получил ответ от польского консула и опросный лист для получения паспорта.

Двадцать седьмое сентября. Заполнил опросный лист. Ездил в город, снялся, шесть штук стоят пять франков, потому что три карточки нужно послать консулу...

Третьего. Послал консулу опросный лист, три фотографические карточки и 25 франков. Помогите мне, Боже, получить паспорт!..

Двенадцатое октября. До сегодняшнего дня ничего не делали. После обеда нам объявили, что мы должны сегодня съехать с корабля в Надор. Сходил в последний раз в баню, собрал вещи, попрощался и съехал с корабля... В лагере явились коменданту, комендантом оказался полковник Терлецкий, старый знакомый, после чего нас поместили в барак В-8...

Восемнадцатого. Получил от польского консула письмо, в котором он оповещает меня, что послал запрос в Лодзь о моей принадлежности к полякам, после чего мне будет выслан паспорт.

Девятнадцатого. Нам объявили, что послезавтра все русские пойдут в Надор. Слава Богу, кончается наше мучение и голодовка!

Двадцатого. Вышли на работу, но французский офицер сказал, что все русские сейчас пойдут в Надор, так как прибудут арабы-новобранцы. Быстро сложили вещи и поехали в Надор. В Надоре попал в старый барак В-8. Вечером получил 200 грамм сахара...

Тридцать первого. После обеда пошел в город, в комиссию помощи русским беженцам на севере Африки, где подал прошение о выдаче мне 35 франков якобы для визы. Сказали, что в среду можно придти за результатом.

Второе ноября. Был в бараке С-2, выкурил три папиросы из английского табаку “Кежтанг” и чуть-чуть не упал в обморок. Какая слабость. Да, жизнь!

Третьего. ...получил пособие в 35 франков. В 2 часа дня зашел в “Севиль бюро” и спросил, могу ли я получить паспорт на проезд в Марсель, якобы польский поданный, мне ответили, что принесите две фотографические карточки и 30 франков и

тогда вы получите паспорт. В комиссии у меня взяли всякие расписки, что я там должен возвратить взятую сумму... Ну Бог с ним. Может быть, получу от консула, тогда уеду...

Десятого. Второй день идет проливной дождь, сменяемый ветром. К вечеру выпал град величиной с куриное яйцо. Вот тебе и Африка!

Тринадцатое ноября. Был первый спектакль в Надоре. Шел "Фауст", второе и третье действие и второе действие из "Аиды" прошло хорошо.

Шестнадцатое ноября. Идет дождь. Скука страшная! Нет возможности жить на этом свете.

Семнадцатое ноября. Прошел дождь. Подсохло, и я пошел с компанией собирать грибы – масленки. Собрали порядочное количество, пришли домой, поджарили и съели.

Восемнадцатого. Послал П.К. (польскому консулу. – *Н.К.*) письмо, в котором я прошу его ответить как можно скорее, могу ли я надеяться получить паспорт или нет?

Девятнадцатое ноября. Страшно болят глаза. Ходил в госпиталь. Доктор болезни глаз не назвал, но сказал: "Хорошо, что вовремя спохватились, а то могло быть хуже". Сейчас хожу каждый день в амбулаторию на прижигание верхней и нижней веки (внутренней стороны) ляписом...

Двадцать четвертое ноября. Опять был танцевальный вечер, на котором совсем разочаровался в своей жизни.

Двадцать пятого. Французское правительство издало указ, что все русские от 16 до 60 лет, мужчины и женщины, в 45-дневный срок должны найти работу, так как после 45 дней кончается кормежка. Освобождаются дети до 16 лет, женщины в положении, старики от 60 лет (обоих полов). Конеч! Посмотрим, что будет дальше. Хорошего ждать нечего.

Двадцать седьмого. Записался в список рабочих на постройку мола в Бизерте. Работа восемь часов по 10 франков. Пока не знаю, выйдет ли это дело или нет. Было бы хорошо, если бы вышло.

Двадцать девятое ноября. Нанялся грузить уголь по 10 франков за семь часов работы. Проработал один день и больше не могу, очень болит грудь.

Третьего декабря. Была танцулька, на которой очень сильно простудился. Два дня провалялся в постели...

Девятого декабря. Из лагеря начали немного брать публику и отправлять на работы.

Одиннадцатого. Было открытие зимнего театра, шло: "Хирургия" Чехова, "Четверо" и "Самоубийца" Аверченко. Спектакль прошел хорошо. После спектакля были танцы, летучая почта и разные призы.

Двенадцатое декабря. Иду в барак В-6 назначать людей на работу и вдруг мне говорят: "Вам письмо". Смотрю – от П.К. (польского консула – *Н.К.*), открываю письмо, и в письме паспорт. Ура! Ура! Ура! Да здравствует век авантюры. Теперь остановка за деньгами. Будут деньги, и А.С. Брут уехал! Слава Богу, что он мне помог его получить...

Девятнадцатое декабря. В пятницу шестнадцатого декабря было заседание флагманов и командиров в штабе, на котором начальник штаба заявил: "Господа, не удивляйтесь, если нам прикажут поднять красный флаг на судах эскадры". После Тихменева говорил капитан второго ранга Федяевский, командир "Алексеева". "Я старый солдат, исполнял и исполню все приказания, но такого приказания не исполню. И кто попробует поднять такой флаг на моем корабле, того собственноручно расстреляю!..".».

Дневник Александра Брута завершается его отплытием из Туниса в конце 1921 г. и несколькими фрагментарными записями о первых месяцах жизни во Франции. Как сложилась его дальнейшая жизнь в эмиграции и судьба, установить не удалось.

Примечания

¹ На титуле рукописи имя автора дневника обозначено как Алексей, но на самом деле его

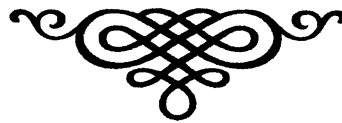
звали Александр. На этом настаивала Анастасия Александровна, собственноручно исправившая имя.

² Кедров Михаил Александрович (прим. Н.И. Науменко).

³ *Ширинская А.* Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. С. 181–183.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ Отточием обозначены места с пропусками автора либо слова, которые не удалось разобрать (прим. П.И. Науменко)

В.В. Беляков

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ ЕГИПТА

В тех странах, где российская диаспора была и остается значительной, неизменно возникает русскоязычная печать. В послереволюционные времена она была наиболее многочисленна в таких центрах русской эмиграции, как Париж, Берлин, Харбин. Но и в тех странах, где число русских было невелико, интеллектуальная потребность подталкивала их на создание собственных печатных изданий.

К последним странам относится Египет. Весной 1920 г. туда прибыли около 4350 русских беженцев¹. Их разместили в особых лагерях. Именно там возникли первые в Египте периодические издания на русском языке.

С июля 1921 г. в «русском лагере» в Сиди Бишр в окрестностях Александрии начал выходить ежемесячный журнал «На чужбине». Его издавало Русское культурно-просветительное общество, объединившее часть беженцев. Первые 6 номеров журнала (всего их было выпущено, по-видимому, не более 12, поскольку в июне 1922 г. лагерь был ликвидирован) вышли тиражом 718 экземпляров². Один экземпляр первого номера журнала отправили бывшему российскому посланнику А.А. Смирнову. «При издании журнала Правлению пришлось преодолеть многие трудности, как материального, так и технического характера, – говорилось в сопроводительном письме. – Но в дальнейшем Правление надеется, что при дружной поддержке всех русских ему удастся преодолеть указанные трудности и журнал будет издаваться в более изящном виде и более богатым по содержанию»³.

Журнал печатал познавательные материалы, статьи о Египте, новости лагерной жизни. Так, в октябрьском номере за 1921 г. были помещены статьи «Новейшие течения в науке права», «Задачи социальной гигиены в связи с войной», «Портрет англичанина» Андре Моруа в переводе с французского, «Политическая дезорганизация в Евро-

пе», «Почему так кровава русская революция». Ряд статей были посвящены стране пребывания – Египту⁴. Регулярно публиковались в журнале стихи беженцев. Нельзя не согласиться с содержащимся в отчете Русского культурно-просветительного общества за 1921 г. утверждением о том, что «в условиях беженского существования издание журнала в Египте являлось героическим делом»⁵.

В Сиди Бишр была сделана попытка издавать журнал и для детей. Его назвали «Маленький писатель». Из отчета общества известно, что в 1921 г. был выпущен один номер этого журнала, состоявший из 12 страниц текста и 5 рисунков. Тираж – 50 экземпляров⁶. Выходил ли журнал и в следующем году, неизвестно. Его экземпляры не обнаружены.

Среди многочисленных общественных организаций, возникших в «русском лагере» в Сиди Бишр, был и так называемый Украинский гурток. В 1920–1921 гг. его члены выпустили 10 номеров журнала «На руинах», каждый номер в 5–6 экземплярах, однако из-за недостатка средств издание пришлось прекратить⁷. Номера журнала не обнаружены, неясно, на каком языке он издавался – на русском или на украинском.

Еще одна общественная организация, Союз русских студентов в Александрии, выпустила в начале 1922 г. первый номер собственного журнала под названием «Орион»⁸. Не исключено, что этот номер был и единственным: как уже отмечалось, в июне того же года лагерь в Сиди Бишр был ликвидирован.

Параллельно с лагерем в Сиди Бишр в Египте существовал в течение двух лет еще один «русский лагерь», под Исмаилией. В нем размещались кадеты Донского корпуса. В лагере издавался ежемесячный рукописный журнал «Донец на чужбине», форматом А4 и объемом 18–24 страницы. Редактировали его кадеты-старшеклассники – сначала

В. Алимов, а затем И. Егоров. В отличие от журнала «На чужбине», в этом издании не было ни познавательных материалов, ни хроники жизни лагеря – только литературное творчество самих кадет. Рассказы и стихи сопровождалась рисунками – и воспоминаниями о России, и изображениями окрестностей лагеря. «Вторая половина журнала не заполнена рисунками ввиду того, что не хватило литографских чернил», – объяснил редактор на последней странице № 7 журнала. А на том же месте в № 3 содержится такое примечание: «Гг. читающих наш журнал просим с ним обращаться аккуратнее и по прочтении в палатках у себя не задерживать, а передавать дальше»⁹.

С ликвидацией лагерей беженцев русская печать надолго исчезла из Египта, поскольку в последующие годы русская община была невелика и проживала некомпактно. Исключение составило лишь одно специализированное издание.

В 1930-е годы полковник Алексей Яковлевич фон Бретцель (24.2.1884, Петербург – 5.8.1940, Александрия) издавал в Александрии журнал «Измайловская старина. Материалы к истории лейб-гвардии Измайловского полка». Всего вышли 30 номеров. Поначалу Бретцель выпускал их 3–4 раза в год объемом 50–60 страниц, затем стал выпускать ежегодно, но уже объемом около 200 страниц, а иногда и более. Тираж журнала составлял всего 15–20 экземпляров и в основном рассылался по списку бывшим сослуживцам издателя. В журнале печатались статьи по истории Измайловского полка и биографии его офицеров. Готовил материалы частично сам Бретцель, частично – его бывшие сослуживцы, осевшие в Лондоне, Праге, Белграде и других местах. Алексей Яковлевич не только редактировал эти материалы, но и сам набирал их на пишущей машинке. О том, каких трудов это стоило в условиях Александрии, говорит следующее примечание редактора в № 7 журнала: «В настоящей тетради, равно и в нескольких будущих, читатели заметят сходство твердого и мягкого знаков. Происходит это от неисправности машинки и неимения запасного

твердого знака в здешних магазинах. Прибытие нового твердого знака из Америки ожидается»¹⁰.

Русская печать возродилась в Египте лишь в XXI веке, в результате формирования в этой стране новой российской диаспоры¹¹. Первенцем стала газета «Комсомольская правда в Египте» – коммерческое издание, рассчитанное как на местную диаспору, так и на туристов. Газета выходит с 2004 г. Ее издатель – московский бизнесмен Юрий Щегольников. Готовится газета в Москве, печатается в Каире. Содержание представляет собой комбинацию статей из «материнского» издания и материалов, подготовленных внештатными корреспондентами газеты в самом Египте. Выходит «КП в Египте» по воскресеньям раз в две недели, формат – А3, объем – 24–32 полосы. Финансируется за счет рекламы, главным образом недвижимости, распространяется бесплатно в гостиницах, кафе, ресторанах, магазинах Хургады и Шарм-эль-Шейха, рассылается в российские учреждения в Каире и Александрии¹².

С началом мирового финансового кризиса «КП в Египте» стала испытывать трудности. Тираж упал с 10 до 2–3 тысяч экземпляров, сайт закрылся. На самочувствии газеты негативно сказалось и появление конкурента: с октября 2009 г. начала выходить газета «Московский комсомолец в Египте».

«МК в Египте» создана по образцу своего конкурента. Ее издатель – живущий в Хургаде российский бизнесмен Максим Шевель. Газета также является коммерческим изданием, рассчитанным как на туристов, так и на российскую диаспору и тоже финансируется за счет рекламы, в основном недвижимости. Содержание – комбинация статей из «материнского» издания и материалов, подготовленных внештатными корреспондентами газеты в Египте. Готовится газета в Москве, печатается в Каире. Выходит по воскресеньям раз в две недели. И формат, и объем совпадают с «КП», распространяется «МК в Египте» тоже бесплатно, преимущественно в гостиницах, кафе, ресторанах и магазинах Хургады и Шарм-эль-Шейха, но рассылается не только в россий-

ские учреждения Каира и Александрии, но также и в посольства Украины, Белоруссии и Казахстана. Заявленный тираж – 20 тыс. экземпляров, однако после революционных событий в Египте 2011 г., когда число туристов заметно сократилось, а экономические проблемы углубились, тираж снизился¹³.

В отличие от «КП в Египте», у «МК в Египте» полноценный сайт: www.mkegypt.net. На нем размещаются материалы не только самой газеты, но и текущая информация о Египте, включая сообщения о событиях в российской диаспоре и о деятельности Российских центров науки и культуры в Каире и Александрии.

Реклама недвижимости, за счет которой в основном и финансируются обе газеты, рассчитана главным образом на туристов из России. Тем не менее эти печатные издания играют важную роль в заполнении информационного вакуума, существующего у русской общины. Дело в том, что современная русская община состоит преимущественно из женщин, вышедших замуж за египтян и живущих в курортных городах. Благодаря российским спутниковым телеканалам они могут следить за событиями на родине. А вот получить информацию о Египте, его культуре, религии, традициях, отношениях с Россией из этого источника невозможно. Из-за недостатка языкового образования большинству женщин недоступна местная пресса, причем не только на арабском языке, но даже на английском и на французском. Не имеют они и страноведческой подготовки. Тем важнее роль двух русскоязычных газет. У них сформировался коллектив внештатных авторов из старожилов Египта, рассказывающих на страницах газет о египетских традициях и культуре. Чрезвычайно полезны также консультации юристов, а также консулов России, Украины, Белоруссии, Казахстана. Тем самым газеты играют важную роль не только в консолидации собственно русской общины, но и в просвещении всех русскоговорящих резидентов Египта.

В 2008 г. Координационный совет русских соотечественников в Египте начал из-

давать ежеквартальный журнал «Русский Египет». В журнале 48 полос в цвете, мелованная бумага. Тираж не указан, но очевидно, что он невелик. Посвящен журнал главным образом жизни соотечественников, деятельности созданных ими разнообразных общественных организаций и клубов. Его подзаголовок – «Журнал для соотечественников о соотечественниках». Но публикуются и познавательные материалы, в том числе и о Египте. Так, в № 2 «Русского Египта» (апрель – июнь 2008 г.) опубликованы материалы, посвященные Дню победы, Международному дню защиты детей, дню рождения А.С. Пушкина. Страноведческая часть представлена блоком материалов об Александрии и возрождении ее знаменитой библиотеки¹⁴. Распространение бесплатное. К сожалению, как сообщили автору статьи в представительстве Россотрудничества в Египте, с 2010 г. журнал не выпускается «в связи с организационными и материальными проблемами»¹⁵.

Еще один выходящий в Египте журнал, «Njoy», рассчитан в основном на туристов. Он двуязычный (каждый номер на русском и английском языках), издается российской компанией «Enjoy for advertising & propaganda» ежеквартально с 2009 г. в полном цвете на 88 полосах, финансируется за счет рекламы. Заявленный тираж – 20 тыс. экземпляров. Так, в № 5(8) за 2010 г. опубликованы материалы о Древнем Египте и архитектуре времен исламской династии фатимидов, о балете «Египетские ночи», о путешествии в Мерса-Алам, о рыбалке на Красном море. В номере также можно найти египетские кулинарные рецепты, адреса ресторанов и баров в Шарм-эль-Шейхе и Хургаде и немало мелкой познавательной информации¹⁶. После революции в Египте 25 января 2011 г., когда поток иностранных туристов схлынул, издание журнала было приостановлено. Всего было выпущено 9 номеров¹⁷.

Словом, ни российские туристы, ни местная русскоязычная община не обойдены вниманием отечественных издателей. Благодаря им русские, находящиеся в Египте, могут получить и чисто туристическую инфор-

мацию, и пополнить свои знания о культуре и традициях этой страны. Хотя после революции 2011 г. в Египте число туристов из России сократилось, а рост русской общины затормозился, перспективы дальнейшего развития русско-египетских гуманитарных связей, а с ними и русскоязычных изданий, представляются стабильными.

Примечания

¹ Беляков В.В. «К берегам священным Нила...». Русские в Египте. М., 2003, с. 138.

² На чужбине. Сиди-Бишр. Январь 1922, с. 2. Номер хранится в архиве автора, основные его материалы опубликованы в журнале «Восточный архив», № 13, 2005, с. 86–97; № 14–15, 2006, с. 113–121. Электронная версия этого номера журнала «На чужбине» хранится также в библиотеке Дома русского зарубежья в Москве.

³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 317, оп. 820/3, д. 196, л. 87.

⁴ На чужбине. Сиди-Бишр. Октябрь 1921. Данный номер журнала хранится в зале русского зарубежья Российской государственной библиотеки в Москве.

⁵ На чужбине. Сиди-Бишр. Январь 1922, с. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Недзельский, Евгений. Мемуары лагерей // Африка глазами эмигрантов. М., 2002, с. 122.

⁹ № 3, 4, 6 и 7 журнала «Донец на чужбине» хранятся в библиотеке Государственного архива Российской Федерации в Москве.

¹⁰ Комплект журнала «Измайловская старина», кроме № 17 и 29, хранится в архиве Российского международного фонда культуры в Москве.

¹¹ О современной российской диаспоре в Египте см.: Беляков В.В. Туризм и межкультурное взаимодействие // Азия и Африка сегодня, 2007, № 9.

¹² Автор хорошо знаком с этой газетой, поскольку сотрудничал с ней в 2005–2009 гг.

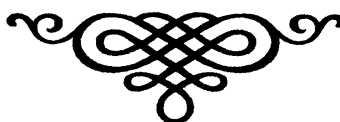
¹³ Автор сотрудничает с этой газетой с ее первого номера.

¹⁴ Русский Египет. Каир. Апрель/май/июнь/2008. № 2. Номер хранится в архиве автора.

¹⁵ Архив автора. Папка «Русские в Египте-10». Письмо представительства Россотрудничества в Египте от 27.02.2012.

¹⁶ Njoy, Каир. № 5(8), 2010. Номер хранится в архиве автора.

¹⁷ www.njoy.travel, обращение 27.02.2012.

С.Ч. Лим

ИСТОЧНИКИ ОБ ИСТОРИИ БОРЬБЫ АЙНСКОГО НАРОДА В ЯПОНИИ

Ранний период истории айнского народа очень скупо отражен в письменных источниках. Сама история древней Японии оставила мало документальных свидетельств. Древние предки современных айнов, как считает большинство историков и этнографов, населяли почти полностью основной остров Японского архипелага – Хонсю. Постепенно в течение столетий ожесточенной борьбы они вытеснялись на север японцами со стороны острова Кюсю. На основе современных японских исследований об айнских географических названиях можно утверждать, что южным пределом их распространения являлись районы от Сэндая до префектуры Ямагата и Акита (северо-восток острова Хонсю)¹. Известный айновед Эмори Сусуму в своей последней работе, опираясь на результаты современных археологических исследований, пишет, что древние айны, являвшиеся носителями культуры *сацумон*², в период с VII–VIII вв. и до XII–XIII вв. населяли территорию на севере Тохоку (северо-восток о. Хонсю), Хоккайдо, а также, по мнению некоторых ученых, проживали на Кунашире, Итуруп и юге Сахалина³.

Жизнь сахалинских айнов в древности, то есть до того, как появились первые сведения о них в ходе торговых операций японцев с эдзоскими айнами, примерно в XIII в., японские историки изучали по старым китайским хроникам (Genshi – 1370 г., Keiseidaitei – 1331 г.).

Только к концу IX столетия, как считается, удалось установить номинальный контроль японского государства над севером Хонсю – У-сю, Муцу и Дэва⁴. «Покорение и интеграция *эмиси* протекали со значительными осложнениями: *эмиси* не восприняли рисоводство и весь связанный с ним культурный комплекс. Кроме того, *эмиси* были решительно настроены на защиту своей независимости и весьма неплохо экипированы в военном отношении. Они обладали конни-

цей и даже собственным железоделательным производством»⁵. В литературном источнике, повествующем об истории знаменитого храма Сэнсуй, имеется красочное изображение художником Мицунобу Тоса битвы Тамурамаро Саканоуэ (758–811) с восставшими айнами на севере страны в 801 г.⁶ Но еще долго айны оставались грозной силой, серьезным противником японского государства. «Постепенно активная военная деятельность по покорению севера Хонсю пошла на убыль, что отчетливо проявилось после отмены в 805 г. очередной экспедиции. Двор Ямато фактически оставил попытки насильственной интеграции севера...»⁷.

Самые первые записи о северных аборигенах обнаружены в *Кондзяку моногатари* примерно 1077–1113 гг. (поэтическая антология «Сказания о прошлом и настоящем»)⁸. В ранней японской литературе центральная и северная части острова Хонсю назывались «страной волосатых людей» – *модзин но кун*. Кроме того, часто в литературе использовались и другие названия – *эмиси* или *эбису*, позднее *эдзо* (в эпоху Хэйан), что означало «варвары». Все они обозначались одинаковыми иероглифами⁹.

Территорию проживания северных аборигенов называли *Эдзо-ми* – «землей варваров», часто включая в нее не только нынешний Хоккайдо, но и Карафуто, позднее и Курильские острова. Название Эдзо долгое время (до 1869 г.) оставалось за нынешним островом Хоккайдо¹⁰.

Интересное объяснение происхождения слова *эдзо* привел в 1907 г. Сиратори К., специалист по китайским древним запискам, из краткого сборника записи «О нравах и обычаях Эдзо» (свиток 7): «Каи – наименование земли, где они живут, эти люди носят длинные бороды и в пищу употребляют креветок, которых ловят на Эдзо и в других местах, и когда эти дикари после богатого

улова собираются вместе на празднование, они танцуют, покачивая бедрами и хлопая в ладоши, как креветки. Как мне думается, этот ритуал мало изменился с давних пор. Видя это, можно считать, что иероглифы, которыми обозначались дикари, происходят главным образом от оригинальности танца, а посему название их страны и стало сокращенно писаться от знака “эби” (рак, омар) и “эдзо” (дикарь); то есть “дикари, похожие на креветку”¹¹. Анализируя другой китайский источник «Синь Тан Шу», Сиратори К. заключает, что «старое название айнов – *кай* – при переводе иероглифов Эдзо впервые было использовано не японцами, а китайцами эпохи Тан, посетившими Сахалин тех времен. Когда по китайским традициям интерпретировались на китайское звучание зарубежные названия, то выбирали такие иероглифы, которые более или менее не только подходили по звучанию, но и по значению и смыслу. Например, *куе* переводили двумя знаками (один из которых, а именно первый – “ужасные дикари”), *Laer-kuie* – переводили *Нипи*, иероглифами, являющимися фонетическими корнями значений “ху” и “ну” (слуга, раб)». Если продолжить перечислять старые названия айнов, начиная от *Куе*, то можно заметить закономерность: у гиляков их звали *куги* (*kughi*), тунгусы именовали их *куе* (*kuie*), китайцы – *куе*, *кухэ*, *куйё*; ительмены, т.е. аборигены полуострова Камчатка, именовали их *куси* (*kusi*)¹².

С. Эмори тоже приводит почти такие же китайские названия айнов, но не дает таких объяснений, как у К. Сиратори: в «Истории эпохи Юань» 1264 г. записано – *gu-wei*, в «Канонах государственного управления» – *gu-wei*, *ku-wu*, *ku-yu*, *ku-ye*, а амурские аборигены называли их – *куги*, *куй*¹³.

Есть и другое название. Так, в 1916 г. в школьный учебник истории было включено древнее предание о «*Ямато такэру но микото*» («Сказание о богатыре Ямато»), который отправился завоевывать племя *кумасо*, располагавшееся на юге острова Кюсю и на востоке страны, в Эдзо¹⁴. В «Анналах Японии» (*Нихон сёки*, 720 г.) рассказывается о

нападении государя Сэйму на племя *кумасо*: «Усмирение *кумасо*¹⁵ и поход на Кюсю. В день Хиното-но тори 12-го месяца, когда новолуние пришлось на день Мидзуното-но ми, государь замыслил напасть на племя *Кумасо*. И вот, рек он повеление сановникам: “Слышал я, что в стране Со есть двое – Атукая и Сакая. Оба они – предводители *кумасо*. Соплеменников у них бесчисленное множество, и зовут их *Кумасо-но ясо-такэру* – Восемь Десятков Молодцов *Кумасо*. Под их копье лучше не попадаться, так я слышал. Малым числом воинов этого врага не сломишь, если же созвать много воинов, то ста родам (народу) это будет во вред. Надо как-то попытаться усмирить эту страну, без помощи копья и меча”, – так рек»¹⁶. То есть имеются предположения, что и *кумасо* тоже относится к вышеназванной группе названий.

Кикүти И. отмечает, что в Токугавский период (1613–1868 гг.) названия *айны* и *эдзо* были синонимами. В исторической литературе название *айно* или *айну* появляется во второй половине XVIII в. как самоназвание этнической группы. Как мы уже выше упоминали, в древней Японии иероглифы *эдзо* могли читаться и как *эмиси*. *Эмиси* на языке аборигенов означало мужское имя или «смелый мужчина». Но с учетом местных произношений называли это же слово *эбису*, что означает «яростная, отчаянная группа народа». Может быть, и *эмиси* было самонаванием аборигенов, старавшихся идентифицировать свое отличие от японцев, пришедших на острова Японского архипелага намного позже их, предполагает Кикүти И.¹⁷

В середине XII в. чтение иероглифа *эмиси* или *эбису* меняется на *эдзо* (они также записывались фонетическими знаками хирагана – *эдзо*¹⁸). Кикүти И. указывает на политическую подоплеку данной трансформации, а именно на то, что в тот период начинается продвижение японцев на север – в район Цугару в Тохоку (северо-восток о. Хонсю) и Хоккайдо, где появляются первые их поселения.

Таким образом, уже примерно с VIII столетия известны свидетельства того, что

японцы вели ожесточенные войны против *эмиси*, постепенно вытесняя их с их земель.

Для более успешной борьбы с воинственными аборигенами японцы решили пойти по классическому пути колонизаторов – разделяй и властвуй. Японское правительство проводило политику интенсивной ассимиляции айнов Тохоку, начиная с верхушки айнских племен. Там их стали называть *фушу* или *ифу*, что означало «ояпонившиеся айны»¹⁹. Некоторые могущественные представители *фушу* вступали в брак с аристократами Киото, но их резиденции располагались в Тохоку как опорные пункты в борьбе с северными соседями – *эдзо*. Известные кланы Абэ в середине XI в. в бассейне реки Китаками (Окуроку-гун) и Фудзивара (северная ветвь знатного японского рода, имеющего близкие родственные связи с императорской семьей), заключив между собой брачный союз, становятся наследниками клана Абэ, происходившего от могущественного *эдзоского* (айнского) рода, правившего в северном Хонсю. Хидэхиро Фудзивара был властным правителем Тохоку, разбогатевшим на торговле орлиными перьями, шкурами морских животных и золотом *Эдзо*²⁰.

Вместе с тем известно, что *фушу* не всегда были лояльны японцам. Имеются данные о войнах *эмису* (*фушу*)²¹ на севере нынешнего Тохоку в 789 и 878 годах против японцев, стремившихся расширить территорию японского государства за счет вытеснения туземного населения. На территории нынешней префектуры Акита в VIII–X вв. строились крепости для усмирения айнских племен. Имеются данные о «великом бунте *фушу*» в 878 г. в Дэва (район современной префектуры Акита в Тохоку), когда замок Акита и его окрестные поселения 15 марта подверглись нападению айнов, были сожжены и разрушены. Правители Оу были вынуждены послать воинский отряд из 2000 человек на помощь. 28 апреля первый бой был начат силами в 600 человек, но этого оказалось недостаточно, и к ним присоединился отряд из одной тысячи воинов. С поля боя смогли вернуться только около 50 япон-

цев²². В следующем за этим событием году, 11 января 879 г., к замку Акита явилось посольство из 103 айнских вождей полуострова Ватарисима (юг *Эдзо*) в сопровождении 3000 человек с намерением подчиниться японцам. И хотя Фудзивара Мунэюки отнесся к этому с большим подозрением, он решил использовать их в качестве определенного противовеса влиянию айнов Тохоку (*фушу*) и Хоккайдо (*Эдзо*) и разрешил им тоже участвовать в торговле в Акита²³.

В 1268 г. в северной провинции Оу, на землях у пролива Цугару, *эдзо* подняли восстание, и известно, что они убили Андо Гору²⁴. Эмори С. склоняется к мнению, что бунт айнов был вызван резкими противоречиями в айнско-японской торговле, приносившей огромный доход клану Андо. Это было реальной угрозой для японского государства с востока, тем более что с запада не менее опасное положение складывалось в связи с оппозиционным движением японской буддийской школы Нитирэн (1222–1282 гг.). В этот же период айны Сахалина вели войну с вторгшимися на остров монгольскими войсками. Противоречия с айнами проявились в их выступлениях в 1320 и 1325 годах, сопровождавшихся междоусобными распрями могущественных кланов, в которых немалую роль сыграло семейство Андо (бунт Андо). В конечном итоге сугунат Камакура не выдержал и пал²⁵.

В «Анналах Японии» (*Нихонсёки*), описывающих деятельность императора Кэйко (71–131 гг.), есть упоминание о народе, живущем восточнее Ямато – *эмису*, самом могущественном среди восточных варваров. Их мужчины и женщины живут вместе (промискуитет) и они не различают, кто отец ребенка. Зимой они живут в норах, а летом в гнездах. Они одеваются в шкуры и пьют кровь. В горы они поднимаются, как птицы, а сквозь густую траву проходят, как плавающие животные. Иногда они собирают молодых людей и совершают набеги на приграничные территории. Они также не упускают возможности грабить других людей... и с древности они не подпадали под влияние сильной цивилизации²⁶.

Известный английский миссионер Джон Бэчелор собрал и проанализировал немало преданий, сказок из айнского фольклора, на основе которых он делает вывод, что взаимоотношения между двумя расами, японцами и айнами, были недружественными, точно так же как недружественными соседями описываются айны в древних записях японцев. Так, например, Д. Бэчелор пишет, что айны были воинственным народом и к тому же очень свирепым. В 720 г. они атаковали большой силой японцев и те были вынуждены собирать воинов из 9 провинций, чтобы отразить нападение²⁷.

С. Танака считает, что айны Цугару (Тохоку) долго оставались там, несмотря на все усилия японского государства вытеснить их или ассимилировать. Автор приводит данные из китайских письменных источников, доказывающих, что север Хонсю и Хоккайдо в XV в. были землями варваров – айнов и что они оказывали антияпонское сопротивление в Цугару и в конце XVI в. И только в 1806 г. айны входят в японскую систему фамильных регистраций, став *хэймин* – сословием крестьян²⁸.

В качестве вывода о том, какую роль сыграли айны в истории древней Японии, весьма интересно обратиться к предположению Р. Адамы, что «айнское общество весьма идентично японскому обществу той поры, когда оно еще не вступило в фазу централизации, формирования единого государства, – процесса, достаточно подробно описанного в китайских хрониках... Существует еще одна позитивная точка зрения на родство внутри элитных субкультур различных айнских сообществ. Все они почитали японские товары (главным образом, лаковую посуду и оружие). Нечто подобное наблюдалось и в ранних элитных слоях японского общества, где высоко ценились предметы роскоши китайского и корейского производства. Разница, однако, заключается в том обстоятельстве, что японцы вскоре начали сами производить необходимые им товары, копируя китайские и корейские образцы. Айны же продолжали довольствоваться тем, что получали от торговых сделок с японцами²⁹». Адамы Р. выдвигает

версию, согласно которой отсутствие развития прогрессивных технологий в айнском обществе остановило развитие айнской культуры и айнского общества³⁰.

В некоторой степени с точкой зрения Адамы Р. соглашаются и современные японские исследователи. Табата Х. пишет: «В 50–60-х годах нынешнего столетия антропологи пришли к заключению, что древнюю культуру области Тохоку нельзя рассматривать как абсолютно чуждую по своему происхождению по отношению к культуре Западной Японии (хотя по уровню своего развития она была гораздо ниже последней). Кроме того, нельзя считать носителей данной культуры *эмиси* (*эбису*) инородцами, коренным образом отличающимися от японской нации³¹». Но вместе с тем, отмечает Х. Табата, японские ученые «предлагают также теорию о пестром сосуществовании разнородных культурных зон в древнем Тохоку³²». Сам Табата Х. придерживается того мнения, «что на севере острова Хонсю существовала не столько отсталая по сравнению с центром, сколько совсем иная, неоднородная по своему составу культура. Из этого следует, что история Японии не исчерпывается процессом единосерийного развития³³».

Таким образом, можно утверждать, что не только японцы повлияли на историю айнского народа, но и самому японскому государству, в ходе становления его государственности, приходилось постоянно испытывать на себе влияние айнского грозного соседства, совершенствовать как свою военную стратегию, так и политику по отношению к айнам. К тому же нельзя отрицать и взаимное культурное влияние двух народов, начавшееся с незапамятных времен.

История айнского народа в течение XV–XVIII вв. отмечена героическими событиями борьбы за сохранение своей независимости, а позднее своей исторической и этнической идентичности. События этого времени стали определяющими в истории аборигенного народа Японского архипелага.

В XIX–XX вв. начинается печальная судьба айнов, так как в их жизнь уже непо-

средственно вмешиваются на государственном уровне Япония и Россия. Соперничество двух стран самым трагическим образом отразилось на существовании всех племен айнов: исчезли курильские айны, ушли со своих земель сахалинские айны, а хоккайдские аборигены почти полностью ассимилировались в японской нации. История айнского народа в XIX и XX веках требует отдельного исследования.

История «ужасных войн» айнов с японцами, которые пришли на их земли и постепенно оттесняли аборигенов на север, насчитывает несколько столетий, как пишет английский миссионер Джон Бэчелор³⁴ (его за бескорыстную и подвижническую деятельность на Хоккайдо с 1876 по 1924 г. айны называли своим отцом). С XV в. сохранились различные письменные источники, к сожалению, только японские, так как у айнов не было своей письменности. Японская исследовательница Кодзима Кёко пишет, что бесписьменные айны не могли оставить документальных свидетельств их истории, и к тому же не уцелели ни рисунки, ни скульптурные изображения с древних времен айнского народа. Поэтому, считает автор, все, что написано о них, то есть об истории, быте и традициях – это впечатления представителей других народов. Так, например, история войны Сякусяин основана почти полностью на японских документах с их собственной интерпретацией и оценкой³⁵. В музеях Хоккайдо, а также французского города Безансон хранятся серии рисунков об айнах, но хотя они и называются *Айну-э* (айнские рисунки), однако были сделаны *сямо* (японцами; *сямо* – соседи на айнском языке) в XVIII–XIX вв., такими художниками, как Мицунобу Тоса (1434–1525), Хакусэки Араи (1656–1725), Какидзакэ Хакё (1764–1826) и другими³⁶.

Но айнский народ сохранил свою историю в устных преданиях, сказаниях – *юкар*, представляющих историю и культуру айнов в их собственной интерпретации. Японские и зарубежные ученые в течение длительного времени, особенно с конца XIX и в течение XX столетия, собрали значительный фольк-

лорный материал, раскрывающий многие аспекты айнской культуры. В современной этнографической литературе Японии и других стран они довольно широко описаны. Р. Адами отмечает, что «самые известные исследователи в этой области – Киндайти Кёсукэ, Тири Масио и Кубодера Ицухиро. Большую научно-исследовательскую работу по сбору, сохранению и изучению айнского фольклора ведет Музей айнской культуры в г. Сираой. В коллекции музея мною была найдена небольшая книжечка *юкар* – сказаний Кимуспо – Амбар (богов), рассказанных айном Цудзурано, среди которых был *юкар* о Сякусяин»³⁷.

Из ученых России можно назвать Николая Невского, собравшего значительное количество эпических текстов хоккайдских айнов, и Бронислава Пилсудского, заложившего фундамент в деле изучения сахалинских айнов и собравшего большую коллекцию фольклорного материала³⁸. Следует отметить, что это огромное богатство бесписьменного айнского народа еще ожидает своих исследователей.

Р. Адами считает, что необходимо отметить неопубликованную работу Дональда Л. Филиппи, который «сделал некоторые ценные намеки в предисловии к собственному переводу айнских эпических текстов. Он анализирует их не только с позиций лингвистики, но и как историк, исследователь культуры»³⁹.

Значительный вклад в изучение айнской истории, особенно в расширении ее временных границ, в последнее время вносят археологи Хоккайдо. На территории бывшего княжества Мацумаэ проводятся первые раскопки, давшие множество свидетельств истории айнов и их взаимоотношений с пришельцами с юга Японского архипелага. Данные ученых-археологов подтверждают сомнения японских историков в достоверности некоторых исторических документов, особенно княжества Мацумаэ, относящихся к событиям 1457 г., а именно борьбе айнов под руководством Косямаин.

В последнее время японские исследователи проводят тщательный анализ исторических документов, касающихся экспансиониз-

стских действий японцев на севере. Они сравнивают все записи не только княжества Мацумаэ на Хоккайдо, но и противоборствующих в феодальной междоусобной борьбе кланов Акита, Цугару и других, отправлявших в Эдзо своих тайных соглядатаев (*мэцукэ*). На основе сообщений этих агентов они отправляли собственные донесения центральному правительству в Эдо.

Тщательные исследования японских ученых, как пишет Табата Х., привели к тому, что «с 70-х годов нынешнего столетия взгляды на историю северной зоны Японского архипелага резко изменились. Среди исследователей распространяется отрицательное отношение к той точке зрения, которая рассматривает историю северной части Японского архипелага прежде всего как процесс постепенного распространения на отсталый север влияния передовой японской культуры из области Кинки (Кансай). <...> исследователи отмечают как самостоятельное значение истории северной зоны, так и ее роль в истории центральных районов Японии⁴⁰».

В нашей стране проводились заметные научные исследования не только по археологии и этнографии айнов, но и по истории айнского народа в России (Сахалина и Курил) и Японии⁴¹. Среди них необходимо отметить труд Д. Позднеева «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России» в 2-х томах, опубликованный в 1909 г.

На протяжении многих столетий айны, жившие на основных островах Японского архипелага, считались воинственным народом, доставлявшим немалое беспокойство японскому государству⁴². В многовековой борьбе с ними японцы сумели вытеснить их на север. Карл Эттэр, преподававший до Второй мировой войны в Хоккайдском императорском университете, в 1949 г., например, писал, что большая часть из современной милитаристской психологии имеет свои корни в ранних опытах японцев в борьбе с воинственными аборигенными народами. Далее он утверждал, что понять воинственную психологию японцев можно через айн-

скую традицию войны. Но это не является особенностью только истории айнов и японцев, это было свойственно и другим народам, добавляет автор⁴³.

В японской этнографической и исторической литературе второй половины XX столетия немало места отведено событиям айнского сопротивления XV–XVIII вв. Трактовка истории борьбы айнского народа отразилась и на терминологии, используемой различными исследователями по отношению к событиям 1456 г. (сопротивление Косямаин), 1669 г. (война Сякусяин), 1789 г. (восстание на Кунашире и Менаши). Одни авторы относительно всех вооруженных выступлений аборигенов применяли термин «бунт» (*ран* – «беспорядки, мятеж»; *ханран* – «восстание, мятеж»; *хоки* – «восстание»)⁴⁴. В более поздних работах восстания Косямаин и Сякусяин называют войнами за независимость (*сэнсо*)⁴⁵. Японский ученый Сусуму Эмори в своей книге «История и культура айнов»⁴⁶ использует другое определение – «война, борьба» (*татакай*), но также и термин *хоки* – «восстание».

Проблема исторической терминологии обсуждалась в ходе работы симпозиума в марте 1991 г. в городе Сидзунаи (Хоккайдо), посвященного 120-летию Сидзунай и 321-й годовщине восстания Сякусяин⁴⁷, а еще ранее на симпозиуме в Немуро в 1989 г., приуроченном к 200-летию вооруженного выступления айнов на острове Кунашир и Менаши (Эдзо)⁴⁸. Один из его участников, Г. Стюарт, говорил о том, что в японских школьных учебниках они обозначаются как восстания. Он же считает, что восстанием они являются для японцев-победителей, а для айнов – сопротивлением, борьбой за независимость⁴⁹. Эту же мысль высказал еще в начале XX в. Д. Позднеев, который дал оценку японским хроникам и историческим записям: «Будучи написаны японцами, летописи эти имеют у себя естественно все недостатки односторонности, восхваления японцев и порицания всего того, что идет в том или другом отношении против них. Ими унаследована от китайцев вся терминология, по которой неприятели японцев явля-

ются мятежниками и разбойниками, война с туземцами называется усмирением разбойников, те из туземцев, которые изменяют своим единоплеменникам и предадут их японцам, выставляются добродетельными, верными японскому правительству, заслуживающими похвалы и наград»⁵⁰.

Если сегодня почти все ученые Японии согласны с определением «война», «борьба» для событий 1457 г. (Косямаин) и 1669 г. (Сякусяин), то вооруженное восстание Кунашири-Менаси, по их мнению, нельзя считать по масштабам, значимости и характеру равным предыдущим войнам. Это было только убийство японцев, но не было военных столкновений, и все закончилось казнью зачинщиков⁵¹.

Японские историки не ограничиваются только событийной историей того времени, они стараются проникнуть в глубинные процессы развития конфликта как в айнском, так и в японском обществе⁵². Одними из первых обратили свое внимание на социально-экономическую историю княжества Мацумаэ Табата Хироси и Сусуму Эмори. Так, например, Табата на основе большого фактического материала прослеживает процесс проникновения японского торгового капитала, постепенное превращение его в участника откупной системы, весьма выгодной как для японских торговцев, так и для самого княжества, но очень тяжелой и разрушительной для айнского общества. Японский торговый капитал постепенно начинает осваивать рыбные промыслы, лесоразработки, золотодобычу с использованием наемного труда айнов на кабальных условиях.

О возрастании интереса к истории таинственного народа говорят научные публикации и за пределами Японии⁵³. Среди них особо хотелось бы отметить работу Б. Уолкера о завоевании японцами айнских земель. Он считает, что именно японский торговый и промышленный капитал оказался сильнее многовековых военных усилий японского государства с целью полного подчинения воинственных аборигенов северной Японии. Беспощадная эксплуатация японцами природных ресурсов Эдзо явилась несомнен-

ным условием постепенного закабаления коренного народа, источником существования которого были рыболовство, охота и собирательство (лесное и прибрежное).

Вместе с тем, чтобы понять реалии сегодняшнего положения айнов в Японии, мы должны заглянуть и в тягостные для аборигенного народа годы XIX и XX столетий. В этот период почти все свидетельства об айнах Хоккайдо, Курильских островов и Южного Сахалина содержат печальный факт, что айны смиренный, покорный и напуганный народ⁵⁴. «Возможно, когда-то айны были наделены и энергией, и силой воли, – теперь этих качеств они начисто лишены. Они покорно подчиняются японским хозяевам и не оказывают никакого сопротивления даже тогда, когда терпят несправедливость и жестокое обращение. Практически находясь на положении крепостных, подавляемых и угнетаемых на протяжении сотен лет, айны давно утратили даже мысль о независимости, о возможности сопротивляться злу. Беспомощность и покорность стали для них нормой состояния. Какими бы ни были айны раньше, сегодня это самый смиренный, самый послушный и безвольный народ на планете⁵⁵», – писал, например, Сноу Г. об айнах Курильских островов.

XIX–XX столетия явились трагическим периодом в истории айнского народа, когда экспансионизм как японского, так и российского государств на основных территориях проживания айнов – Хоккайдо, Курильских островах и Южном Сахалине, привел к печальному исходу определенных групп айнского народа: курильских и сахалинских айнов. Известный американский историк Д. Стефан пишет, что айны, коренные обитатели архипелага, «работали и на японцев, и на русских. Их подвергали и “японизации”, и “русификации”. Они лишились своих земель и почти полностью вымерли, оставив археологам и антропологам возможность изучать их культуру по многочисленным материальным свидетельствам и памятникам. В конце концов, они стали полемическим оружием для целого ряда японских и русских авторов»⁵⁶.

Д. Стефан продолжает: «Японцы не упускают возможности напомнить об эксплуатации айнов русскими казаками, чтобы подвергнуть сомнению русское обоснование прав на владение Курильскими островами. С другой стороны, некоторые советские авторы создают фантастические описания, в которых курильские айны приветствуют русских освободителей от японского рабства. Каждая из сторон обвиняет другую в расовой дискриминации, жестокости и даже в геноциде»⁵⁷.

Известный японский исследователь истории японско-русских отношений Акидзуки Тосиюки, проанализировав историю отношений японцев и айнов на Сахалине по русским источникам, пришел к выводу: «В конце концов, айны стали заложниками японско-русских, а затем и японско-советских противоречий. И мы, японцы, также несем равную с русскими ответственность за исчезновение айнов с Сахалина»⁵⁸.

Но если быть точными, то и американцы, и англичане изрядно похозяйничали на Курильских островах, где вели хищническую охоту на каланов, морских львов и котиков. Они почти полностью истребили каланов⁵⁹. Англичанин Г. Сноу чаще других бывал на Курильских островах и оставил свои наблюдения в книге «Записки о Курильских островах». Д. Стефан пишет о нем следующее: «Некоронованным королем промысла каланов стал неутомимый английский капитан Генри Джеймс Сноу. В 1872–1888 гг. Сноу предпринял восемь экспедиций на Курильские острова, после чего удалился на покой, чтобы воплотить историю своих странствий в двух знаменитых книгах»⁶⁰.

На исходе XX в. аборигены Японии, айны, одержали значительную, хотя и не полную, победу в признании себя как народа, имеющего свои этнические, исторические и культурные корни. 8 мая 1997 г. парламент Японии принял «Акт о поддержке айнской культуры, распространении знаний об айнских традициях». 1 июля того же года закон был введен в действие. По новому правовому документу поощряется исследование

айнской культуры, изучение айнского языка, а также возрождение и сохранение айнских обычаев и традиций. Но все же Акт 1997 г. не признает айнов коренным народом Японии и, вытекающих из этого, реальных прав аборигенов⁶¹. И, как пишет японский историк Киккава Хитоси, этот закон не признает исторического факта захвата японцами айнской территории, а, значит, не признает айнов коренным народом Хоккайдо⁶².

Примечания

¹ Табата Х. Современное положение изучения истории севера Японии // Краеведческий бюллетень, Южно-Сахалинск, 1993, № 4, с. 85.

² Хронологическая линия – от Преддзёмон – дзёмон – дзокудзёмон – и далее сацумон (сосуществовавшая с охотской культурой) // *Emori Susumu. Ainu minzoku no rekishi*. Tokyo, Sofukan, 2007, p. 16.

³ *Emori Susumu. Ainu minzoku no rekishi*. Tokyo, Sofukan, 2007, p. 16.

⁴ *Harrison, John A. Japan's Northern Frontier. A Preliminary Study in Colonization and Expansion with Special Reference to the Relations of Japan and Russia*. University of Florida Press, Gainesville, 1953, p. 3–4.

⁵ История Японии с древнейших времен до 1868 года. Учебное пособие. Т. 1. М.: ИВ РАН, 1998, с. 164.

⁶ *Sasaki Toshikazu. Ainu-e: A Historical Review // Ainu. Spirit of a Northern People*. Edited by William W. Fitzhugh and Chisato O. Dubreuil. Arctic Studies Center National Museum of Natural History Smithsonian Institution in association with University of Washington Press, Los Angeles, Perpetua Press, 1999, p. 80–81.

⁷ История Японии с древнейших времен до 1868 года. Т. 1, с. 165–166.

⁸ *Kaiho Mineo. Ezo no rekishi*. Tokyo, 1996, p. 60.

⁹ Один и тот же японский иероглиф имеет различное чтение, и его изменения часто носят и исторический характер. *Sekai daihyakka jiten*. Vol. 3. Tokyo, Heibonsya, 1971, p. 63. Большая всемирная энциклопедия. В 24-х томах.

¹⁰ *Sekai daihyakka jiten*. Vol. 20.

- ¹¹ *Сиратори Куракити*. О Сахалине в китайскую эпоху Тан (1907) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1997, № 2, с. 54.
- ¹² Там же, с. 55–56.
- ¹³ *Emori Susumu*. Op. cit., p. 46–47.
- ¹⁴ *Sarashina Genzo* Ainu to nihonjin. Densyo ni yoru kosyo si. Tokyo, Nihon hososyuppan kyokai, 1970, p. 12; *Мещеряков А.Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. М.: Наука, 1988, с. 9.
- ¹⁵ Название местности на юге Кюсю – две провинции Кума и Со. См.: Нихонсёки (Анналы Японии). Т. 1. Свитки I–XVI. СПб.: Гиперион, 1997, с. 447.
- ¹⁶ Там же, с. 239–240.
- ¹⁷ *Kikuchi Isao*. Early Ainu Contacts with Japanese // *Ainu: Spirit of Northern People*. P. 74–76.
- ¹⁸ *Emori Susumu*. Op. cit., p. 62.
- ¹⁹ *Kikuchi Isao*. Op. cit., p. 74–76.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ *Emori Susumu*. Op. cit., p. 23.
- ²² *Kikuchi Sansai* (Hikoichi). Ezo to ainu. Tokyo, Hihyosya, 1995, p. 216–218.
- ²³ *Emori Susumu*. Op. cit., p. 23.
- ²⁴ Представитель клана Андо из Цугару (из японо-айнского рода Фудзивара-Абэ), получивший в период Камакура право управлять северными эдзосцами. (*Emori Susumu*. Op. cit., p. 62–63).
- ²⁵ *Emori Susumu*. Op. cit., p. 62–63, 66–67.
- ²⁶ *Siddle, Richard*. Race, Resistance and the Ainu of Japan. London and New York, Sheffield Centre for Japanese Studies / Routledge Series, 1996, p. 27–28.
- ²⁷ *Bachelor John*. Ainu life and lore. Echoes of a departing race. Kyobunkwan, Tokyo, 1927, p. 23.
- ²⁸ *Tanaka, Sakurako* (Sherry). The Ainu of Tsugaru. The Indigenous history and shamanism of Northern Japan. M.A. University of British Columbia, 1993 / B.A. University of Toronto, 1990. Thesis PhD. April, 2000, p. 95–96.
- ²⁹ *Адами Р.* Заметки о первобытном обществе у айнов. Перевод с английского // Краеведческий бюллетень, Южно-Сахалинск, 1991, № 3, с. 132–133.
- ³⁰ *Адами Р.* Указ. соч. С. 134.
- ³¹ *Табата Х.* Современное положение изучения истории севера Японии. // Краеведческий бюллетень, Южно-Сахалинск, 1993, № 4, с. 84.
- ³² Там же, с. 85.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Batchelor, John*. An Ainu-English-Japanese Dictionary. Part 1. Tokyo, Kyobunkan, 1926, p. 11.
- ³⁵ *Kojima Kyoko*. Op. cit., p. 1.
- ³⁶ *Sasaki Toshikazu*. Ainu-e: A Historical Review // *Ainu: Spirit of Northern People*, p. 79–85.
- ³⁷ *Kimusupo Shiraoi*. Op. cit., p. 17–20.
- ³⁸ *Адами Р.* Указ. соч., с. 128; *Невский А.Н.* Айнский фольклор. М., Наука, 1972.
- ³⁹ *Адами Р.* Указ. соч., с. 130–131.
- ⁴⁰ *Табата Х.* Указ. соч., с. 84.
- ⁴¹ *Арутюнов С.А.* Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры // Советская этнография, 1957, № 2; *Таксами Ч.М., Косарев В.Д.* Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. М.: Мысль, 1990; *Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г.* Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М.: Наука, 1992; *Спеваковский А.Б.* Духи, оборотни, демоны и божества айнов. Религиозные воззрения в традиционном айнском обществе. М., Наука, 1988; *Он же*. Айны: проблемы истории и традиции этноса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. С.-Петербург, 1992.
- ⁴² *Позднеев Д.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. В 2-х томах. Июкогама, Типография Ж. Глюк, Ямасита, 1909.
- ⁴³ *Etter Carl*. Ainu folklore. Traditions and culture of the vanishing aborigines of Japan. Chicago, Wilcox and Follett co. 1949, p. 121.
- ⁴⁴ *Ainu no hanran. Takeda Nobuhiro*. Shirayama Tomomasa. Tokyo, Jinbutsu oraisya, 1967; *Okuyama Ryo*. Ainu suibosi. Sapporo, Miyama syobo, 1979; *Sakurai Kiyohiko*. Ainu hisi. Tokyo, Kadokawa shyoten, 1967.
- ⁴⁵ *Takakura Shinichiro*. The Ainu of Northern Japan. A Study in Conquest and Acculturation. Trans. and annotat. by John A. Harrisin. Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia, April, 1960; *Ainu minzoku no bunka to rekishi o saiko suru. Obihiro shyakunen kinenkan* Ainu bunka simpoziumu. Obihiro shyakunenkan, 1998. Пересмотр культуры и истории айнского народа; *Sasaki Toshikazu*. Ainu bunka saihatsuken. Tokyo kokuritsu hakubutsukan. Взгляд на возрождение айнской культуры.
- ⁴⁶ *Emori Susumu*. Op. cit.
- ⁴⁷ *Sizunai Simposium*, 1991, 30 March, p. 25.

⁴⁸ 37 hon no inau. Nemuro symposium «Kunashir-Menashi no tataikai». Kansei ainu no hiki 2000 nen. Sapporo, Hokkaido syuppan kiga senta, 1990, p. 47–48, 67.

⁴⁹ Sizunai Simposium «Shyakusyain 321» syuroku.

⁵⁰ Позднеев Д. Указ. соч., с. 60.

⁵¹ Tabata Hiroshi. Kunashiri-Mtnashi no tataikai. 37 hon no inau // Nemuro symposium «Kunashir-Menashi no tataikai» Kansei ainu no hiki 2000 nen. Sapporo, Hokkaido syuppan kiga senta, 1990, p. 47.

⁵² Tabata Hiroshi. Matsumae chiyosi. Kinseiki Matsumae-han no keizai // Menashi, Hokkaido kyoiku daigaku. Vol. 2. Iwamizawa bunko, 1984; Basyo ukeoisei to ainu. Sapporo simposiumu «Kita kara no Nippon shi. Kinsei Ezoti shi no kotiku o mezashite». Sapporo, Hokkaido syuppankiga senta, 1998.

⁵³ Siddle, Richard. Op. cit.; Walker, Brett L. The Conquest of Ainu Lands. Ecology and Culture in Japanese Expansion, 1590–1800. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 2001.

⁵⁴ Рудановский Н. Айнский словарь // Краеведческий бюллетень, Южно-Сахалинск, № 4, 1991; Пилсудский Б. Некоторые сведения об отдельных айнских стойбищах на о. Сахалине (не ранее 1907 г.) // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 1. Южно-Сахалинск, 1995.

⁵⁵ Сноу Г. Записки о Курильских островах. Перевод с английского. // Краеведческий бюллетень, Южно-Сахалинск, 1992, 1, с. 102–103.

⁵⁶ Стефан Д. Курильские острова. Русско-японский рубеж на Тихом океане // Краеведческий бюллетень, Южно-Сахалинск, 1990, № 3, с. 105.

⁵⁷ Стефан Д. Указ. соч., с. 105.

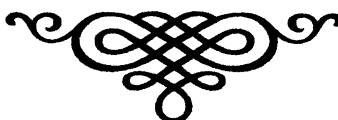
⁵⁸ Акидзуки Т. Японцы и айны на Сахалине. По русским источникам середины XIX века. // Краеведческий бюллетень, Южно-Сахалинск, 1993, № 1, с. 99.

⁵⁹ Стефан Д. Указ соч., с. 101.

⁶⁰ Сноу Г.Д. Заметки о Курильских островах. – Лондон, 1897; Он же. В запретных морях. Лондон, 1910.

⁶¹ Teruki Tsunemoto. The Ainu Shimo: A New Beginning, p. 366.

⁶² Kikkawa Hitoshi. Landrights of Ainu People in Japan // Shakaikagaku-kenkyu. Vol. 19, September 1998, № 1, p. 166–176. Edited by the Institute of Social Science Research of Chukyo University, Nagoya, Japan.

С.И. Марахонова

РУССКИЙ ЯПОНИСТ С.Г. ЕЛИСЕЕВ: ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЭМИГРАЦИИ. ПАРИЖ, 1921–1934 ГОДЫ

Русский ученый-японист, вынужденный по ряду причин покинуть Советскую Россию, Сергей Григорьевич Елисеев провел во Франции в общей сложности более 30 лет. Ни в одной стране – а судьба его была связана с рядом стран – он не жил так долго. Вторую половину жизни С.Г. Елисеев был гражданином Франции. Он принадлежал к особому сообществу французов – кавалеров высшей государственной награды, ордена Почетного легиона. Однако о французском периоде, столь богатом событиями, написано чрезвычайно мало. В парижских архивах нам удалось собрать ценный материал, помогающий восстановить события тех давних лет.

Сергей Елисеев прибыл во Францию из Стокгольма 1 января 1921 г. Эта дата и следующие даты и адреса достоверно известны благодаря сведениям из личного архива младшего сына Сергея Григорьевича, Вадима Сергеевича Елисеева. Основываясь на записях отца и официальных документах (и, вероятно, также сведениях ряда биографических работ), Вадим Сергеевич воссоздал картину первых лет жизни семьи во Франции¹. К сожалению, кроме воспоминаний сына², нескольких документов и значительного числа фотографий (увы, не всегда датированных и атрибутированных), в семье ничего более не сохранилось.

Вне всякого сомнения, такой аккуратный, педантичный человек, как Сергей Елисеев, архивировавший свои бумаги даже в голодном и холодном послереволюционном Петрограде, должен был обладать большим числом интереснейших документов. Но, как это часто случается, личный архив был, вероятнее всего, уничтожен либо самим Сергеем Григорьевичем, либо позднее Вадимом Сергеевичем перед кончиной последнего в 2002 г.

Семья Елисеевых сначала поселилась в северо-западном пригороде Парижа – местечке Нейи-сюр-Сен (Neuilly sur Seine) по ад-

ресу avenue sur Seine, 61, а с 4 февраля по 10 мая того же года проживала на rue Paul Derouledi, 5. По странному стечению обстоятельств Елисеевы оказались именно в Нейи-сюр-Сен, а ведь именно здесь в начале XX в. находилось французское имение Григория Григорьевича Елисеева, русского «гастрономического короля», миллионера, благотворителя, последнего представителя замечательной купеческой династии. Последнего, потому что никто из его сыновей не захотел продолжить его дело, а трагический раскол в семье и Октябрьская революция вынудили его покинуть Россию. В Нейи-сюр-Сен юный Сергей Елисеев бывал, по-видимому, неоднократно, во всяком случае, во время посещения Всемирной выставки в Париже в 1900 г., на которую он приезжал вместе с отцом. Сейчас (и, очевидно, уже давно) на месте елисеевского имения находится хорошо известный Американский госпиталь Парижа.

Надо полагать, что вскоре, в начале 1921 г., С.Г. Елисеев с семьей получил так называемый «нансеновский паспорт», который выдавался Лигой наций политическим эмигрантам или апатридам. Но французского гражданства семье пришлось ожидать еще долгих десять лет. Только в 1931 г. Елисеевы стали гражданами Франции, и именно с того момента изменилось написание фамилии: вместо Elis(s)éèv появилось Elisséeff.

11 мая 1921 г. Сергей Григорьевич с семьей переселился в собственно Париж и до 1 октября 1921 г. жил на Boulevard Pereire, 75 в 17-м, довольно непрезентабельном, округе города. Денег у семьи не было, а этот район был недорогим.

В течение следующего года – с октября 1921 по ноябрь 1922 г. – семья сменила еще три квартиры. Об одной из них следует рассказать особо. В мае 1922 г. Елисеевы поселились на rue Bellini, 16. Во время работы в музее Дальневосточного искусства Черну-

ски в книге Сергея Григорьевича «Современная живопись в Японии», опубликованной в 1923 г.³, мы обнаружили его дарственную надпись. Четким почерком Елисеева написано следующее: «Дорогому Григорию Леонидовичу Лозинскому⁴ на добрую память о вместе проведенном лете на Rue Belini 16, где эти страницы были написаны. От любящего его автора. Париж. 1923». Нам пока неизвестно, какую роль в жизни Сергея Елисеева сыграл Григорий Лозинский. Но их близкие дружеские отношения очевидны. Кто из них гостил на квартире другого? Или же они вместе снимали квартиру?

Наконец, вероятно, в декабре 1922 г.⁵, семья Елисеевых навсегда вернулась на бульвар Перер, 75. Дом стоит углом на бульваре Перер (там по открытому туннелю ходят парижские поезда) и улице Гюстава Доре. Квартира Елисеевых находилась на пятом этаже и смотрела на улицу Гюстава Доре, но ванная комната располагалась как раз на самом углу дома. Из ее большого окна были хорошо видны проходящие мимо поезда, составлявшие любимое развлечение сначала детей, а потом (в 1960–1970-х годах) – и маленьких внуков Елисеевых. Бульвар Перер – это основной парижский адрес Елисеевых. Здесь жили их дети, когда родители более чем на 20 лет уехали на работу в США. Здесь Сергей Григорьевич и Вера Петровна прожили последние почти два десятка лет. Вера Петровна скончалась в этом доме 18 марта 1971 г., Сергей Григорьевич после ее смерти вел здесь жизнь затворника и умер в госпитале Бишар (Bichar) ранним воскресным утром 13⁶ апреля 1975 г.

Как гласит «легенда» (биографическая статья американца Э.О. Рейшауэра⁷ о С.Г. Елисееве, обе биографические книги японского журналиста Курата Ясуо⁸, написанные по воспоминаниям самого Сергея Григорьевича и окружавших его когда-то людей, но не по документам), Сергей Елисеев чуть ли не в первый день своего приезда в Париж (имеется ли в виду январь 1921 г. в Нейи-сюр-Сен или май того же года в 17-м округе Парижа – ?) случайно встретил на Елисейских полях своего хорошего знако-

мого по Токио, молодого японского дипломата Х. Асида (в будущем премьер-министра Японии). Тот помог ему устроиться на работу переводчиком в японское посольство в Париже. Насколько этот факт случайной встречи в первый день соответствует истине, остается на совести писавших, т.к. Владимир Сергеевич по малолетству не имел возможности составить собственное впечатление. Правда лишь то, что работа в японском посольстве приносила Сергею Григорьевичу, по-видимому, основной, во всяком случае, стабильный, доход.

В посольстве Японии, безусловно, должны были быть документы, подтверждающие работу С.Г. Елисеева переводчиком. Известно, что Сергей Григорьевич сопровождал японскую делегацию, участвовавшую в работе Комиссии по установлению границ между Германией и Бельгией, Германией и Данией. Он служил секретарем и переводчиком господина М. Маэда, главы делегации⁹. Но найти эти материалы 90-летней давности пока не представляется возможным.

Остаются недоступными и документы, подтверждающие деятельность Елисеева в качестве офицера связи Международного института интеллектуальной кооперации Лиги наций, хранящиеся, возможно, в архиве ЮНЕСКО. Будучи офицером, он принимал участие в конгрессах в Праге и Риме как переводчик японской делегации¹⁰.

Однако архивы, связанные с профессиональной деятельностью Сергея Елисеева в ряде учреждений Парижа, представлены достаточно полно. Согласно французским порядкам, научные и учебные учреждения не хранят свои архивы у себя, как принято в России, а передают их Национальным архивам Франции. Следовательно, основная масса документов была обнаружена в Национальных архивах в фондах Школы живых восточных языков (современная аббревиатура INALCO) и Практической школы высших исследований (EPHE), где С.Г. Елисеев работал в 1920-х и начале 1930-х годов.

Эти документы как наиболее объективный источник информации позволили по-инному осветить жизнь и деятельность

С.Г. Елисеева в начальный период его эмиграции, показать, что его вхождение во французские востоковедные научные круги было гораздо более сложным, чем представлялось ранее. И В.М. Алпатов, и А.М. Решетов, как нам кажется, были склонны переоценивать как положение Елисеева среди французских востоковедов, так и легкость его адаптации к новым условиям. Елисеев по праву своей научной квалификации, действительно, должен был сразу занять ведущее место во французской японистике, имевшей в те годы скорее практический, страноведческий, нежели научный, характер. Даже Шарль Агеноэр, на которого Елисеев оказал большое влияние, ставший впоследствии известным ученым, в то время был далек от науки и секретарствовал в Доме Франции в Токио. Тем не менее, через несколько лет французские профессора предпочтут его, неспециалиста, профессионалу Елисееву – ученому и преподавателю, но «чужому» (см. ниже). Конечно, Елисеев надеялся, что в Париже, мировом центре синологии, он займет свое законное место «первого» япониста. Во всяком случае, так пишет Вадим Елисеев.

С одной стороны, у Сергея Григорьевича в Париже было столько научных публикаций, как нигде и никогда: две монографии, ряд статей и переводов художественных произведений. Он участвовал в серьезных научных проектах («Языки мира», «Азиатская мифология») ¹¹. Но с другой стороны, продвижения по служебной лестнице в серьезных учебных заведениях у него не получилось: места были заняты другими людьми, явно уступавшими ему в своих возможностях.

Несмотря на поддержку знаменитых французских коллег (таких, как Поль Пельо ¹² и Сильван Леви ¹³), Елисееву за десять лет так и не удалось сделать карьеру. Нельзя забывать о том, что на протяжении десяти лет (с 1921 по 1931 г.) он был на положении «лица без гражданства», что, очевидно, существенно снижало его возможности по сравнению с французскими учеными. Чем были эти годы для человека, привыкшего всегда, по словам его сына Вадима, «быть

первым и лучшим», нетрудно понять. И тогда Сергей Елисеев принял приглашение работать в США ¹⁴.

Благодаря профессиональным документам удалось уточнить и исправить ряд привычных датировок. Но оговоримся, что рассматривая документ как наиболее надежный источник науки биографики, мы прекрасно понимаем, что он не должен быть абсолютизирован: в связи с различными обстоятельствами часть документов была утрачена, что-то могло быть не обнаружено нами. Поэтому и к сведениям, полученным из документальных источников, необходимо подходить с достаточной осторожностью, критически, проверяя их всеми возможными способами.

Итак, согласно биографической статье Э.О. Рейшауэра, американского ученика С.Г. Елисеева, уже в 1922 г. Елисееву удалось получить место внештатного преподавателя (*visiting lecturer*) в Сорбонне, где он читал лекции по истории японской литературы эпохи Токугава ¹⁵. Эти сведения пока еще не получили у нас документального подтверждения. Но им следует полностью доверять, т.к. в советском журнале «Восток» за 1923 г. в заметке «Русское востоковедение за границей», написанной В.М. Алексеевым, находим: «С этой (1923 г. – С.М.) осени С.Г. Елисееву в Парижском университете поручен курс „Роман Токугавского периода“» ¹⁶. Знать об этом Алексеев мог только от самого С.Г. Елисеева, с которым, очевидно, состоял в переписке. Однако работа в Сорбонне, вероятно, была недолгой, т.к. в документах музея Гимэ (см. ниже) в конце 1925 г. Елисеев назван бывшим преподавателем японского в Сорбонне.

В этом же 1922 г., по словам Э.О. Рейшауэра, Елисеев начал читать курс грамматики японского литературного языка в Школе живых восточных языков (*Ecole nationale des Langues Orientales vivantes*, совр. INALCO), где проработал вплоть до 1930 г. ¹⁷ Однако факт работы там Елисеева подтверждается архивными документами начиная не с 1922, а с 1923 г. (конечно, какие-то документы могли быть утрачены). Елисеев начал работу в Школе с приема

ежегодных экзаменов у студентов. Monsieur Eliseev принимал экзамены по японскому языку в следующие дни: 29 мая 1923, 22 мая 1924, 13 мая 1925, 13 мая 1926, 9 мая 1927, 18 мая 1928, 18 мая 1929 и 6 мая 1930 г.¹⁸

Несколько лет спустя – с 1926 г. – Сергей Елисеев начал преподавать японский язык. Однако документы свидетельствуют, что речь идет о преподавании японского не в основной сетке (там японский язык вели господин Дотрмер (Dautremer), профессор и господин Наито (Naito), репетитор), а на свободных бесплатных курсах восточных языков. По-видимому, такие лекции были организованы при Школе для широкой аудитории. Нами были обнаружены документы, в которых представлен список преподавателей различных языков на этих курсах. С. Елисеев читал лекции по японской филологии, наряду с выдающимися российскими учеными-востоковедами В. Минорским (персидская филология) и Н. Марром (грузинский язык). Такие списки относятся к 1926/1927, 1927/1928 и 1928/1929 учебным годам¹⁹.

Эти сведения подтверждаются данными нескольких сохранившихся афиш, содержащих программу свободных бесплатных курсов. Одна из афиш выглядела следующим образом:

«Республика Франция
Национальная школа живых
восточных языков.
Улица Лилль, 2
Свободные курсы, утвержденные
на 1927–1928 учебный год
<...>
Японская филология

Господин Елисеев обучает грамматике литературного японского языка по понедельникам в 17 часов (комната № 6)»²⁰.

То же самое написано на афише за 1928–1929 учебный год, но тогда занятия проводились по средам в 18 часов в помещении рабочей комнаты²¹.

Сохранилась афиша за 1932/1933 учебный год, посвященная курсу свободных публичных лекций. В секции японской филологии господин Елисеев преподавал грам-

матику и историю литературного японского языка²². Однако это, скорее всего, тот редкий случай, когда не следует доверять свидетельству документа. Афиша была напечатана заранее, а в сентябре 1932 г. С.Г. Елисеев отбыл в США, т.к. был приглашен в Институт Гарвард – Янцзинь для чтения пробного курса лекций по истории Японии и курса китайского языка. И весь 1932/1933 учебный год он провел в Кэмбридже (где находится Гарвардский университет и Институт Гарвард – Янцзинь), а затем на Дальнем Востоке. Но потом еще год – с осени 1933 до осени 1934 г. – Елисеев пробыл в Париже. Постоянно работать в США Елисеев стал с октября 1934 г.

Ряд документов за февраль 1932 г. отражает ситуацию на японской кафедре Школы живых восточных языков. В это время в отставку вышел профессор Дотрмер, и состоялся конкурс на замещение вакансии, о чем и было написано в письме министру народного просвещения и изящных искусств²³. Собрание профессоров и Совет по усовершенствованию (?) рассмотрели ряд кандидатур и провели голосование. Первым прошел месье Агенауэр²⁴, секретарь Дома Франции в Токио. За него было отдано 10 голосов членов профессорского собрания при одном чистом бюллетене и двух недействительных. В Совете он был избран единогласно. Вторым был месье Елисеев, доктор словесности, набравший 5 голосов в профессорском собрании при 4 голосах за месье Бонмаршана²⁵ и трех чистых бюллетенях. В Совете он, как и Агенауэр, прошел единогласно. Таким образом, место на японской кафедре получил Шарль Агенауэр, хотя не он, а Сергей Елисеев преподавал в Школе, начиная с 1923 г. Елисеев пишет, что «Агенауэр в апреле 1932 г. был назначен профессором японского в школе восточных языков, после ухода на покой старика Dautremer'a»²⁶. Весьма возможно, что эта неудача также сыграла свою роль в переезде Сергея Елисеева из Франции в США. По замечанию Вадима Сергеевича, жизнь его отца состояла из нескольких этапов, и не все они были плодом его собственного выбора.

Интересная подборка документов относительно работы С. Елисеева в 1930–1932 гг. в Практической школе высших исследований (École Pratique des Hautes Études, ЕРНЕ) отложилась также в Национальных архивах²⁷.

Как пишет Э.О. Рейшауэр, С. Елисеев в 1930 г. был назначен штатным доцентом (Maitre de Conférences)²⁸ в отделении истории религий ЕРНЕ, а в 1932 г. он достиг полного профессорского статуса и стал ординарным профессором (Directeur d'Études)²⁹. В действительности дело обстояло значительно сложнее. Елисеев далеко не сразу смог получить штатное место в данном учебном заведении.

Наиболее ранний из архивных документов о работе С.Г. Елисеева в ЕРНЕ датирован 1 февраля 1930 г. Это официальное письмо секретаря секции «религиозных наук» (совр. религиоведения) ЕРНЕ господину министру народного просвещения и изящных искусств. Согласно ему, 25 января 1930 г. Совет секции единогласно принял решение поручить с 1 февраля господину Елисееву чтение временных публичных лекций на тему «Религии Японии» в отделении истории религий (5-я секция Практической школы высших исследований). Этот курс лекций Елисеев должен был читать вместо лектора О. Жанса (Janse), уехавшего в Швецию для научных занятий. Вознаграждение размером 5000 франков в год, ранее полагавшееся О. Жансу, теперь должно было выплачиваться Елисееву. Елисеев читал одну лекцию в неделю. Речь здесь идет о временных лекциях и вновь, как и в Школе живых восточных языков, о неких свободных курсах (cours libres).

Нам ничего не известно об организации высшего образования во Франции тех лет. Вероятнее всего, помимо основных занятий для студентов существовали еще какие-то курсы, занятия на которых были свободными и бесплатными. Возможно, это были курсы для всех желающих. Долгое время Елисеев работал вне штата, временно, заменяя своих уехавших коллег.

Документ от 17 марта 1930 г. гласит: господину Елисееву поручается чтение вре-

менных лекций по японским религиям в 5-й секции ЕРНЕ в 1929/1930 учебном году вместо господина О. Жанса за 5000 франков в год. Документ от 29 июля 1930 г. подтверждает чтение Елисеевым лекций о религиях Японии в 1930/1931 учебном году. Нигде в материалах не уточняется направленность лекций, читавшихся С. Елисеевым. А сам он пишет, что в 1930–1931 гг. читал лекции по истории буддийского искусства в Японии, в особенности иконографии. Та же тема была у него и в ноябре 1933 г.³⁰

Большой интерес представляет выписка из протокола заседания Совета секции «религиозных наук» Школы от 19 ноября 1930 г. Президент Совета, известный французский востоковед-индолог Сильван Леви, доложил, что господин Куа (Kouté), читавший две лекции в неделю (но не по японистике. – С.М.) за вознаграждение 11000 франков, в 1930/1931 учебном году был назначен преподавателем университета г. Монпелье. После серьезного обсуждения ряда кандидатур решено было передать нагрузку господина Куа (и соответственно, его жалованье) господину Елисееву, ранее читавшему одну лекцию в неделю за 5000 франков в год.

30 декабря 1930 г. это решение Совета было направлено в Министерство народного просвещения и изящных искусств. В документе такого рода за июнь 1931 г., в частности, говорится, что господин Елисеев в 1931/1932 учебном году назначен читать две лекции о религиях Японии в неделю за 11000 франков в год с ежемесячной выплатой жалованья. Речь здесь идет опять о временных лекциях.

Из письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексееву узнаем, что в ЕРНЕ тогда сложилась ситуация не в его пользу, подобная ситуации в INALCO в 1932 г. Елисеев пишет: «Весною 1931 года в École des Hautes Études освободилась штатная доцентура (maître de conférences), Sylvain Levy предложил меня, но все голосовали против, потому что М. Granet предложил своего ученика Mestre, который занимается аннамитским, хотя таланты молодого Mestre были несколько пре-

увеличены»³¹. Однако, несмотря на предпочтение начинающего французского преподавателя, коллеги высоко ценили Елисеева. Пытаясь как-то сгладить остроту ситуации, они хлопотали об его более высоком вознаграждении. Вопрос об этом решался в финансовой комиссии парламента.

«Палата депутатов, Париж,

22 июня 1931 г.

Финансовая комиссия

Месье генеральный директор,

Имею честь обратиться Ваше благосклонное внимание на господина С. Елисеева. Если бы была возможность установить ему вознаграждение, равное тому, которое получает доцент, я был бы Вам очень признателен, если бы Вы могли сделать господину министру необходимое представление – поскольку господин Елисеев обладает замечательными научными званиями и оказывает огромные услуги Практической школе высших исследований.

С уважением,

Господин Кавалье,

директор по высшему образованию»³².

Последний документ из серии, относящейся к ЕРНЕ, датирован 10 ноября 1931 г. Материалы за 1932 г., очевидно, утрачены. Поэтому найти документальное подтверждение того, что Serge Elisséeff стал Directeur d'Études, нам не удалось. Однако мы обладаем собственным свидетельством Елисеева об этом: «Весною 1932 г. неожиданно умер Alphonduy, который читал средневековую философию на религиозном отделении École des Hautes Études. Sylvain Levy внес предложение переменить эту кафедру, сделав из нее кафедру “религий Японии”, и затем предложил меня. Все это было принято подавляющим большинством голосов, и я оказался выбранным “directeur d'études”, это равняется штатной ординатуре»³³. И далее: «С ноября (1933 г. – С.М.) начал снова читать лекции в École des Hautes Études, уже в качестве ординарного профессора, читал курс по буддийской иконографии»³⁴. Во время пребывания Елисеева в США в

1932/1933 учебном году лекции вместо него временно читал Агенауэр³⁵.

Интересно, что в двух документах, от 22 июня и 8 июля 1931 г., уже встречается написание фамилии как Elisseéff вместо Elis(s)éèv, приобретенное Сергеем Григорьевичем после получения им вместе с семьей французского гражданства. Но, по-видимому, такое написание окончательно закрепилось за ученым в Гарвардском университете, а во Франции до его отъезда в США все же чаще упоминается фамилия Elis(s)éèv. Так, в частности, значится на афише Школы живых восточных языков за 1932/1933 учебный год и в документах по выборам на японскую кафедру в 1932 г., упоминавшихся выше.

Согласно статье Э.О. Рейшаура (как будто проверенной самим С.Г. Елисеевым), в 1928–1929 гг. русский ученый преподавал историю японского искусства в Школе Лувра³⁶. Но в обширном архиве Школы Лувра (находящемся сейчас в музее Лувра, куда были переданы архивы всех государственных музеев Парижа) нам не удалось найти ни одного подтверждающего документа за эти годы. Возможно, Елисеев преподавал там позднее – во втором семестре 1933/1934 учебного года, т.е. зимой и весной 1934 г. И читал он курс не японской, а китайской живописи. Так, во всяком случае, он пишет Алексееву в мае 1934 г.³⁷ Пока же нам посчастливилось отыскать лишь краткое рекомендательное письмо Сергея Григорьевича, посланное им из Гарвардского университета 10 февраля 1951 г.³⁸

В статье В.М. Алпатова о С.Г. Елисееве встречается упоминание о том, что он был хранителем японской коллекции в музее искусства Востока Гимэ³⁹. Эта музейная работа еще более усилила его интерес к искусству Дальнего Востока, и ранее составлявший (наряду с японской литературой) приоритет в его исследованиях. Именно во Франции в 1920–1930 годы было написано и опубликовано значительное число его статей на эту тему. Архивные фонды музея Гимэ хранятся сейчас в библиотеке музея. Однако найденные нами документы не подтверждают столь высокий статус Елисеева в Гимэ. Хра-

нитель музейной коллекции во Франции — это большая должность и во времена Елисеева, и в наше время.

Нами была исследована административная переписка („Correspondance administrative“) музея Гимэ до 1925 г. Наиболее ранний документ, касающийся Елисеева, относится к марту 1922 г. Хранитель Гимэ в письме к директору какого-то учреждения говорит о Елисееве как о «нашем сотруднике», предоставившем информацию о предмете буддистского культа в Японии, который музей приобрел. Когда конкретно Сергей Григорьевич поступил на работу в музей, документально не подтверждено. Спустя полтора года он, совершенно очевидно, все еще продолжает там работать на невысокой должности. Весьма вероятно даже, что его работа носила характер исполнения эпизодических поручений руководства музея и не являлась постоянной. В 1923 г. С. Елисеев выполнял работу инвентаризатора и каталогизатора книг на японском языке. Это подтверждается документально:

«25 ноября 1923.

Хранитель музея Гимэ — господину министру народного просвещения и изящных искусств.

...Также прошу Вас разрешить мне использовать господина Сержа Елисеева, бывшего профессора университета в Петрограде, для инвентаризации и каталогизации японских буддистских книг, подаренных музею Гимэ SHUN OHSUMI. Для компенсации расходов господина Елисеева будет необходим кредит в 750 франков (100 часов по 7, 50)»⁴⁰.

Вероятно, Сергей Григорьевич также читал в музее какие-то лекции, потому что в журнале «Восток» за 1923 г. находим: «Как лектор он известен Парижу по лекциям в музее Гимэ, где он состоит каталогизатором»⁴¹.

В 1925 г. Елисееву был поручен разбор и классификация коллекции японских и китайских книг неожиданно скончавшегося известного искусствоведа, друга русского ученого, Клода Мэтра. С Клодом Мэтром его связывал совместный проект — создание

ежемесячного художественного журнала «Япония и Дальний Восток», где Елисеев опубликовал ряд своих переводов японских рассказов. К сожалению, этот проект, порученный Елисееву японским посольством во Франции, по ряду причин просуществовал не более года.

В письме хранителя музея Гимэ министру народного просвещения и изящных искусств от 1 ноября 1925 г. читаем:

«Наследники господина К.Е. Мэтра отдали в дар музею Гимэ большую библиотеку, раньше принадлежавшую этому ученому и содержащую в себе значительное количество трудов на японском и китайском языках.

Разбор и классификация этой коллекции были поручены господину Сержу Елисееву, выдающемуся специалисту, бывшему преподавателю японского в Сорбонне и в Школе восточных языков, который уже оказывал музею Гимэ очень ценные услуги как переводчик.

Работа, поручаемая меся Елисееву, занимает 200 часов по 10 франков в час, таким образом, вознаграждение составляет 2000 франков.

Имею честь просить Вас открыть графу 54 в 1925 отчетном году — Музей Гимэ — Различные виды платежей — Статьи: I „Различные работы по переводу и представлению восточных документов“»⁴².

И опять складывается впечатление, что русский ученый выполнял, скорее, временные поручения куратора музея. Тем более лестна его характеристика как «выдающегося специалиста», приобретенная Елисеевым за несколько лет пребывания в Париже. К сожалению, административные документы подобного рода за более поздние годы в архиве отсутствуют, а просмотр «полученной и отправленной корреспонденции» («*Corrigier reçu et envoyé*») не принес результатов. В фонде Поля Пельо среди множества писем разных корреспондентов отложились и письма к нему Сержа Елисеева, посланные из Гарварда в конце 1930-х годов.

Работая во Франции, Елисеев принял самое деятельное участие в организации вы-

ставки современного японского искусства, прошедшей с 20 апреля по 30 июня 1922 г. в салоне Национального общества изящных искусств. Там были представлены произведения живописи, скульптуры, прикладного искусства и предметы старины. Подготовка и работа экспозиции прошли на самом высоком уровне – под патронажем Р. Пуанкаре, председателя Совета Министров и министра иностранных дел Республики Франции, Л. Берара, министра народного просвещения и изящных искусств Республики Франции, а также посла Японии во Франции виконта Исии. Знаменательно, что именно Серж Елисеев как большой знаток дальневосточного искусства (каких не было среди французских востоковедов) был приглашен для научного руководства выставкой. Елисеев также составил прекрасный каталог выставки и написал книгу «Современная живопись в Японии», приуроченную к ее открытию⁴³. К сожалению, посвященная этому событию статья в парижской «Gazette des Beaux – Arts» никак не отразила участие С. Елисеева в организации выставки⁴⁴. Выставка проходила в Большом дворце (Grand Palais), где сейчас располагается один из музеев. Остается надеяться, что обращение в архив государственных парижских музеев может увенчаться находкой каких-либо документов, посвященных работе над этой выставкой.

В научных кругах Советской России об этой деятельности русского ученого-востоковеда стало известно благодаря небольшой заметке В.М. Алексеева. Вот что он пишет: «Как отличный знаток языка Японии и специалист по ее искусству, С[ергей] Г[ригорьевич] был, вероятно, в высшей степени полезным организатором и каталогизатором выставки, и надо надеяться, что ее каталог, чуть ли не впервые составленный лицом, соединяющим в себе знание языка со знанием и пониманием искусства, составит эпоху в японологии»⁴⁵. Сам же Сергей Григорьевич в письме Ф.И. Щербатскому от 22 ноября 1922 г. пишет, что «весной и летом был занят по канцелярии японской выставки»⁴⁶.

И последнее. Во всех словарях и справочниках, статьях и ссылках датой награждения С.Г. Елисеева орденом Почетного легиона считается 1946 г. Однако по сведениям, предоставленным нам Великой канцелярией ордена Почетного легиона, Елисеев стал кавалером этого ордена указом от 12 февраля 1949 г. в номинации «Профессор факультета естественных и гуманитарных наук Гарвардского университета (США)».

Примечания

¹ Безусловно, нельзя абсолютно полагаться на свидетельства одного человека, тем более относительно столь давних событий, не видя документов собственными глазами. Насколько мы можем судить, В.С. Елисеев допустил ряд фактических ошибок.

² Речь идет даже не о собственно воспоминаниях, а об ответах В.С. Елисеева на вопросы своего японского корреспондента Ю. Хасэгава, пытавшегося в самом конце XX в. написать книгу о Сергее Григорьевиче Елисееве, о дополнениях, исправлениях и уточнениях сведений Хасэгава. В.С. Елисеев был к тому времени уже тяжело болен, и подчас его почерк (а писал он по-английски) трудно читается.

³ *Elisséev S. La peinture contemporaine au Japon*. Paris, 1923.

⁴ Лозинский Григорий Леонидович (1889–1942) – филолог-романист, переводчик, младший брат известного советского поэта и переводчика Михаила Лозинского. В 1921 г. бежал из Советской России, как и Елисеев, в Финляндию на лодке. Во Франции занимался научной и педагогической деятельностью. Другой экземпляр этой книги был подарен ее автором Ю.Н. Рериху с надписью: «Дорогому Юрию Николаевичу Рериху на добрую память от искренне преданного автора. Париж. 1923». Эта книга хранится в Институте востоковедения РАН в библиотеке Ю.Н. Рериха. Экземпляр книги из библиотеки Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге имеет посвящение Н.И. Конраду: «Дорогому Николаю Иосифовичу Конраду на добрую память о вместе проведенном времени в Токио и в Сеуле от преданного автора. Париж. 1924».

⁵ Вадим Сергеевич приводит другую дату – 10 ноября, но в письме Ф.И Щербатскому от 19 ноября 1922 г. Елисеев пишет: «...в декабре собираемся переезжать в маленькую квартирку на 75 Boulevard Pereire...» // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 725, оп. 3, д. 94.

⁶ В.С. Елисеев ошибочно называет днем смерти отца 16 апреля.

⁷ *Reischauer E.O. Serge Elisséeff // Harvard Journal of Asiatic Studies. Harvard – Yenching Institute, 1957, vol. 20, p. 1–35.* Статья Рейшаура по сравнению с другими работами такого рода, по словам Вадима Елисеева, наиболее достоверно освещает жизнь С.Г. Елисеева, поскольку последний контролировал ее написание. Однако необходимо учитывать «человеческий фактор» – статья была написана в 1957 г., когда подробности событий 30–40-летней давности уже сильно изгладились из памяти того, кому она была посвящена. К тому же через много лет люди вообще имеют обыкновение по-иному смотреть на свое прошлое. Отсюда и неточности, и фактические ошибки, и нестыковки в датировках.

Пользуясь случаем, хочется сказать несколько теплых слов о малоизвестной статье о С.Г. Елисееве недавно ушедшего А.М. Решетова (*Решетов А.М. Выдающийся востоковед С.Г. Елисеев (1889–1975): жизнь и деятельность на родине и в эмиграции // Зарубежная Россия. СПб., 2004, с. 188–197*). Статья, несмотря на некоторые погрешности, привлекает явной симпатией автора к русскому ученому, сначала выдвинутому из родины, а затем этой же родиной преданному забвению. Описывая парижский период жизни и деятельности Елисеева, Решетов прибегнул к самому достоверному из доступных ему источников – к письмам самого Сергея Григорьевича китаисту В.М. Алексееву за 1933–1934 гг.

⁸ *Kurata Y. Eriseefu no shougai nihongakuno shiso. Tokyo, 1977; Kurata Y. Natsume soseki to Japanology densetsu. Tokyo, 2007.*

⁹ *Reischauer E.O. Op. cit., p. 21.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Eliséev S. La langue japonaise, la langue coréenne, la langue aïnou, les langues hyperboréennes // Les langues du monde. Paris, 1924, p. 245–272; Eliséev S. Mythologie du Japon: I. Mythologie shintoïque; II. Mythologie bouddhique // Mythologie Asiatiques illustrée. Paris, 1928, p. 363–424.*

¹² Пельо Поль (1878–1945) – один из крупнейших французских синологов 1920–1930-х

годов. Выпускник Школы живых восточных языков, профессор Коллеж де Франс. После смерти в 1930 г. синоведа А. Виссьера (Vissière), возглавлявшего кафедру в Школе живых восточных языков, был приглашен на его место.

¹³ Леви Сильван (1863–1935) – выдающийся индолог, лингвист. Преподавал в ЕРНЕ, Сорбонне, Коллеж де Франс. Был вице-президентом Французского комитета по научным связям с Россией в 1920–1930-е годы.

¹⁴ Елисеев согласился принять приглашение в Гарвард лишь на пять лет – с 1934 по 1939 годы. Но вернуться во Францию и, очевидно, построить там карьеру, имея за плечами признание в Америке, он не смог из-за начавшейся в Европе войны. А затем, когда война закончилась, оказалось, что двенадцатилетнее отсутствие во Франции помешало ему выработать французскую пенсию. Поэтому пришлось остаться в США еще на одиннадцать лет и выходить в отставку по американским законам.

¹⁵ *Reischauer E.O. Op. cit., p. 22.*

¹⁶ Цит. по: *Дьяконова Е.М. Письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексееву. 1933–1936 // С.Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Вьетнам). М., 2000, с. 144.*

¹⁷ *Reischauer E.O. Op. cit., p. 22.*

¹⁸ Национальные архивы Франции. F 17 13610. До Елисеева в 1921 и 1922 годах экзамены по японскому языку принимал не профессиональный преподаватель, а французский консул в Японии месье Бургуа (Bourgeois).

¹⁹ Национальные архивы Франции. F 17 13611.

²⁰ «Republique française
Ecole nationale des Langues Orientales vivantes.
Rue de Lille, № 2

Coutrés libres Autorisés pour l'année Scolaire
1928–1929

<...>

Philologie japonaise
M. Eliséev étudiera la Grammaire de la langue
littéraire Japonaise, les lundis, à 17 heures
(Salle № 6)». Национальные архивы Франции.
62 AJ/69.

²¹ Национальные архивы Франции. 62 AJ/70.

²² Там же, 62 AJ/71.

²³ «Chaire de japonais. Présentation en 1ère ligne: M. HAGUENAUER, Secrétaire de la Maison de France à Tokyo, par 10 voix contre 1 bulletin blanc et 2 bulletins nuls à l'Assemblée des professeurs, à l'unanimité au Conseil de Perfectionnement. Présentation en 2e ligne: M. ELISEEV, doc-

teur ès-lettres, par 5 voix contre 4 à M. BON-MARCHAND et 3 bulletins blancs à l'Assemblée des professeurs, à l'unanimité au Conseil de Perfectionnement». (См.: Национальные архивы Франции. 62 AJ/13).

²⁴ Агенауэр Шарль (1896–1976) – ведущий французский японист, лингвист и этнолог. «Когда же я упоминаю Haguenaуer'a, то обыкновенно отвечают: „Oui, mais ce n'est pas la meme chose!“ Он знающий японист, но лишенный искры, у него нет энтузиазма и ученики Школы восточных языков жалуются, что он беспредельно скучен». Из письма С.Г. Елисеева В.М. Алексееву от 26 мая 1934 г. // СПФ АРАН Ф. 820, оп. 3, ед. хр. 344, л. 1.

²⁵ Бонмаршан Г. – французский синолог и японист-практик, с 1907 г. по 1927 г. проработавший переводчиком в посольстве Франции в Токио.

²⁶ Цит. по: Дьяконова Е.М. Указ. соч., с. 158.

²⁷ Национальные архивы Франции. F17 13618 – все документы.

²⁸ Такие соответствия французских преподавательских должностей российским приводит сам С.Г. Елисеев в письме В.М. Алексееву от 21 января 1933 г. (См.: Дьяконова Е.М. Указ. соч., с. 157, 158).

²⁹ Reischauer E.O. Op. cit., p. 22.

³⁰ Дьяконова Е.М. Указ. соч., с. 157, 162.

³¹ Там же, с. 157.

³² «Chambre des deputes Paris, le 22 juin 1931

Commission des finances

Monsieur le Directeur Général,

J'ai l'honneur d'appeler particulièrement votre bienveillante attention sur M. S. ELISSEEFF, chargé de cours à la 5ème Section de l'Ecole des Hautes Etudes.

S'il était possible de lui attribuer un traitement égal à celui que reçoivent les Maître de Conférences, je vous serais très reconnaissant de bien vouloir faire au Ministre la proposition nécessaire, car M. ELISSEEFF est pourvu de titres très remarquables et rend les plus grands services à l'Ecole Pratique des Hautes Etudes.

Veuillez agréer, Monsieur le Directeur Général, l'assurance de ma haute consideration.

Monsieur CAVALIER, Directeur de l'Enseignement Supérieur».

³³ Дьяконова Е.М. Указ. соч., с. 158.

³⁴ Цит. по: Дьяконова Е.М. Указ. соч., с. 162.

³⁵ Дьяконова Е.М. Указ. соч., с. 158.

³⁶ Reischauer E.O., op. cit., p. 22.

³⁷ Цит. по: Дьяконова Е.М. Указ. соч., с. 162.

³⁸ Архив Школы Лувра. Z 62 290.

³⁹ Алтатов В.М. Сергей Григорьевич Елисеев // С.Г. Елисеев и мировое японоведение, с. 18. В свою очередь Рейшауэр пишет о работе Елисеева в музее Гимэ гораздо более осторожно: «В 1923 г. Елисеев получил небольшую работу исследователя-ассистента (research assistant)». Reischauer E.O. Op. cit., p. 21.

⁴⁰ «25 Novembre 1923. Le conservateur du Musee Guimet à Monsieur le Ministre de l'Instruction publique et des beaux-arts.

Je vous demande également de m'autoriser à employer M. Serge Elisseev, ancien Professeur à l'Université du PETROGRAD pour inventorier et cataloguer les livres bouddhiques japonais donnés au Musee Guimet par SHUN OHSUMI. Un credit de 750 francs (100 heures à 7, 50) serait nécessaire pour indemniser M. Elisseev». Архив музея Гимэ: Correspondance administrative. 1907–1925. № 151.

⁴¹ Алексеев В.М. Русское востоковедение за границей // Восток. Кн. 2. М., 1923, с. 131.

⁴² «Les héritiers de Monsieur Cl. E. Maître ont fait don au Musee Guimet, d'une importante bibliothèque ayant appartenu à ce savant, et comprenant une collection considerable d'ouvrages en japonais et en chinois.

Le soin de dépouiller et de classer cette collection a été confié à Monsieur Serge ELISSEEV, spécialiste éminent, ancien chargé de cours de japonais à la Sorbonne et à l'Ecole des Langues Orientales, et qui a déjà rendu, comme traducteur, les services les plus appréciés au Musee Guimet.

Le travail demandé à M. Elisseev, comporte 200 heures à 10 frs l'heure, soit une remuneration de 2000 frs.

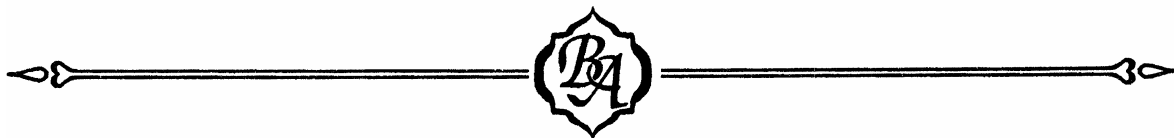
J'ai l'honneur de vous prier de vouloir bien ouvrir un crédit d'égale somme sur le chapitre: 54 du budget de l'exercice 1925 – Musée Guimet —Indemnités diverses et secours—Article: I „Travaux divers pour traduction et presentation de documents orientaux“. Архив музея Гимэ: Correspondance administrative. 1907–1925. № 532.

⁴³ Шарье И. Сергей Елисеев и современное японское искусство // С.Г. Елисеев и мировое японоведение, с. 92–93.

⁴⁴ Doin J. Les salons de 1922 // Gazette des Beaux – Arts, mai 1922, p. 289–292.

⁴⁵ Алексеев В.М. Указ. соч., с. 131

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 725, оп. 3, д. 94.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru; www.belyakovv.com

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ГОРБУНОВА Наталья Максовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nigorbunov@mail.ru

ЖИГАЛИНА Ольга Ивановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: o.zhigalina@gmail.com

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КОРКМАСОВА Джана Анатольевна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: korkmasova_3@mail.ru

КРЫЛОВА Наталья Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: krylovanl@yandex.ru

КУДУХОВ Кирилл Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: imho.kuduhov@yandex.ru

КУРАС Татьяна Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета. E-mail: tanya_kuras@mail.ru

ЛИМ Софья Чунуновна – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (Владивосток). E-mail: lcsofia@yandex.ru

МАРАХОНОВА Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: si-marakh@yahoo.com

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: horezm83@mail.ru

ХОХЛОВ Александр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru